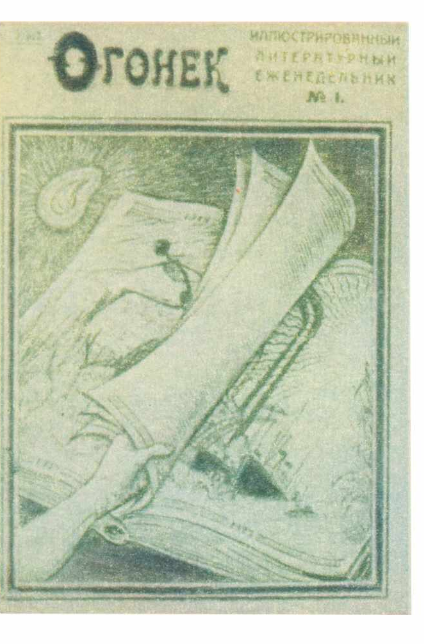

ОГОНЁК № 2000

43 ОКТЯБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строится столица молока и масла...

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЛИ

Тишина...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

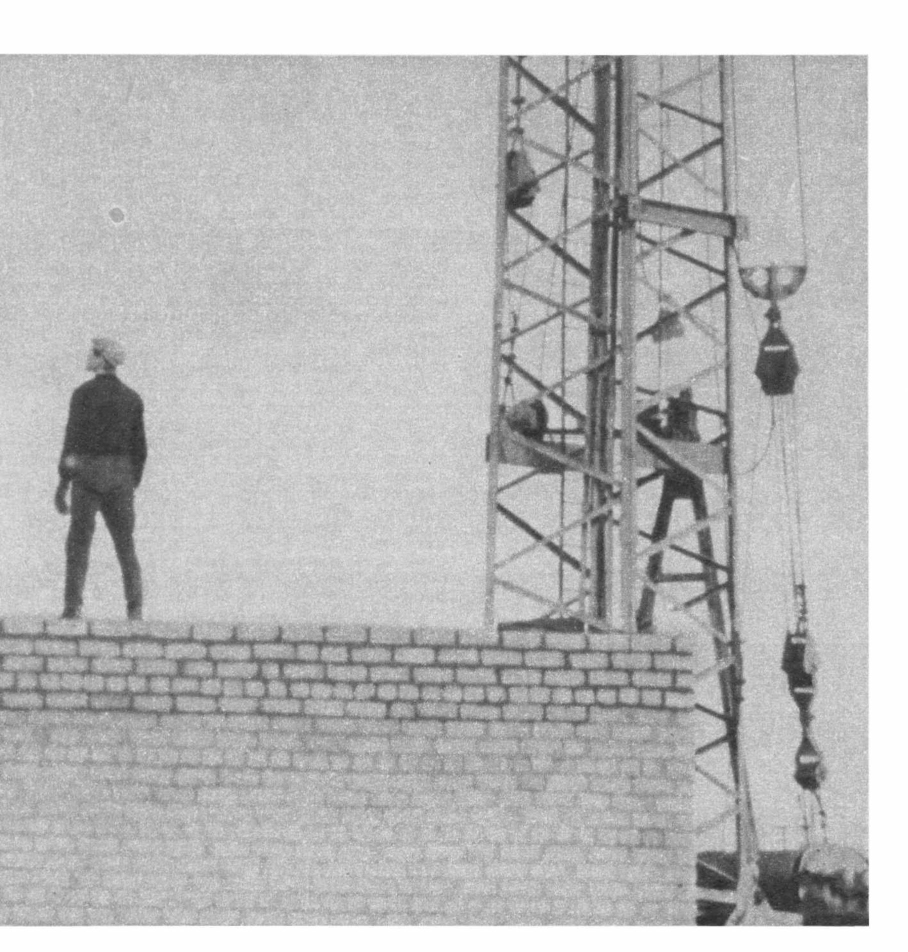
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

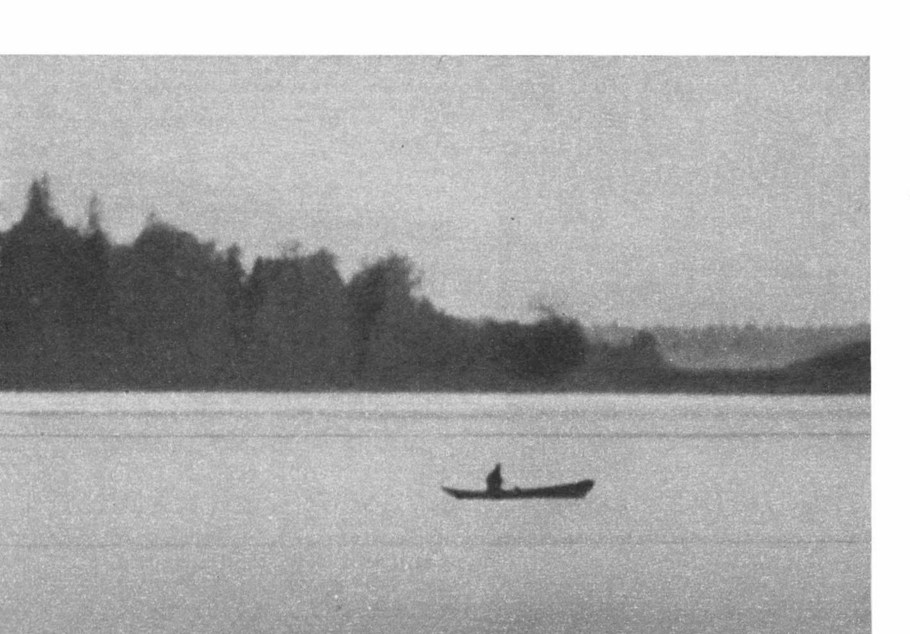
№ 43 (2 000)

24 ОКТЯБРЯ 1965

стопад

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. Шерстенникова.

Северный край: спокойные холмы, чистый свет, добродушный окающий говорок. Имена городов и сел звенят гусельной струной — Великий Устюг, Тотьма, Вытегра, Брусенец, Чарозеро... Рубленые деревни темны от дождей. Широкими крыльями размахнулись с холмов в долины желтые, коричневые и зеленые поля. Над ними торопливо собираются перелетные стаи. А над стаями, словно тоже охваченные дорожной лихорадкой, проносятся тучи и сыплют на стога, на пашни, на льняные стлища суетливые мелкие слезы. Растают тучи в слезах — и раскроется над полями безбрежное светлое небо, блеснут озими в кольце зелено-желтых акварельных лесов, искрами полыхнет рябина, и не только что озера и реки, а каждая лужа у дороги наполнится глубочайшей синевой. И польются золотые ливни с лип, кленов и берез...

Отсюда, из северных лесов, выходит к югу деревенский листопад, деловитый и работящий, такой непохожий на темное блистание городских аллей: шепчет и шепчет на лесных опушках.

Принято считать — небогата, неурожайна вологодская земля. А она ведь неодинакова, как всюду. И как всюду — какова забота о ней, таковы и поля и деревни. В Огаркове, например, дома янтарно-новы, за стеклами веранд цветут фуксии и герани, палисадники густеют смородиной, молодыми яблонями, георгинами. Есть здесь и каменные двухэтажные дома с центральным отоплением, канализацией, водопроводом. Есть большая новая баня и клуб. Получилась эта новая деревня почти такой, какой привиделась одиннадцать лет назад Михаилу Григорьевичу Лобытову. Февральский ветер срывал тогда с пустого холма жесткий снег, зябли у дороги голые, обветшалые избы старого Огаркова. Накануне Михаил Григорьевич расстался с должностью председателя райисполкома и стал председателем колхоза, в котором и веревки порядочной не было.

С тех пор одиннадцать раз теплел комок весенней земли в его ладони. Одиннадцать раз начинались пахота и сев, и горестно думалось: удобрений бы в эти борозды, побольше, разных! Их было мало. Но вовремя стали выходить в поля пахари, сеятели и жнецы — земля отблагодарила и за это.

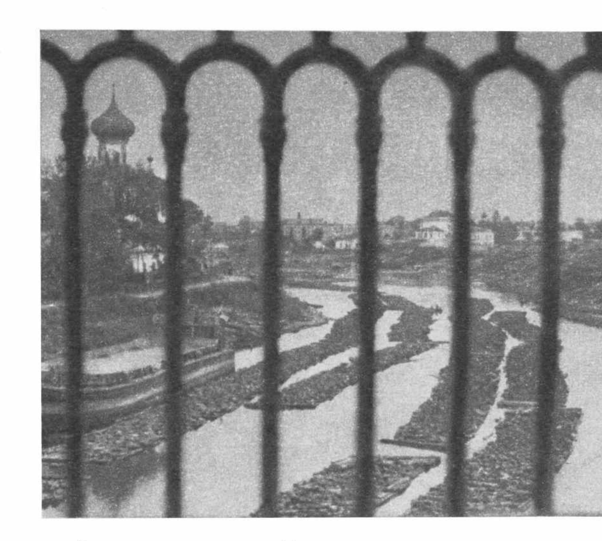
И вот шумит одиннадцатый листопад. Бродит по лесам осень. А в полях все еще лето — работают комбайны, зерносушилки, пахнет теплым зерном и половой. На месяц запоздало нынче созревание. Но все же с некоторых участков получили даже по тридцать центнеров ячменя! Сейчас комбайнер Володя Петров убирает последнее, правда, не больно-то колосистое поле.

По-летнему гуляют еще на мягких пастбищах стада, и Тоня Тулякова, развязав косынку после дойки, смахивает со лба бисеринки пота: жарко. А может, и непривычно еще: Тоня недавно ведь стала дояркой, а коровы здесь дают по три с половиной тысячи литров молока в год!

За трудодень колхозники получают по два восемьдесят. Строится колхоз «Родина», обогащается новыми домами и фермами, сорок семь разбросанных деревень и деревенек сселяются постепенно в два больших новых хозяйственных центра.

Она ведь вот и такая, вологодская земля. Много в ней еще не разбуженных сил, не использованных возможностей.

Есть в области, кроме Вологды, еще один центр — столица вологодского молока и масла. Так и называется — Молочное. В 1911 году здесь был построен небольшой Молочный научно-исследовательский институт. А сейчас в Молочном своеобразный триумвират: в дружбе и взаимопомощи сосуществуют наука, учение и колхозное производство. Здесь хорошие урожаи и большие удои. Тут, на институтском опытном маслозаводе, получают знаменитое вологодское масло в самом идеальном его виде.

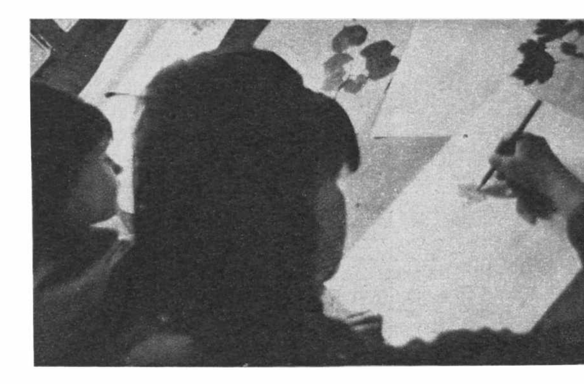

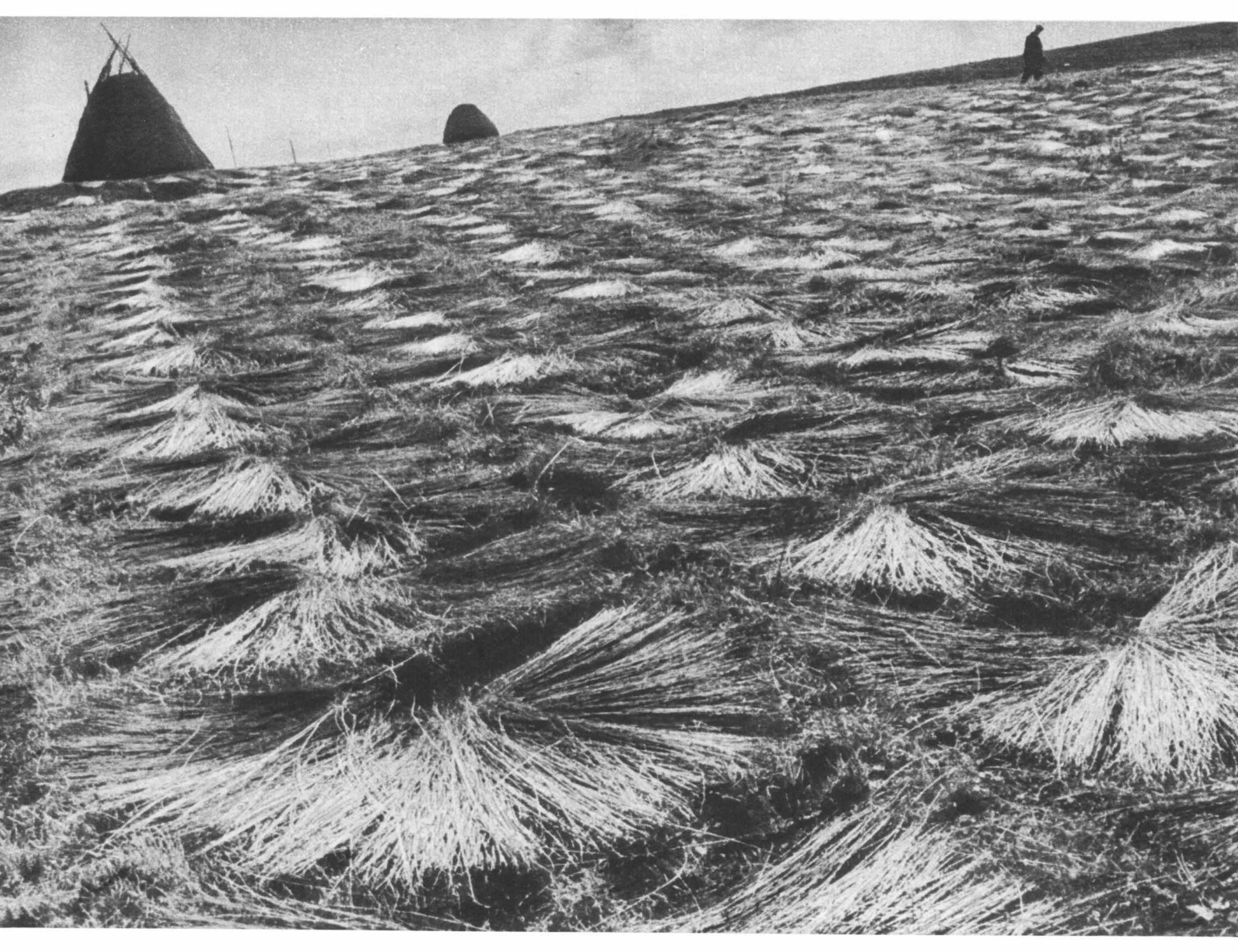
Город — ровесник Москвы.

В. А. Ларчин, заслуженный зоотехник РСФСР, доцент института в Молочном.

Урок рисования в школе кружевниц.

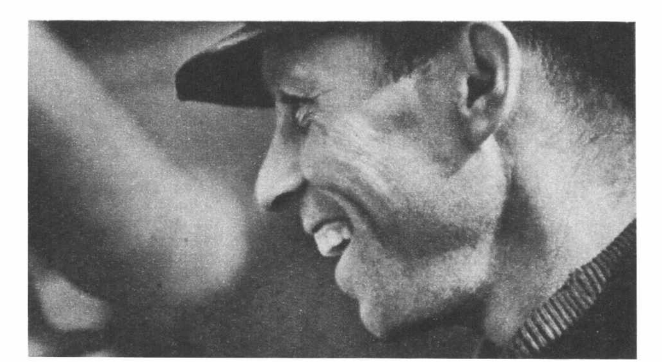

Отлежится ленок — и удастся!

Тоня Тулякова, доярка из колхоза «Родина».

Володя Петров, комбайнер.

Здесь будет культурное пастбище.

Просим главного инженера завода, недавнего студента, Анатолия Павловича Дороговцева раскрыть производственную тайну.

— Ну что ж, как технолог, я расскажу вам: надо отбирать самое лучшее молоко от чистопородного черно-пестрого стада, до предела сократить его путь от коровы к маслобойке, ну, и пастеризовать сливки не при семидесяти пяти градусах, как обычно, а при девяноста. Такая пастеризация придает маслу, как мы говорим, «ореховый» вкус. Но есть и другая тайна — наши северные травы. В них особая мягкость, свежесть и аромат. Это они, перейдя в масло, придают ему знаменитый «вологодский» вкус. Поэтому зимнее масло с привкусом силоса и концентратов мы уже не называем «вологодским». И как бы ни хороши были южные травы, они другие, и масло там тоже будет другим.

Вот, оказывается, сколько поэзии северных лугов, утреннего запаха трав, сколько научного поиска и труда заключено в кусочке вкусного вологодского масла!..

От уровня ферм и учебных хозяйств Молочного до уровня колхозных полей и ферм еще далеко. На этом пути много препятствий. Одни из них уже устранены после мартовского Пленума ЦК.

Председатель колхоза «Россия», что под Белозерском, Сергей Васильевич Александров рассказывает:

— Платить людям стали вовремя и хорошо. У нас доярки по двести рублей в месяц получают нынче. Только вот по инерции, что ли, некоторые опять хотят своих дочерей в города собирать. Жаль отпускать молодежь, и нам трудно будет, да и в городе их ждут не только танцы да развлечения. Однако все же молодые люди и культуры хотят, и общества, и веселья. А по нашему бездорожью самый близкий город далеко, и киномеханику надо быть героем.

Бездорожье — вот что продолжает быть бедой вологодского хозяйства. Портится от тряски и черепашьей езды самое вкусное в стране молоко, и вологодское масло отнюдь не всегда получается «вологодским»; трудно подвозить к полям удобрения и гербициды; трудно закладывать культурные пастбища. А сдвиг есть, а дела начаты и делаются; были бы дороги, шли бы те дела легче и быстрее!

И всем нам, живущим далеко от Вологодской области, тоже нужны эти дороги: тогда станет доступнее глазу и сердцу вологодская красота.

Не для простого туристского любопытства, но для большого и настоящего счастья, для понимания своей страны надо увидеть полное светлой воды летописное Белое озеро, земляные крепостные валы Белозерска, вечевой колокол у входа в белый Успенский собор.

И непременно надо с директором Кирилло-Белозерского музея Александром Федоровичем Поздняковым поехать на озеро Бородавское. На закате оно кажется чашей, наполненной малиновым вином. А над озером, на высоком холме, в темных елях, в золотых березах стоит белокаменная, многокупольная, устремленная к пылающему небу Древняя Русь под названием «Ферапонтов монастырь»...

— ...Приехал к нам Дионисий с сыновьями Феодосием и Владимиром, ходили по берегу, собирали пестрые камушки, растирали в порошок, разводили в известковой воде, по сырой штукатурке расписывали стены вот так, как вы их сейчас видите,— рассказывает Александр Федорович, будто только вчера сам видел знаменитого богомаза. А было это вон когда: с 1500 по 1502 год!

После такого рассказа как не сойти вниз, к воде, как не набрать светлых голубовато-зеленых и охряно-желтых камушков! Может быть, вот этот и лежал на ладони Дионисия?..

Такова связь времен в этих краях, и есть в ней неисчерпаемая радость узнавания.

...Внизу меж высоких берегов синеет серебристая река — работящая северянка. Пахнет она горьковатой корой нескончаемых плотов-кошелей, мокрым срубом старого, похожего на деревянную крепость моста, свежевыстиранным бельем: его денно и нощно полощут с мостков в синей воде подоткнувшие подолы вологжанки. И тихонько шепчутся над Вологдой золотые березы — старые с молодыми.

Добрые вести к XXIII съезду КПСС

УЗБЕКИСТАН

«Вода — кровь дехканина, земля — его душа»,— гласит старая узбекская поговорка. Кому, как не жителям бескрайних кызылкумских пустынь, знать подлинную цену воде! «Когда землю покидает счастье — вода уходит в глубину»,— говорят в пустынях.

Нынче в пустыне говорят по-иному: «Когда приходит из глубин вода — счастье поселяется на земле». 650 тысяч гектаров кызылкумских песчаных пастбищ получили сегодня чистейшую артезианскую воду. 94 километра скважин пробурили строители узбекского пастбищно-мелиоративного треста. Глубина некоторых подземных фонтанов достигает 800—900 метров.

Уже в октябре мелиораторы республики выполнили годовой план работ. Эту свою победу посвящают они XXIII съезду КПСС.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

Сарымайский массив, Кызылкумы.

СИБИРЬ

На Новосибирском турбогенераторном заводе закончилась отгрузка последних узлов гидрогенератора мощностью 77 тысяч киловатт для Вилюйской ГЭС. По железной дороге гидрогенератор будет доставлен до порта Осетрово на реке Лене. Здесь — перегрузка на баржи. По Лене генератор спустится до порта Мухтуя. Снова перегрузка. И ожидание зимы. Когда наступят холода и земля замерзнет, тракторы потащат агрегаты к поселку Чернышевскому.

Этот гидрогенератор — четвертый по счету. Три его собрата уже доставлены таким же способом в поселок Чернышевский в прошлом году.

Вилюйская ГЭС — вторая после Мамаканской — станция в зоне вечной мерзлоты. Сконструировать и изготовить оборудование для этой станции было почетным и ответственным заданием для сибиряков. Турбогенераторный завод в Новосибирске очень молод. Первую машину он выпустил в 1953 году. Однако продукция завода —турбо- и гидрогенераторы, низковольтная аппаратура, крупные электромашины — пользуется широкой известностью в стране.

Ю. РЫТОВ, собкор «Огонька»

Новосибирск.

ЛЕНИНГРАД

Темной октябрьской ночью вблизи Александро-Невской лавры раздался глухой взрыв. Старый дом, словно нехотя, осел и тут же мгновенно превратился в бесформенную груду обломков. Подошли бульдозеры, экскаваторы. Один за другим самосвалы увозили куски разрушенного дома. Последнее препятствие, мешающее подъезду с Невского проспекта к вновь сооружаемому мосту Александра Невского, убрано.

Вместе с начальником дорожно-мостового управления И. Е. Максимовым входим на широченный мост, пролеты которого повисли над потемневшей неспокойной Невой. Предпусковые дни всегда у строителей полны волнения. Днем и ночью, в дождь и холодный, обжигающий ветер они не покидают вахту, стремясь все сделать на совесть. Строители знают, что начало движения по новому мосту доставит ленинградцам, живущим в новом районе Охты, на правом берегу Невы, большую радость. Теперь им не надо будет колесить, чтобы быстрее оказаться в центре города.

Разводной мост Александра Невского называют в Ленинграде флагманом. С ним не может сравниться ни один из 327 мостов, перекинутых через реки и каналы, даже и полюбившиеся всем мосты на Неве.

Александр Невский — восьмой мост по счету на Неве. Он самый высокий, самый большой и самый красивый. Его длина вместе с пандусами, в которых разместятся гаражи,— 906, а ширина —35 метров. По своим инженерным качествам он уникален. Его разводные пролеты поднимаются — впервые — гидравлическими механизмами. Когда смотришь с набережной, он точно парит над Невой.

Новый мост, проект которого разработал «Ленгипротрансмост», украсил город, изменил облик набережной и площади Александра Невского. Исчезли старинные кирпичные склады, открылся неповторимый по своей красоте вид на музей-некрополь Александро-Невской лавры. Пройдет немного времени, и у моста вырастет высотная гостиница, появится станция метро.

Иван Ефимович Максимов придирчиво осматривает каждый пролет и предупреждает строителей:

— Учтите, танки уже заказаны, они будут точно в назначенный час.

Чтобы испытать мост Александра Невского, вызваны 26 тяжелых танков. Их прогулка по мосту послужит авторитетным доказательством его готовности к эксплуатации.

Отсюда танки пойдут еще на Васильевский остров. Там также завершается строительство нового Тучкова моста через Неву, который соединит Васильевский остров с Петроградской стороной. Он, как и мост Александра Невского, тоже внушительный подарок мостостроителей предстоящему XXIII съезду КПСС.

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

Ленинград,
по телефону.

Строится Тучков мост. **Фото Н. Ананьева.**

ГРУЗИЯ

От берегов Балтики отправляется в свой первый рейс в Индийский океан траулер «Колхида». Через полгода с богатым уловом он прибудет домой.

Где же дом «Колхиды»? Конечно, в самой Колхиде, в черноморском порту Поти. Здесь прописались с прошлого года траулеры «Тбилиси», «Шота Руставели», «Поти». Это совсем молодая семья рыболовов. «Колхида»— всего лишь четвертый член этой семьи. А через несколько лет здесь будет траулеров 20.

— Знаете, сколько рыбы добывал весь грузинский рыбный трест до нас?— говорит главный инженер Грузинского управления океанического рыболовства, старый моряк Д. К. Картозия.— Всего лишь 50 тысяч центнеров в год! Сейчас эти 50 тысяч добывает один наш траулер...

— Что же нового,— спрашиваем,— внесли грузинские рыбаки в океанское рыболовство черноморцев?

— Во-первых, начали освоение Индийского океана. До нас советские траулеры в этих водах не промышляли. А из иностранцев мы видели там только японцев. Во-вторых, мы стали привозить в трюмах домой рыбу при температуре тела не выше минус 10— минус 15 градусов, такая рыба выдерживает дальние походы. Как мы этого добились? Увеличили продолжительность действия морозильных установок.

Для начала, кажется, и это неплохо. Счастливого же плавания «Колхиде» и ее братьям —«Шота Руставели», «Тбилиси», «Поти»...

И. МЕСХИ, собкор «Огонька»

Поти.

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

ЧТО ЕСТЬ ВЫГОДА

Николай ШМЕЛЕВ,
кандидат экономических наук

ВОПРОС, КОТОРЫЙ БЫЛ НЕИЗБЕЖЕН

Тем, кто непосредственно сталкивался с нашей хозяйственной жизнью, нередко, наверное, приходилось слышать один нехитрый вопрос, на который нелегко и не сразу можно было найти столь же простой ответ: «А что мы от этого будем иметь?» Так иногда начинались, а иногда и заканчивались многие дискуссии на экономические темы. Шла ли речь о резервах роста производства, о качестве продукции, о внедрении новейших технических достижений, вопрос этот возникал неизменно. Его можно было услышать от рабочего, инженера, от директора завода, который обычно в подобных беседах выступал от лица коллектива и потому вместо «я» чаще всего употреблял «мы».

Этот вопрос порождал тревогу и беспокойство. Нельзя было не признать правомерность его постановки. Нельзя было не признать также, что ответить на такой вопрос в положительном смысле не всегда было возможно. Значит, не все еще было достаточно продумано и хорошо отработано в нашем экономическом механизме, если очевидно прогрессивные идеи, бесспорно полезные для народного хозяйства в целом, зачастую наталкивались на короткое и трудноопровержимое возражение со стороны тех, кого они должны были непосредственно затрагивать: «Нам это невыгодно». Из системы управления хозяйством выпадал важнейший рычаг развития производства и повышения его экономической эффективности — непосредственная заинтересованность коллектива.

Складывалось парадоксальное положение. С одной стороны, переход на новый, высококачественный вид продукции сулил явные выгоды всему народному хозяйству и, следовательно, в конечном счете был выгоден и для коллектива и для отдельного работника того предприятия, которое могло это изделие освоить. В то же время такой переход порой прямо и непосредственно угрожал предприятию ухудшением его финансового положения, трудностями в выполнении плана по валу, лишением премий. Если же завод продолжал «гнать» старое, давно освоенное изделие, тогда все было в порядке, по крайней мере внешне: предприятие успешно работало, налог с оборота и отчисления от прибылей шли в бюджет, работники получали какие-то премии. Но устаревшая продукция, не найдя потребителя, нередко намертво оседала на складах и заваливала предприятие. Фабрика или завод, по сути дела, в значительной мере работали вхолостую. Слабая заинтересованность коллективов отдельных предприятий в повышении экономической эффективности производства сказывалась на общей эффективности народного хозяйства.

Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС открыли широкие возможности для научного управления хозяйством на основе ленинских принципов хозрасчета и материальной заинтересованности.

Длительное время технический прогресс во многих отраслях в немалой степени обеспечивался лишь за счет административных мер воздействия. Те крупные и важные предприятия, которые постоянно находились в поле зрения руководящих органов, шли в ногу с техническим прогрессом благодаря тому, что им оказывалось постоянное и неусыпное внимание. На многих же относительно небольших заводах нередко положение складывалось так, что технический прогресс становился лишь делом совести руководства предприятия. Решения Пленума ЦК КПСС позволяют, максимально используя и умело сочетая экономические рычаги и моральные факторы, поставить в качестве главного стимула развития производства и технического прогресса принцип: что выгодно государству, должно быть выгодно и отдельному предприятию и отдельному работнику.

УСЛОВИЯ РАЗНЫЕ, ВЫХОД ОДИН

Недавно мне довелось побывать на двух заводах, работающих в совершенно различных условиях и имеющих перед собой различные, казалось бы, задачи. Общее между ними одно: и тот и другой выпускают главным образом товары народного потребления. Подольский механический завод имени М. И. Калинина дает бытовые швейные машины. Московский завод портативных пишущих машинок поставляет почти все отечественные пишущие машинки, используемые для личных целей.

Подольский механический — большой и богатый завод, на котором заняты тысячи рабочих. На отсутствие внимания со стороны руководящих органов он не может пожаловаться. Скорее наоборот: опека над ним порой приобретала чрезмерный характер. В середине 50-х годов планирующие органы решили довести его производственные мощности до 4 миллионов швейных машин в год. Работникам завода удалось отстоять цифру в 3 миллиона. Предприятие расширили, было получено и установлено первоклассное узкоспециализированное оборудование, уже в 1963 году завод стал выпускать более 2 миллионов машин. Чем все это кончилось? К концу 1964 года запасы не находивших себе сбыта швейных машин в торговой сети и на заводе приблизились почти к 2 миллионам штук. Свыше 100 миллионов рублей стали мертвым капиталом.

В долгой и обстоятельной беседе с директором Борисом Дмитриевичем Поповым мы пытались из массы причин и следствий выделить то главное, что обусловило нынешнее трудное положение завода. Мнения наши не всегда совпадали: я искал объяснение главным образом в общих экономических условиях, Попов же все время подчеркивал, что нельзя сбрасывать со счетов специфику именно данного производства. Однако мы оба согласились на том, что основных причин затоваривания было две: отсутствие у планирующих органов четкого представления о перспективах роста покупательского спроса на машины и резкое ухудшение их качества. Почему? Плановые органы непрестанно требовали снижения себестоимости. При этом они исходили из достигнутого уровня, а не из реальных возможностей сокращения издержек производства. Что оставалось делать заводу? Волей-неволей он был вынужден экономить на качестве. В то же время государство теряло во много раз больше на затоваривании швейных машин.

— Не брали наши машины, да и все тут. Сначала нас это вроде не касалось, а потом... Даже стали раздаваться голоса, что пора останавливать завод! Вся его территория была завалена машинами,— рассказывал Попов.

Сам он еще молод, начал работать тут кузнецом, был мастером, начальником цеха. Здесь же окончил вечерний институт. Директором его выдвинули как раз в ту пору, когда на заводе уже стали сказываться просчеты плановых органов. Естественно, что для человека, который буквально вырос на предприятии, больно было видеть, как огромные государственные средства, труд людей омертвлялись по причинам, которым трудно было найти сколько-нибудь разумное оправдание.

— Не по-хозяйски тогда все выходило,— замечает Попов.— Потом о нашем заводе рассказала «Правда». Нам разрешили повысить себестоимость и за счет этого повысить качество машин. Правительство значительно снизило цены на бытовые швейные машины. Установили нам на 1965 год план —800 тысяч машин. Это уже было близко к реальным потребностям рынка. Нам удалось в значительной мере «рассосать» затоваривание. Но, увы, и сейчас еще 140 тысяч машин лежат на заводском складе!

— Борис Дмитриевич, значит, производственные мощности использовались и используются далеко не полностью? Сохранится ли такое положение и впредь?

— Да, сейчас мощности используются не полностью. Но впредь этого не может быть. И здесь мы все свои надежды возлагаем на новую систему планирования. Теперь мы будем непосредственно заинтересованы и в расширении производства и в сбыте своей продукции. Мы будем заинтересованы в прибыли. Выгода — это будет главный ориентир. И мы примем все меры, которые будут от нас зависеть, чтобы повысить рентабельность.

— Какие же меры вы собираетесь предпринять хотя бы в ближайший период?

— Мы добиваемся и, видимо, добьемся установления на 1966 год разумного плана реализации бытовых машин — на уровне 800 тысяч штук. Больше наш рынок вряд ли сможет поглотить. Мы переводим некоторые цеха с производства бытовых швейных ма-

шин на выпуск промышленных. Спрос на них пока практически не ограничен, ведь в легкой промышленности сейчас в массовом порядке обновляется оборудование. Думается, что на наших доходах самым положительным образом скажется также внедрение в производство новой бытовой машины 122-го класса, типа «зигзаг». Мы надеемся, что она будет лучше и дешевле импортных машин такого же класса и сможет завоевать нам массового потребителя. Большие надежды возлагаем и на экспорт: сейчас наши машины охотно покупают даже в Англии. Видимо, в новых условиях будут приняты специальные меры, стимулирующие экспорт... В общем, на склад работать не будем. Теперь так нельзя: самим невыгодно. Не продашь машину — не получишь прибыль.

Однако, уловив в моих словах, как ему показалось, определенную склонность к радикализму и поспешности в решении сложных хозяйственных вопросов, Попов вновь вернулся к той мысли, с которой, собственно, и началась наша беседа: «Только не надо торопливости. Дело касается всего гигантского хозяйственного механизма, который мы с таким трудом и такой тщательностью создавали. Весь вопрос — в сохранении преемственности. Мы не начинаем заново и ничего не разрушаем из того, что позволило нам добиться столь впечатляющих успехов. В хозяйстве были недостатки, и мы их обязаны ликвидировать, но это не создание чего-то в корне отличного от всего прежнего, это — развитие того, что мы уже сделали».

На заводе пишущих машинок сложилось иное положение. Мощности тут небольшие, оборудование устарелое, особым вниманием планирующих органов это предприятие, по непонятным причинам, никогда не пользовалось, хотя это производство весьма рентабельно. Ограниченные производственные мощности завода — главная причина нехватки на рынке пишущих машинок, спрос на которые неуклонно растет сейчас и, видимо, будет расти в будущем.

С другой стороны, традиционные методы обязательного планового снижения себестоимости без учета реальных условий производства отрицательно сказались на качестве машинок, на что не раз обращала внимание наша печать. В условиях постоянно напряженного плана завод не был заинтересован ни в улучшении качества нынешней модели, ни в освоении новых образцов продукции.

— Наша главная проблема теперь,— говорит директор Евгений Николаевич Ларин,— найти средства для расширения производства. Раньше их нам, попросту говоря, не давали. Вы, дескать, маленькие, не первостепенные, подождете. А эти «маленькие» давали государству большой доход, который позволил бы быстро окупить любые капиталовложения. Сейчас, когда часть прибыли можно будет оставлять на предприятии, мы надеемся, что получим собственные средства для расширения производства. Обновив оборудование, мы сможем не только увеличить выпуск машинок, но и улучшить их качество, что сразу скажется и на доходах. Наконец, мы сможем удовлетворить многочисленные заявки на различные типы машинок, которых мы пока не выпускаем. Например, композиторы просят наладить производство нотнозаписывающей машинки. Сейчас нам это невыгодно: ничего хорошего, кроме угрозы срыва плана, эти машинки не сулят нам. Но когда завод будет заинтересован в росте оборота, в росте прибылей, мы обязательно наладим выпуск таких машинок: это будет выгодно... Вот есть у нас соседи — швейная фабрика,— продолжает директор.— Сколько раз я просил их наладить у себя раскрой суконок для подставок к нашим машинкам! Мы у себя это делали вручную, дорого обходилось. А они отказывались: невыгодно, в плане этого нет. Сейчас, когда они уже больше полугода работают в новых условиях и весь коллектив болеет за прибыль предприятия, они сами пришли к нам: «Давайте мы вам будем делать суконки, у нас материалы остаются, не пропадать же добру!»

Но я не согласен,— говорит Ларин, и чувствуется, что ему уже не раз приходилось вести полемику такого рода,— с теми, кто говорит, что развязывание хозяйственной инициативы предприятий приведет к разгулу рыночной стихии. Государство сохраняет в своих руках все экономические рычаги воздействия, такие, как цена или кредит, которые позволят ему с успехом в зародыше прекращать любые анархические тенденции. Новые меры — это не угроза плановости, это только использование тех возможностей, о которых раньше иногда забывали.

Мое неосторожное замечание о том, что возможности роста завода все-таки, видимо, ограничены, вызвало бурное негодование Ларина.

— Если бы у нас были средства, и были бы мощности, и была заинтересованность в росте производства и сбыта, мы бы очень многое могли сделать. Рынок ведь необъятный!— убеждал он меня.— Вот мы делаем электроуправляемые машины. Сейчас у них ограниченный круг применения. А коечто к ним приделать, кое-что добавить — и их любая контора с руками оторвет! Или вот пишущая машинка для слепых—«Ласточка». Мы ее сами, собственными силами сконструировали от начала до конца. Внутренние потребности страны мы почти насытили. Но ведь это абсолютно патентно-чистая машина, лучше любых зарубежных образцов! Мы бы с успехом могли ее экспортировать. Но пока это ни в план не вписывается, ни оборудования нет для ее безупречной отделки... Нет, если все пойдет так, как наметил Пленум ЦК, возможности перед нами действительно безграничные!

* * *

На заводах решения Пленума ЦК КПСС никого не оставили безучастным. Споры вспыхивают постоянно, иногда высказываются прямо противоположные точки зрения, многое еще непонятно и неясно. Но один, и, на мой взгляд, главный, элемент можно выделить во всех высказываниях: и рабочие, и мастера, и инженеры испытывают чувство глубокого удовлетворения тем, что решения Пленума ЦК КПСС проникнуты духом искреннего доверия к человеку, верой в творческие силы народа, его инициативу, зрелость, в его чувство государственной ответственности.

ДВУХТЫСЯЧНЫЙ...

Две тысячи номеров — таков итог работы редакции журнала «Огонек» с 1 апреля 1923 года по сегодняшний день, за сорок два с лишним года. Еще тысяча номеров прибавится только через двадцать лет.

Первая редакция журнала помещалась в маленькой комнате в Благовещенском переулке. Делали журнал очень молодые люди. Журнал выходил на газетной бумаге, цветных иллюстраций не имел, обложка была бледно-зеленого цвета. Тем не менее «Огонек» полюбился читателям, тираж его начал быстро расти.

Коллектив журналистов «Огонька» с первого года существования журнала стремился сделать его событийным. Все, что происходило в Советской стране или за рубежом, отражалось на его страницах. Постепенно он обрастал авторским активом, сетью корреспондентов. Обильно иллюстрированный, журнал предоставлял возможность читателю не только узнать новости, но и увидеть их. Будучи общественно-политическим журналом, он широко открыл свои страницы современной новеллистической литературе и поэзии. Многие литераторы, ныне пользующиеся заслуженной известностью, начинали свой творческий путь в «Огоньке».

Первые пятилетки, насыщенные радостью созидания, молодые, только что возникшие колхозы, первые герои труда, прославившие свои имена; новые города, возникавшие там, где раньше лежали немереные версты пустынных земель, важнейшие международные события, происходившие в разных концах нашей планеты,— вот содержание журнала в довоенные годы.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, «Огонек» стал фронтовым журналом. Часть его сотрудников уехала в армию.

В те тяжелые годы не хватало бумаги, нередко приходилось сдваивать номера, но страницы «Огонька» пылали гневом, звали к борьбе и победе.

После Великой Отечественной войны «Огонек» получил новую, более совершенную производственную базу и приобрел вид, к которому привык нынешний подписчик. Цветные репродукции дали возможность редакции знакомить читателей с лучшими произведениями классической живописи, с картинами выдающихся советских и иностранных художников. Большая читательская почта «Огонька», участие многих выдающихся советских писателей и художников в работе журнала повысили интерес читателя к журналу: тираж его возрос почти до двух миллионов.

Много усилий в создание «Огонька» вложили его первый редактор Михаил Кольцов и редактировавшие журнал в последующие годы писатели Евгений Петров и Алексей Сурков.

Редакция сознает свою большую ответственность перед такой огромной читательской аудиторией и стремится сделать журнал острым, злободневным, оперативным и вместе с тем высокохудожественным. Отчитываясь на многочисленных читательских конференциях в своей работе, редакция с готовностью использует мнения и пожелания читателей.

Для нас, работников редакции «Огонька», сумма номеров составляет итог многих лет жизни, отданных журналу, отданных нашим советским и зарубежным читателям.

Жизнь — источник правды

Анна ЗЕГЕРС

Когда Советское государство было молодо, мы тоже были молоды. Мы мало что знали и были жадны до знаний. Мы хотели понять этот новый мир до конца. Каждый — Колумб. Каждый направляет свой не боящийся бурь и штормов кораблик через море лжи, глупости, предрассудков, клеветы навстречу незнакомому берегу. Многие пугали нас: берега нет. Но мы знаем лучше. Мы отправляемся в путь.

Наши сигналы: «Покажитесь, покажите нам, какие вы в самом деле! Дайте нам взглянуть, как у вас все выглядит!» — эти сигналы достигли берега, были приняты художниками и писателями Советского Союза. И они рассказали о своей действительности. Сурово и твердо, как никогда прежде, изображаемое подступало к действительно пережитому.

Один хороший товарищ (ее звали Ольга Хальперн) привезла в Германию первые тома «Тихого Дона». Когда мы читали ее перевод, мы поняли, что происходило со старым народом в новой стране. Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все, здесь это все!»

Так оно стало нам близким до того, что можно его потрогать, можно пережить, это бурлящее в гражданской войне общество; оно было схвачено силой великого художника. И благодаря этой силе оно присутствовало здесь как для того, чтобы пережить его, так и для того, чтобы думать над ним.

«Поднятая целина» — безжалостная, неприукрашенная правда. Не та, скрюченная, деформированная, кажущаяся, а подлинно настоящая, источником которой является жизнь. В своей книге Шолохов показал то, что он знал вдоль и поперек.

Весь наш голод по чистой правде с возрастом только усилился. Книги Шолохова — голос совести, призыв, обращенный к литераторам: пишите правду!

Михаилу Александровичу Шолохову присуждена Нобелевская премия по литературе. Это событие искренне радует миллионы людей, любящих вдохновенное творчество крупнейшего советского писателя. Присуждение премии является свидетельством всесветного признания могучего таланта правофлангового советской литературы — Михаила Шолохова.

Редакция журнала «Огонек», его авторы и многочисленные читатели от всей души поздравляют Михаила Александровича!

В этом году издательство «Правда» выпускает подготовленный редакцией «Огонька» сборник статей советских и зарубежных писателей, посвященный Михаилу Шолохову и его творчеству.

Публикуемые здесь статьи взяты из этого сборника.

ПРЕКРАСНЫЙ РОМАН

Чарльз СНОУ

Из всех русских писателей со времен Чехова он достиг наиболее широкой популярности на Западе. В моей стране и в Америке его читают много больше, чем любого из его младших современников. В наши дни вы можете видеть то, что мы называем изданиями в бумажной обложке, то есть недорогие массовые издания его книг, в любом из лондонских книжных магазинов.

Я лично уверен, и так же думают многие из моих друзей, что «Тихий Дон» — наиболее прекрасный из романов, созданных кем-либо в течение сорока лет.

Михаил Александрович Шолохов — великий писатель. Огромный талант и историческая обстановка позволили ему создать великолепные произведения.

Чудесная казачья станица Вешенская — одна из литературных святынь мира. Памеле Джонсон и мне повезло: мы ступали по донской шолоховской земле. Мы как бы попали на страницы книг, которые с таким наслаждением читали. Отрадно, что выдающийся писатель живет среди героев своих книг.

ТИХИЙ ДОН ОМЫВАЕТ И НАШИ БЕРЕГА

Эльвио РОМЕРО

Когда-нибудь будет определено влияние советской литературы на писателей нашей страны, Парагвая.

Советские книги переходили у нас от одного к другому в темноте, их невозможно читать при свете дня, они глубоко запрятаны. Оттого, что они с осмотрительностью передавались из рук в руки, они на нашей земле окрашивались неким багряным чудесным цветом. Книги таких авторов, как Горький, Островский, Маяковский, приносили в наше жаркое лето плодотворную трепетность советской земли, семя вечно растущей надежды. Эти книги, первые дошедшие до нас, были словно распустившиеся цветы среди отчаяния, словно луч, осветивший нашим юным глазам дорогу к тем деяниям, которые надо совершить.

В этой приливной волне пришел к нам и могучий Шолохов, с топотом коней, с казаками, широкими реками, крестьянами, нивами, людьми, вышедшими из старого времени, чтобы врастать в другое время, трудное, справедливое, живое. Я вспоминаю книгу в терракотовой суперобложке, с нарисованным лицом крестьянки и колосом, книгу, поведавшую нам о волнующих событиях на коллективной земле. В те годы «Поднятая целина» Шолохова сеяла жизнь, как сеет и сегодня.

Позднее к нам пришла трилогия о тихом Доне, эпопея, благородная и жестокая, скорбная, обнадеживающая и нежная. Легко было предугадать судьбу этого произведения, которое не только показало узловой момент истории, но и учило по-новому смотреть на историю.

Социализм предлагал нам литературу, которую мы брали с жадностью голодного. В этих книгах бушевала буря революции, и она доходила до сердца. Земля, где родился великий писатель, благодаря его так необходимому людям искусству полюбилась миллионам, и воды Дона омыли иные берега.

К нам пришел Шолохов со своими книгами. Мы в крылатой и страстной мечте пришли на его землю, землю мужественных людей, нив, лесов, широких рек.

ШОЛОХОВ — МОЙ ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ

Бранко ЧОПИЧ

Однажды, за несколько лет до начала второй мировой войны, когда я проводил свои летние школьные каникулы в родном селе Хошаны, у подножия горы Грмеч, совершенно случайно мне в руки попали первая и вторая части «Тихого Дона».

В то время я писал стихи в прозе, навеянные влиянием Тургенева, сочинял свои первые рассказы и неутомимо читал Максима Горького. Вдохновленное идеями Октябрьской революции, прогрессивное молодежное движение оказывало сильное влияние на школьников города Баня Лука, где я учился. Решающую роль в революционном воздействии на нас играла литература, в особенности русские и наши писатели.

В Шолохове я открыл писателя, который с глубокой человеческой теплотой описывал деревенскую жизнь, очень напоминавшую жизнь моих крестьян. С одной стороны, очень похожую, почти одинаковую, а с другой — странную и немного экзотическую в силу особых условий, в которых находились донские казаки. Из рассказов наших стариков я знал, что такой же была жизнь наших дедов в так называемой Военной Крайне, пограничной области, где быт носил полувоенный характер.

Я, моя сестра Смилька и брат Райко, не отрываясь, по очереди читали «Тихий Дон». Тогда мы не подозревали, что все трое через несколько лет сами уйдем на войну и в революцию, чтобы испытать судьбу, подобную судьбе многих героев Михаила Шолохова.

Мой брат и сестра погибли в освободительной войне, а я остался в живых, чтобы описать эти славные, великие и страшные дни всенародной борьбы против рабства и фашизма, борьбы, осененной сияющей звездой Великого Октября.

Моим учителем в изображении таких и подобных дней был Михаил Александрович Шолохов, ближайшим образцом — его единственный в своем роде роман «Тихий Дон».

Для моего творчества многое значили такие произведения, как «Разгром» Фадеева, «Железный поток» Серафимовича и сборник рассказов Бабеля «Конармия». Но на первом плане для меня всегда стояла шолоховская эпопея «Тихий Дон». Она спасала молодого, начинающего автора от опасности черно-белого отображения, к чему всегда были склонны писатели одной из только что победивших революций. Этой опасности в большей или меньшей мере подверглись в первые годы и все писатели нашей революции.

Своим примером Шолохов помог мне быстрее преодолеть многие слабости, свойственные молодому писателю-романтику, участнику революции. Он помог мне увидеть в революции и войне дело наших простых смертных людей, подверженных всем человеческим искушениям и недостаткам. У него я учился показывать богатую, разнообразную и сложную картину особой эпохи, особой по добру и злу, по героям и трусам, патриотам и предателям.

Мне очень близок и дорог шолоховский здоровый народный юмор, идет ли речь о героях «Тихого Дона» или о неповторимом деде Щукаре из «Поднятой целины». Этот юмор, собственно говоря,— одно из проявлений неиссякаемого шолоховского гуманизма, который достигает своей высшей точки в рассказе «Судьба человека».

Максим Горький первый научил меня по-настоящему любить человека, а Михаил Шолохов, художник крестьянской души, придал этой любви конкретность, раскрыв ее на людях, которые для меня, сына крестьянина, были ближе всего и понятнее. Больше всего он мне помог выразить и показать то, что я видел и пережил в самые славные дни нашего недавнего прошлого.

Великому произведению Михаила Александровича Шолохова я обязан первым революционным энтузиазмом моей молодости. Оно сопровождало меня в дни освободительной войны, оно помогло мне найти настоящий литературный путь и освободиться от многочисленных изъянов моей литературной молодости.

Сегодня я счастлив, что этот необыкновенный человек и великий писатель еще так молод и полон творческих сил. Пусть примет он поздравление еще от одного своего ученика.

ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Катарина Сусанна ПРИЧАРД

Когда величественное полотно «Тихого Дона» впервые вышло в свет, нас, писателей других стран, захватил его огромный размах, глубокое, интимное знание обычаев и традиций казачьих станиц, живые картины суровых лет, когда революционные казаки и крестьяне гибли и побеждали в ожесточенной борьбе за власть, захлестнувшей холмистые равнины и живописные станицы, которыми я так любовалась.

«Поднятая целина» не оставляла ни у кого сомнений в том, во имя чего написал роман автор. Это простая история жизни советских людей в станице, в колхозе, история, пронизанная юмором и оптимизмом и в то же время согретая высокой идеей, которая вдохновляет коммунистов, до конца остающихся верными ей.

Я слышала, как один австралийский коммунист говорил: «Товарищ Давыдов — самая моя любимая фигура в советской литературе. Он как живой стоит перед нами. Даже его недостатки такие человеческие. Он так честен, так серьезен в своем желании послужить на благо своего колхоза и крестьян!»

Шолохов как бы слит воедино с той средой, которую он живописует, но это не заставляет его проходить мимо отсталости и суеверий. Наряду с положительными чертами: чувством собственного достоинства, жизнелюбием, любовью к родной земле, прочными семейными связями, которые свойственны обитателям степных просторов Дона,— он изображает и тиранию патриархальных и атаманских порядков, жестокое обращение с женщиной, случаи грубого насилия и грабежа — словом, все то, что в не столь далекие еще времена бытовало в простой и трудолюбивой деревенской жизни.

Но Шолохов никогда не подчеркивает мрачные и низменные стороны человеческого существования, как стараются делать это многие американские писатели. Его персонажи иногда выражаются не вполне пристойно, но это лишь выражает здоровый народный вкус к соленому словцу, которое редко бывает оскорбительным.

Как великий художник, Шолохов раскрывается в своем мудром проникновении в людские души и дела. Его проницательность, пристальная забота о человеке помогают ему раскрывать самые сложные противоречия в характерах героев, а это и дает ему материал для высокого драматизма повествования. Шолохов как поэт встает перед нами в любом описании смены времен года, в каждом пейзаже, таком любимом и знакомом нам. В своих эпических трудах Михаил Шолохов подчеркивает активную роль, которую должен играть писатель в созидании новой эры — эры человеческого братства и мира.

ПИСЬМО В ВЕШЕНСКУЮ

Мулк Радж АНАНД

Дорогой Шолохов!

В тот вечер, когда праздновалось ваше шестидесятилетие в Колонном зале в Москве, мне довелось сидеть в президиуме собрания позади вас и быть свидетелем согревающего сердце зрелища: одна группа за другой, признательные вам читатели появлялись на сцене, чтобы воздать вам дань восхищения сердечными словами, цветами, памятными подарками. Это глубоко взволновало меня, иностранца, друга Советского Союза.

Быть может, самой важной истиной, вытекавшей для нас из эпопеи о Доне, была следующая: для писателя психологическое чувство уверенности в справедливости общественного строя, в котором он живет, более необходимо, чем ощущение надежности своего физического существования.

В самом деле, умение проникать в глубь характера, в наиболее сильные и острые человеческие переживания — все это писатель может усвоить только из нелегкого опыта меняющегося общественного строя, а не из спокойной обыденщины окостенелых обществ, где именно недостаток широкого жизненного опыта низводит нашего брата писателя — за исключением небольшого круга литераторов — к роли дрессированной комнатной собачки или любимой кошки, способных своими штучками позабавить хозяев дома и домочадцев. Страсти, разгоревшиеся вокруг «Тихого Дона», были вызваны разительными контрастами между жестокостями и насилиями гражданской войны и не столь уж мирным периодом последующей реконструкции России.

В ваших романах нет идеальной пропорции между «беспорядком» и «стабильностью». Как течение Дона, так события уносят в своем потоке героев книги. И все-таки в рамках развивающегося повествования эти люди остаются человечными, они не меняются механически в ходе социальной революции, а борются в разгар жестоких перемен за свое личное достоинство и равноправие. Их человечность, их борьба за то, чтобы вырвать любовь из когтей самой смерти, утвердить непоколебимость духа,— все это выступает как нечто более значительное, чем какой-либо прямой героизм.

Я сказал здесь о том, как захватили меня ваши ранние книги, и выразил это в очень личной форме, потому что не хотел стать на путь поверхностной критики. Некоторые салонные комментаторы на Западе даже благодарили вас за то, что, как они снисходительно выражались, ваши книги были «чище», чем книги Горького, поскольку в вашем повествовании нет ни «бродяг», ни пугающих намеков «На дне». Некоторые из них хвалили вас за то, что вы напомнили им Льва Толстого, однажды написавшего о казаках. Другие ехидничали, заявляя, что Европеде удалось в конце концов «цивилизовать» Россию. А были даже такие, которые говорили, что донские казаки напоминают им патанов, живущих на северо-западе Индии.

Всем им было невдомек, что действительность Советского Союза, означавшая возрождение ее народов, вступление их на новые пути, первые шаги по созданию нового гуманизма — все это требовало новых методов художественного творчества.

Я привел здесь слово «гуманизм». Я под этим разумею «страну без границ». Эта страна гуманизма повсюду. Ее главная суть — вера в человека, в его честность и достоинство, в его желание жить и жить давать другим, независимо от расы, цвета кожи и верований.

ВИТОК ВОКРУГ СЕВАНА

Ия МЕСХИ

А Севан все опускается. Проходит неделя, от воскресенья до воскресенья, и уровень воды в озере понижается на четыре сантиметра. Как будто не так уж значительно с первого взгляда. Но в году пятьдесят с лишним недель, и два метра в год — это много. Началось это с тех пор, как начали «спускать» Севан в единственную вытекающую из него реку Раздан. На Раздане построили каскад электростанций. Других источников энергии в Армении не было. ГЭСы дали хлеб промышленности, а воды Севана оросили сухие армянские земли...

С 1933 года Севан работает на республику. Но как сохранить его и все то, что он вызвал к жизни? Люди поселились на берегах красивого озера, привыкли к нему. Едешь в сторону Красносельского перевала — у самой воды веселые разноцветные коттеджи для иностранных туристов. Прибываешь в Шоржу — горные склоны истыканы, пробуравлены: геологи нашли магнезиально-силикатные породы. Из них получают самые «упорные» огнеупоры, необходимые сталеварам, медеплавильщикам, стекловарам.

Повернешь на юго-восток — несколько рыбоводных заводов и заводов по розливу минеральных вод. В Корчахпюре, например, ежегодно выпускают в озеро 45 миллионов мальков знаменитой севанской форели — ишхан.

Совершим же вокруг Севана один виток и посмотрим, как обживаются его берега.

Город Раздан

С Марленом Заробяном мы встречались и раньше. Он работал здесь комсоргом ЦК ВЛКСМ на строительстве самой мощной и самой красивой гидроэлектростанции Севанского каскада — Гюмушгэс. Тогда в этих местах, в 15 километрах от озера, к горному склону лепились плоские крыши маленькой деревни Ахта. В какие-то еще более древние времена она была резиденцией военачальников, жила пышной, тревожной жизнью, но уже давным-давно потеряла свой блеск. Строители Гюмуша дали Ахте новое дыхание. Конечно, появился поселок. Но вот прошел еще десяток лет, и уже нет никакой Ахты, а есть город Раздан с двадцатитрехтысячным населением.

Бывший комсорг ЦК стал секретарем Разданского горкома партии. Бывшие ахтинские животноводы, строившие гидростанцию, принялись теперь за строительство большого горнохимического комбината. Все связано в этом мире — мире экономики, и, в общем, никуда не уйти Армении от Севана, от его водных и береговых проблем. Дешевая электрическая энергия позволила создать тут производство алюминия. Сырья сначала не было, и его привозили. Потом сырье нашли тут же, на Севане, вот на этой горе. Гора выдала не только глинозем, но и портландцемент, и белую сажу, и поташ, и еще с десяток самых разнообразных видов химической продукции.

Секретарь горкома не энергетик, не железнодорожник, не горняк и не химик. В его кармане диплом Высшей партийной школы. Приятна его увлеченность, его причастность ко всему, что возникает на этой земле. Еле поспевая, шагаем за ним по огромной строительной площадке: почти готова мощная ТЭЦ, которая будет давать тепло не только комбинату, но и всему будущему городу. Почти готов первенец комбината — цементный завод. Рядом первый городской микрорайон. Более 60 тысяч квадратных метров жилья!

И еще стоит прямо в самом Раздане гора, о которой Марлен Заробян говорит, что она железная с «головы до пят». В ней очень богатая железная руда.

Ловцы молний

Был на Севане остров, который теперь, в связи с понижением уровня озера, стал полуостровом... В этом году на самой верхней точке горы этого острова-полуострова появилось небольшое сооружение. Из стеклянной будки открываются широчайшие, чистые голубые дали, и где-то над далекими горами, как всегда, клубятся грозовые облака. К ночи, может быть, разразится гроза. Но где? Здесь, над озером? Или ветер унесет ее дальше?

Все дело в них, в этих грозах. Люди в будке подстерегают их. Только им нужна не простая гроза, а непременно с молнией, чтоб можно было сфотографировать молнию на специальную быстродвижущуюся пленку.

Здесь, в высокогорной севанской лаборатории, сотрудники Энергетического института имени Г. М. Кржижановского изучают природу молний, чтоб продолжать поиски надежных мер защиты от нее. Раньше опыты ставились в лаборатории. Но искусственная молния, оказывается, гораздо проще и короче природной. И вот пришлось ехать сюда, на Севан.

В самое ненастье, когда все живое прячется в укрытия, сотрудники лаборатории профессора И. С. Стекольникова взбираются на гору к своим аппаратам, и будка начинает бешено вращаться вокруг своей оси. Кипит черный Севан. Огненные штыки вспарывают тьму ночи. Молния — это мгновение. Попробуйте поймать мгновение!

Подарки севанского дна

На юго-востоке Севана, у селения Лчашен, уровень озера понизился почти на двадцать метров. Обнажилась часть бывшего озерного дна, и вдруг обнаружилось, что все оно занято десятками, нет, сотнями курганов! Ненаметанный глаз может и не заметить их. Слишком долго давила на них громадная подушка воды. Они сплюснулись, как бы вобрали головы в плечи, но совсем сровнять их с землей не смог даже Севан. Если идешь теперь вдоль лчашенского могильного поля, видно: иные бугры уже обработаны, другие тщательно оконтурены камнями, они еще скажут свое слово.

К Лчашену прибыли археологи. Это было несколько лет назад. Они открыли двести курганов и ушли. Но, наверно, когда они копали первый, у них дрожали руки. Еще бы! Узнать, что хранил под своими семью замками Севан...

В гробницах оказалось двадцать громадных повозок, двадцать корсайл — арб о четырех колесах с шатровыми перекрытиями. Все они сделаны без единой металлической детали. Видимо, вокруг Севана были в ту пору леса, росли дуб и красное дерево.

В погребениях оказалось много других удивительных вещей. Археологи нашли сосуды из трехцветной керамики, бронзовые модели боевых колесниц, бронзовые изображения птиц и животных, нашли и много высокохудожественных изделий из золота. Среди них и ожерелье из золотых бус. Все хранится в государственных музейных сейфах. Только две золотые бусины попали к человеку, с которым мы встретились далеко от Лчашена, но тоже у севанских берегов.

Что есть золото!

На ладони маленькая желтая бусина. Беру ее с трепетом (ведь ей три тысячи лет!), разглядываю под лупой.

— Их было две. Одна пошла в исследование, и от нее ничего не осталось. Надо было определить, чье это золото. Определилось: наше, севанское! Его добывали на нашем месторождении!.. Значит!..

Это говорит Самвел Матевосян, начальник геологической партии. Мы в горах, в поселке разведчиков, в доме Матевосяна. Здесь много разных образцов руды с блестками или, как говорят геологи, включениями золота, серебра, теллура — очень похожего на золото металла.

Сначала трудно уловить, кто Матевосян: больше археолог или больше горняк? Дома много литературы по археологии. Во дворе свалена древняя каменная утварь золотодобытчиков.

— Хотите, покажу выработки? Им наверняка две, а то и все три тысячи лет. Хотите взглянуть на лестницу, которую мы нашли в одной древней выработке? Хотите, посмотрим надпись царя Аргишти-Рус на крепости, стена которой открылась с отходом севанской воды? Это XVII век до нашей эры! Царь дарует своей дочери Менуа царство Оскиа. А что такое по-армянски «оски» или «воски»? Золото!

Матевосян небольшого роста, в большой кепке, из-под которой не смотрят, а прямо-таки буравят одержимые глаза.

Десять лет находится он здесь. Он нашел следы древних караванных троп, по которым шли купцы из Скифии в Индию. Он знает, где надо раскапывать подземные ходы, в которых укрывалось местное население во время нашествий врагов. Он страстный нумизмат.

И все же прежде всего он, конечно, настоящий горный инженер. Десять лет назад, когда он пришел сюда, тут работали геологи. Но они не верили в месторождение, не чувствовали его. Зимой они уходили с перевала. Губерния Ураганных Ветров не лучшее место для жизни! За зиму проходческое хозяйство рушилось, экспедиция топталась на месте.

Матевосян вместе со своими разведчиками сначала зимовал в палатках. Потом построил поселок. За десять лет он прошел под землей пятьдесят километров и доказал, что это очень хорошее месторождение.

Мы застали Матевосяна в сборах. Он готовился ехать в Москву. У него были две радости. Одна — повезти полный подсчет разведанного месторождения, итог десятилетнего труда всего коллектива золотоискателей. Другая — из Москвы проехать в Брест, на торжества по поводу присуждения Брестской крепости звания Крепости-Героя. Да, да! Это тот самый Самвел Матевосян, комсорг 84-го стрелкового полка, имя которого мы находим на страницах «Брестской крепости» С. С. Смирнова. Это он, Матевосян, повел бойцов Брестской крепости в первую штыковую атаку, прижав врага к берегу Мухавца и перебив всех до одного... Дальнейшая судьба героя Бреста — плен, побег, партизанский отряд в Брянских лесах и Первый Украинский фронт до конца войны.

И вот еще одна крепость, которую одолел этот человек окончательно в этом году: богатое месторождение драгоценного металла.

* * *

А с Севаном так: в него сейчас перебрасывают реку Арпу. Пока Арпа далеко от Севана, за Даралагезом, за большим, мощным хребтом. Но люди уже пробивают для нее путь. И пробьют. Не дадут Севану исчезнуть с лица земли.

Горный инженер Самвел Матевосян.

Через этот тоннель потекут в озеро горные реки.

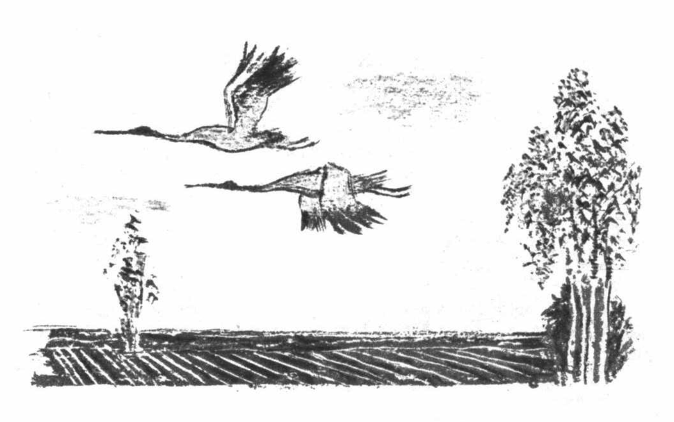
Севан...

Фото Л. Бородулина.

Дорога на озеро.

Рыбаки...

Небо журавлиное

Максим ЛУЖАНИН

Рисунки Ю. Черепанова

ДЛЯ НОВОЙ КНИГИ

Это первая книга, какую писал,
Словно прежде в руке и пера не держал,
Словно не было гроз
У крыльца моего,
Ни тревог,
Ни прощальных дорог —
Ничего.

Так писалось впервые,
Как еще никогда,—
Берега снеговые
Обломала вода.
Это юности реки пробудились в груди,
Это двери наотмашь, все еще впереди:
Все мечты,
Все мосты,
Все моря
И заря,
Чтобы жизнь — целиком, чтобы сгинул предел,
Чтоб на каждой стрехе добрый аист сидел...

Я везде побываю, со словом пройду,
Перемою руду, золотинку найду.
Самый срок! От грозы пылью взвихрился шлях,
Синей аркою радуга встала в полях.

Пусть усталость в походах брала иногда,
Пусть под окна тайком подступала беда —
Горечь всю, что познал,
пережил,
перенес,
На груди не держал,
А пустил под откос.

Ничего при себе я иметь не хочу,—
Были б очи,
Что рады созвездиям ночи,
Были б крылья, в рассвет на которых лечу.

Дел не счесть,
Что не кончила юность моя.
Книга есть,
Не один написал ее я:
Мне писать помогли
И пути и года,
Люди отчей земли,
Что всегда молода!

* * *

На окошках на́леди,
Снег от стужи ежится.
Весела ль, грустна ли ты?
Как живется-можется?

Помнит ли сердечко-то:
Осенью, под зорями,
Ехали мы речкою,
Синими озерами.

Небо журавлиное,
Хаты рады встретиться,
Яблонь ветки длинные
Все от яблок светятся...

А теперь — беспутица:
Сыпкая метелица
То столбами крутится,
То под ноги стелется;

Зыбится порошею
И дороги путает.
Пусть тебя, хорошую,
До бровей закутает.

Мерзнешь? Ничегошеньки!
Снег смету я шапкою,
Отогрею ноженьки,
Ручки твои зябкие.

Может, не пригожая,
Может, не сердечная...
Даль моя дорожная,
Боль моя извечная!

Небо журавлиное,
Яблоки пунцовые,
И бегут долиною
Стежки вересковые.

ПЕСЕНКА

Мне жизнь сулилась краткая,
Как стежка с летней зорькою,
Не так, чтоб очень сладкая,
Но и не очень горькая.

Струилась речкой чистою,
Шла под бураном яростным,
Мелькала чайкой быстрою,
Шумела белым парусом.

Дружили мы с подругою —
Винтовкою заветною,
Со стеганкой — под вьюгою
Да с койкой лазаретною.

Дарила жизнь дорогою
И радости и горести.
Лежит на сердце многое —
Про все не скажешь вскорости.

Криница открывается,
Как песня непочатая.
А стежка не кончается...
Судьба моя богатая!

ПОЛЕ

Шумит, волнуется пшеница
В раздолье,
вровень с головой,
И каждый колос шепчет, мнится:
«Послушай, я товарищ твой...
С тобой одною верой верил,
Одним огнем всегда горел,
Одною мерой горе мерил,
Одною ложкой кашу ел».

Здесь битва шла — на этом поле
Не скоро правый бой затих...
Шумит победа
нашей доли
Прибоем зерен золотых.

АНГЛИЙСКАЯ БАЛЛАДА

День окончен, и вечер следом
Затуманил стекло окон.
...У камина укутан пледом,
Незаметно забылся он.

Задремал, видно, кости грея,
Под усами — зубов эмаль.
Нет, портрет Дориана Грея
Не с него написал Уайльд.

Он в политику рвался пылко —
Для правительства сущий клад,
От лодыжек и до затылка
Безупречный аристократ.

Он, диктуя знакомым лордам
В поколеньях нажитый лоск,
Может быть и гранитно-твердым
И податливым, словно воск.

Плыть бы в Кению, к Занзибару,
Легким бризом в пути дыша...
Только б фирмы везли товары
И цена была хороша.

Он составил бы честь короне,
Чей заметно тускнеет цвет,
Идеальный министр колоний...
Только новых колоний нет!

Испаряются те, что были,
Жгутся — дует на лапы лев
И тоскует об изобилье,
На подвернутый хвост присев.

И ни с Запада, ни с Востока
К островку не спешит почет.
Слава флага — она далеко:
Все меняется, все течет!

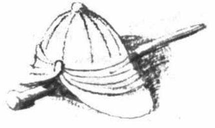
Но кругом шумят юбилеи
Звезд сравнительно молодых,
И, замешанны на елее,
Эти речи звучат, как стих.

В честь министров сорокалетних
Зажигают сорок свечей,
Сорок роз упоенно-летних
Овевают восторг речей.

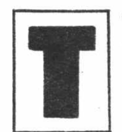
Мог и он бы взять руль правленья,
Когда стукнуло пятьдесят.
Миновала пора горенья,
Осыпается старый сад.

В час урочный зовет к обеду
Безупречный, как лорд, слуга,
Что был предан отцу и деду,
И осанка его строга.

Тишина. Из камина — ветер.
На диване, в дремоте, пес.
В сновидении мчится сеттер
По следам ускакавших коз...

С белорусского перевел Николай Сидоренко.

Только что прошел проливной дождь. Небо еще затянуто тучами, над перроном висит плотный и такой горячий туман, что рубашка у меня и тело под ней моментально становятся мокрыми.

Подпрыгнув, длинная минутная стрелка электрических часов останавливается на цифре двенадцать — пять утра. Отчаянная рань, когда все нормальные люди досматривают свои персональные сны, а тут толчея, как в полдень. Из вагонов прибывшего поезда Москва — Кишинев вываливаются все новые толпы. Если не знать, что делается сейчас, в отпускное время, на всех вокзалах страны, можно подумать, будто все едут в Кишинев. Как и я.

На привокзальной площади стремительно вырастают две очереди — в ожидании такси и троллейбуса. А мне и такси и троллейбус без надобности. Во-первых, я в Кишиневе второй раз и знаю, куда идти. Во-вторых, идти мне недалеко. А багаж — один пижонский, бледно-серый, в мраморную крошку чемоданчик, с блестящими медными застежками. Польский. В нем мыльница, зубная щетка, пижама и подарки. Самый главный подарок — нарядная коробка с белым оренбургским платком.

Покупал я его в Москве, в ЦУМе.

— А он хороший? — спросил я на всякий случай продавщицу.

Она укоризненно посмотрела на меня, сняла с пальца золотое кольцо и продернула через него платок, как нитку. Что это означает, я не знал, но выглядело это убедительно. Я глубокомысленно кивнул и пошел платить. Цена тоже оказалась убедительной. Впрочем, цена для меня не имела значения. Я просто представил, как Иляна накидывает платок на голову. Половина ее черных густых волос остается непокрытой — они такие тяжелые, что натягивают на загорелом лбу кожу, оставляя молочную полоску; белый шелковистый пух облегает смугло розовеющие щеки, ложится на нежную голубоватую шею, и из-под черных бровей радостно сияют влажные, как вишни, глаза.

И, пожалуйста, без улыбочек: Иляна — моя сестра.

Ее мужу Думитрашу (по-нашему, по-русски — Димка) и ее сыну, трехлетнему, с лукавой мордашкой Петре, подарки тоже есть. Думитрашу — Димке — модная шерстяная рубашка, пускай пофорсит, он красивый парень; Петре — заводные игрушки: пора развивать у него здоровый мужской интерес к технике. Видите, ничего не забыл!..

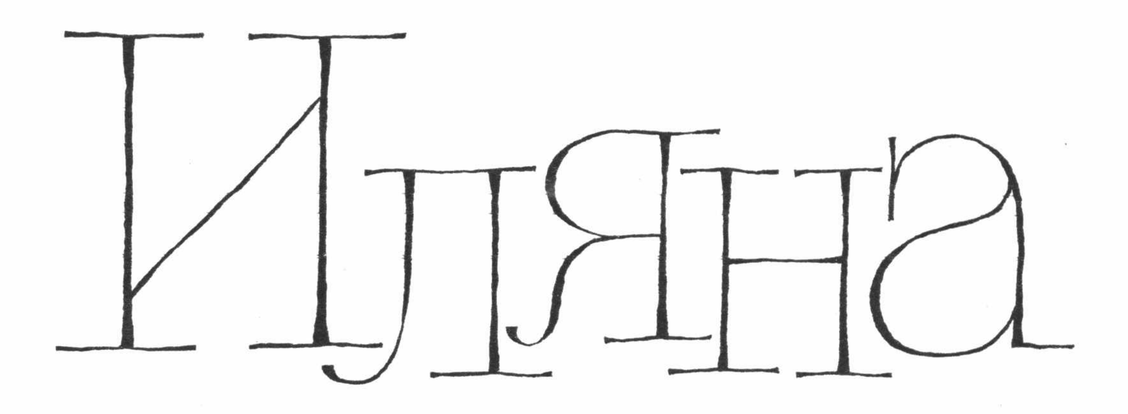
Иду я минут десять, не больше, но все вокруг неузнаваемо изменилось. Где тучи, где туман, где липкая сырость воздуха?.. Над головой — чистейшая синева, в мокрых листьях каштанов и тополей играет солнце. Шаг у меня становится упругим, а сам я — подтянутым, собранным. Это от ощущения свежести утра, оттого, что редкие прохожие, мужчины и женщины в светлых сорочках и платьях, с беспричинными, просто от хорошего настроения, улыбками, еще размягченными недавним сном; оттого, что так вкусно пахнет печеным хлебом из магазинчиков с непривычными вывесками — «пыне»; оттого, наконец, что внятно, не заглушаемая пока шумом редких машин, в воздухе звенит веселая птичья неразбериха.

Что, длинная фраза?

Школьные сочинения я всегда писал такими длинными фразами, и строгая Надежда Николаевна говорила:

— Омелин, у вас просто толстовские периоды. Читать трудновато, но — талантливо! По-моему, вы будете писателем.

Короткие рубленые фразы, которыми сейчас пишут многие молодые писатели, я до сих пор не люблю. Это, по-моему, как у бегуна, у которого не хватает дыхания. Пых, пых!.. А Лева Оберталин, мой ассистент по кафедре — башковитый, между прочим, дядька,— с этим не согласен. По его мнению, в наш атомный век писать надо именно коротко — так, чтобы каждое слово означало функцию, действие. Пошел, сел, встал, съел!.. Не берусь спорить. В Америке однажды «Анну Каренину» издали на семнадцати страницах — у каждого свои вкусы. А мне нравится читать «Анну Каренину» по старинке — в двух томиках, с пейзажами и рассуждениями. И ничего — доходит.

Иляна

Рассказ

Н. ПОЧИВАЛИН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Писателем, кстати, я не стал. Кончил у себя в Пензе политехнический, поработал три года на заводе. Придумал одну забавную штуковину, неожиданно стал кандидатом наук — и второй год на кафедре. А книги люблю по-прежнему. В моей довольно просторной комнате ими заставлены три стены, место остается только для письменного стола и диван-кровати. На полках, кроме технической энциклопедии и литературы по моей специальности — точное машиностроение,— новинки художественной литературы (среди которых порядочно и ерунды), полный Толстой, полный Фейхтвангер, полный Герцен.

— Старик, Герцен — это уже печально,— говорит Лева Оберталин.— Признак старения, смена интересов. Немедленно женись.

— Лева,— объясняю я.— Ну куда я приведу жену, посуди сам! Вторую комнату мне не дадут — номенклатура не та. Прикажешь выбрасывать книги? Ты же первый за ними приходишь.

Лева Оберталин шутки понимает. А Валечка Носова, синеглазое существо, с которым я трижды ходил в кино и однажды после коллективной вечеринки поцеловался, не понимает. Не понимает, хотя она очень толковый лаборант и лучшей помощницы на кафедре мне не нужно.

— Странный ты какой-то,— сказала она мне и вышла замуж за славного парня, работающего в нашем же институте.

Должно быть, в этом отношении я действительно недотепа: несчастным я себя не почувствовал. Хорош несчастный: метр восемьдесят ростом, здоровый, как лошадь, по утрам работаю гирями и принимаю ледяной душ! Только на свадьбе у них чуть лишнего хватил. А теперь даже радуюсь: вольная птица! Захотел в прошлом году поехать в Кишинев — поехал. Захотел нынче поехать — поехал. Опять в Кишинев. К слову, кроме Кишинева, я побывал в Венгрии и Югославии, через несколько дней, отсюда уже, поеду в Сочи — путевка в кармане...

Вот я и в центре.

Если свернуть сейчас от внушительной гостиницы «Кишенэу» влево и пройти мимо еще более внушительного здания Академии наук два квартала, на углу будет дом с разноцветными, словно парящими в воздухе балкончиками. В этом доме, на четвертом этаже, в квартире сорок девять, живет Иляна.

Двадцать минут шестого — рано. Не сворачивая, я иду прямо, по центральному проспекту. Иляна еще спит. Спит ее Думитраш-Димка, спит Петря, мне жалко их будить.

Я хорошо помню, как Иляна спит,— положив голову на ладошку и поджав ноги. Когда ей было три года, она часто раскрывалась, и мама, приподняв над швейной машинкой голову, говорила:

— Костя, покрой Илянку.

Я поправлял сбившееся одеяло, тихонько бурчал: «Вот еще барыня!» Но мне было восемь лет, я был старший и бурчал просто так. С Иляной мы обычно ладили. Отчаянно зевая, я возвращался к столу, за которым мама шила, и на его мелко дрожащей поверхности делал уроки. Другого стола у нас не было. В комнате, кроме этого стола, маминой ржавой кровати и топчана, на котором спали мы с Иляной, вообще ничего не было. Хотя нет, была еще рассохшаяся, из прутьев корзина — в ней хранились все наши вещи: мамы, мои и Иляны.

За уроки я принимался поздно. Вернувшись из школы и чего-нибудь перехватив, отправлялся в долгие странствия по очередям — за хлебом, за всем прочим, что выдавали по карточкам. Например, комбижир, или чертов жир, как его называли в очередях, что, однако, не мешало людям пристально следить за весами, на которых отвешивался этот белый, рассыпчатый и неизвестно из чего сотворенный продукт.

Пока я промышлял, Иляна играла в тряпочные, сшитые мамой куклы или, озябнув, уходила погреться на кухню. Хозяйка квартиры, жалостливая и болтливая старуха, начинала причитать:

— Сиротка ты моя горькая!..

Иляна не понимала, что это значит, а я понимал.

Когда мы эвакуировались и сидели на какой-то станции, начали бомбить. Перед этим мама пошла узнать о поезде, и ее долго не было. Я сидел на каком-то узле и шмыгал от испуга носом. Потом грохнуло последний раз, стекла на вокзале повылетали, вернулась мама. Бледная, растрепанная, с маленькой девчонкой на руках. Вцепившись маме в кофту, девчонка дрожала и плакала, а мне сразу стало нестрашно.

— Это кто? — спросил я.

— Иляна,— ответила мама.

— А откуда она взялась?

— Откуда надо, оттуда и взялась,— недовольно сказала мама.

Она и потом не любила разговаривать об этом. А если случайно слышала, как хозяйка называет Иляну сироткой, немедленно уводила нас обоих в комнату, возвращалась в кухню и что-то сердито говорила обиженной старухе.

— Иляна — твоя сестренка и никому не давай ее в обиду,— наставляла она меня после этого.— Понял?

Сестренка и сестренка — чего ж тут было непонятно! У всех мальчишек были или сестренки или братишки, а у многих и сестренки и братишки вместе. Я кивал и, чтобы мама перестала хмуриться, говорил ей приятное:

— Завтра, сказали, по сахарным талонам будут давать «подушечки».

На следующий год осенью, когда я пошел уже в третий класс, на фронте убили моего отца. Мама весь день пролежала дома с обвязанной полотенцем головой, а утром пошла в свою швейную мастерскую. Дня через три после этого, когда Иляна уже спала, а мы сидели на кухне, она сказала хозяйке:

— Вот теперь оба они у меня сироты. По-вашему вышло.

— Да ты что! Да как язык повернулся! У меня на сына, на Бореньку, похоронка лежит. А ты мне такое!

Старушка сморщилась, заплакала, заплакала и мама; потом, обнявшись, они заплакали вместе, велели мне немедленно идти спать. Я вошел в комнату, подвинул плечом спящую на топчане Иляну, лег и тихонько заскулил...

После войны мы так и остались жить в Пензе. Мы с Иляной учились, мама все так же ходила в свою мастерскую, все так же допоздна стучала швейной машинкой дома. У Иляны появились новые платья, у меня появились первые шерстяные брюки и пиджачок. Ничего не появлялось только у мамы.

Закончив восьмой класс, я полтора месяца разгружал на станции вагоны с овощами и арбузами, заработал кучу денег и купил матери отрез на платье. Три метра голубой, в рубчик шерсти. По-моему, материя была ей к лицу: глаза у нее тоже были голубоватыми.

Все это мы приурочили ко дню ее рождения. Иляна испекла пирог с яблоками, я купил бутылку вина, и, когда мать, усталая и немножко бледная, пришла с работы, мы в торжественной обстановке вручили ей подарок.

— Мне? — Голос мамы дрогнул, бледные щеки зарумянились.— Ну, спасибо, дети. Спасибо, мои родные!..

Мать легко и смущенно поцеловала меня в лоб, а Иляну взволнованно обняла, прижала к груди. Вообще к этому времени я начал замечать, что Иляна стала матери как-то ближе, чем я. Обнять меня, как Иляну, она вроде стеснялась. Иной раз мне самому хотелось, как маленькому, приласкаться к ней, но тоже что-то удерживало. Вон какой телок здоровый стал!..

Платье из голубой шерсти мать надевала только по праздникам. В этом же платье мы и похоронили ее.

Последний год у нее часто прихватывало сердце; в комнате прочно пахло лекарствами, не один раз наезжала «Скорая помощь», но, видно, силы ее были отданы нам уже все, до конца.

— Устала я, ребята,— впервые пожаловалась она за день до смерти.

На похоронах я держался, а Иляна, наделав переполоху, побелела, как мел, и потеряла сознание.

Мы никогда не думали, что маму знает столько людей. Провожала ее целая толпа: весь коллектив мастерской, знакомые, соседи. Как государственного деятеля. И то, что нам вскоре дали комнату в новом доме, объяснялось все тем же отношением к ней, а не к нам, ничем еще не заслужившим такого внимания.

Внешне ничего в нашей жизни как будто не изменилось. Я все так же ходил в свой институт. Иляна училась в восьмом классе. Моей повышенной стипендии, конечно, не хватало; погрузочно-разгрузочными операциями я занимался теперь не только в каникулы, но прихватывал и осенью, зимой. Попыталась было подрабатывать и Иляна — от мамы она научилась неплохо орудовать на швейной машинке. Я решительно воспротивился. Себе пусть шьет сколько угодно — девчонкам это нужно, а насчет заказов, чтоб из головы выбросила, ее дело — учиться. Слава богу, в доме есть мужчина!..

В детстве Иляна была маленькой, меньше всех своих школьных сверстниц. А к семнадцати годам незаметно выправилась, стала красивой девчонкой. В школе ей писали записки, которые она мне с безобидным хвастовством показывала, на улице заглядывались парни. Иной раз так настойчиво, что приходилось вступаться. Однажды вечером мы возвращались с кладбища. Я немного отстал: поправлял развязавшийся шнурок,— и, когда выпрямился, увидел, что Иляну преследует какой-то верзила. Вблизи он оказался вообще противным: в сапожках с отворотами, в кепочке, прикрывшей только маковку, с наглыми прищуренными глазами.

Иляне я сказал, чтобы она спокойно шла дальше, а этому вежливо посоветовал:

— Слушай, ты!.. Давай по-хорошему отшивайся. Это сестра моя, понял?

Долговязый внимательно оглядел меня, белобрысого, ухмыльнулся:

— Значит, твою маму когда-то догнал черкес. А ты...

Закончить свои генеалогические выкладки он не успел,— из его мясистого носа брызнула кровь. Я обтер кулак о придорожный лопух и, не оглядываясь, пошел за Иляной. Подобные ребята после такого короткого и единственно понятного им разговора обычно скисают...

Вообще, внешнее различие между братом и сестрой становилось все заметнее. Я являл и являю собой классический тип славянина, светловолосый, голубоглазый, с классическим же отступлением от элитных норм — курносым носом. В Иляне все ярче сказывалась южная кровь. Тонкая, быстрая, с черными косами и смуглыми щеками, на которых блуждал персиковый, скрытого жара, румянец. Не знаю, может быть, с сознания этого различия и началось с Иляной то, чему я вначале не придал никакого значения и в результате чего она в конце концов оказалась в Кишиневе.

Как-то, отложив в сторону книжку, она сказала мне:

— Я знаю, что я молдаванка. Вот и в книжке одну девушку из Молдавии так же зовут — Иляна.

— И какое это имеет значение? — спокойно спросил я.

— Да никакого,— тут же согласилась Иляна и некоторое время пристально смотрела своими вишневыми глазами мимо меня.

Зимой вместе со своим десятым выпускным классом Иляна пошла на концерт молдавского ансамбля песни и пляски. Вернулась она поздно, раскрасневшаяся и взбудораженная.

— Знаешь, Костик! Ко мне подошла одна артистка и заговорила со мной по-молдавски. А я ни словечка не понимаю!

Напевая какую-то незнакомую, принесенную оттуда, из театра, песенку, Иляна переоделась, напилась чаю и начала расспрашивать о своем детстве. Впервые почувствовав во всем этом смутную угрозу себе, всей нашей жизни, я отвечал неохотно, иронически. Да и помнил-то я о той поре немногим больше, чем Иляна.

Я знал, что есть такая болезнь — ностальгия, тоска по родине. Иляна заболела какой-то ее разновидностью—стремлением познания родины, что ли. Кончилось это тем, что, сдав экзамены за первый курс пединститута, Иляна запросилась съездить в Кишинев.

— Костик,— уговаривала она меня.— Я получила за каникулы стипендию. Мне и хватит. В конце концов сошью кому-нибудь два-три платья.

— Поезжай,— опрометчиво согласился я.— Насчет платьев — чепуха. Деньги у нас есть.

Деньги у меня на самом деле были. Я только начал работать на заводе и накануне этого нашего разговора впервые в жизни ни за что получил премию. Завод перевыполнил план, и вместе со всеми солидную сумму отвалили и мне, зеленому специалисту.

Когда все детали предстоящей поездки были обсуждены и решены, я спохватился:

— А самое главное? Ты же там никого не знаешь. Где ты остановишься?

— Ну, ерунда какая! — отмахнулась Иляна.— Приду в горком комсомола — и все. Помогут.

Это вообще было ее чертой — верить в людей, в то, что в нужную минуту люди всегда придут на помощь. Да и не удивительно: годы, прожитые без матери, убедили в этом и меня и Иляну.

Вернулась она через полтора месяца, загорелая, как чертенок, и переполненная впечатлениями.

— Костик, это тебе,— объявила она, поставив на стол высокую, оплетенную соломой бутыль.— Знаешь, как называется? Джамижама!

И начала сыпать незнакомыми, чуть гортанными словами. Я вообще бездарен как поли-

Ижевск умывается.

Игорь МИНУТКО
Фото А. УЗЛЯНА.

ДОБРОЕ УТ

На прогулке.

Мы расскажем вам о том, каким увидели утро рабочего города. К Ижевску особенно подходит это определение — рабочий город. Заводской, фабричный, шумный, он похож на многие наши промышленные города. Похож своим архитектурным обликом, в который властно и могуче вписаны заводы.

И все-таки то утро, когда мы увидели Ижевск, было особенным: в нем признаки близкого праздника — сорокапятилетия Удмуртской автономной республики.

Итак, утро в Ижевске. Еще пустынны улицы, закрыты магазины.

А вот и первые прохожие, девушки в синих кителях. Почтальоны. Они спешат: велика утренняя почта. Хорошая эта профессия — почтальон. В черной тугой сумке сотни незримых мостиков от сердца к сердцу. Впрочем, разные бывают письма... Только хочется верить, что в канун праздника в сумках почтальонов хорошие вести. А почта действительно большая: каждый день Ижевск получает более 23 тысяч писем и бандеролей, около 85 тысяч газет и журналов.

Каждый месяц появляются сотни новых адресов. Город растет быстро. На деревянный, одноэтажный, разобщенный высокими заборами Ижевск ведут наступление многоэтажные кварталы.

В это утро мы были в новом жилом районе недалеко от завода «Буммаш» — здесь заканчивались отделочные работы в трех домах. Накануне праздника они примут новоселов. Удивительный это район! Дома, покрашенные ярко и весело, среди елей и сосен.

...У строителей рабочее утро, а у сталеваров конец ночной смены. В это утро бригада Геннадия Галичанина выдавала очередную плавку.

...Хлопотно началось утро у повара — мастера Германа Ивановича Соковнина. К нему пришли его воспитанники — ученики профессионального торгово-кулинарного училища. Герман Иванович — мастер удмуртской кухни, ему принадлежит книга «Удмуртские блюда». Кстати, их более двухсот! «На праздничный стол — национальные кушанья» — так условно можно назвать тему утреннего занятия.

...Театр — всегда немного сказка. Даже когда он безлюден, когда не горят софиты. В это утро в Удмуртском музыкально-драматическом театре было тихо. Пуста сцена, заваленная ящиками с бутафорией, темен зал, пустуют места оркестра... Но вот откуда-то слышен рояль. Пойдем на его голос. Балетный класс, репетиция. Вот сейчас девушки отдохнут немного — и опять танец из балета «Италмас». Это первый удмуртский национальный балет. Его написал заслуженный деятель искусств Удмуртии Геннадий Михайлович Корепанов-Камский. Перед праздником театр откроет сезон.

...Ижевск учится. В городе много техникумов и четыре института. В медицинском в это утро читает лекцию Александра Ивановна Перевощикова. Ее судьба многозначительна: от азов медицины до доктора медицинских наук, профессора. Склонились над конспектами студенты. Будущие врачи...

...Ижевск работает. Дымят заводы, рокотом станков наполнены цеха. Идет ижевская продукция: сталь и радиоприемники, пианино «Ижевск» и мотоциклы. Ижевские мотоциклы... Как нельзя представить Донецк без терриконов шахт, Астрахань без рыбы, Харьков без тракторов, так невозможно вообразить этот город без знаменитых «ИЖей».

Ясное солнечное утро раскинуло свой прозрачный шатер над городом. Доброе утро, Ижевск!

глот. Приезжаю в Кишинев второй раз, но из молдавских слов помню только такие, как «пыне» — хлеб, «легуме» — овощи да «карне» — мясо, в пределах наиболее часто повторяющихся вывесок магазинов. Иляна поразила меня: разбуженная чем-то самым сокровенным, ее память легко и щедро впитала в себя звуки и краски родного, недавно еще неведомого ей языка.

Чего только, оказывается, не повидала и где только не побывала моя бойкая сестричка за эти полтора месяца! Устроившись к девчатам в общежитие, она вместе с ними участвовала в сооружении в центре города Комсомольского озера, ездила на уборку урожая, пересмотрела в театрах все спектакли. И еще экскурсии, культпоход, коллективная поездка на Днестр! Одним словом, кишиневский комсомол, как Иляна и надеялась, встретил ее радушно. А как выяснилось полчаса спустя — предельно радушно...

Потягивая со мной за компанию золотистое сухое вино и заодно сообщив мне, что подвалы для его хранения называются «крама», Иляна вдруг озабоченно сказала:

— Костик, тебе пора жениться.

— Сначала тебя замуж выдам,— пошутил я.

— Наверно,— огорченно вздохнула Иляна.

— Что-что?!

Оказалось, что все уже, собственно говоря, решено. Первый в горкоме встретивший ее инструктор Думитраш («Ну, Дима, по-нашему, Димка!» — втолковывала мне Иляна) и определивший ее к девчатам в общежитие опекал гостью все эти полтора месяца. В промежутке между двумя очередными мероприятиями, экскурсиями или воскресниками он успел познакомить ее со своей матерью; накануне отъезда они условились, что в конце августа он приедет к нам, познакомится со мной и увезет Иляну.

— Но ты же его совсем не знаешь! — возмутился я.

— Знаю. Хороших людей я сразу чувствую.— Иляна кротко смотрела на меня своими ясными глазами.

— Тебе институт кончать надо!

— Там кончу. Мы узнавали, можно перевестись,— успокоила Иляна и привела самый убедительный, обезоруживающий довод: — Костик, он тебе понравится. Вот увидишь!..

Думитраш приехал и действительно понравился мне. Парень он был, конечно, что надо! Высокий, черноволосый, весь прокаленный солнцем и с чертовски симпатичной белозубой улыбкой. Его цыганские, с легкой желтинкой глаза, когда он, краснея, обращался к моей сестре, радостно вспыхивали. Чуть смущенный скоропалительностью всего происходящего, он два вечера подряд вежливо обыгрывал меня в шахматы; на третий день, вернувшись из загса, мы скромно, по-семейному, отметили состоявшееся бракосочетание, а на четвертый, поздним вечером, Думитраш-Димка усадил бывшую Иляну Омелину, ставшую Иляной Друцэ, в мягкий вагон.

И только после этого со мной вдруг стали происходить какие-то непонятные вещи. Наша просторная комната, из которой я вынес вторую кровать и закрывавшую ее занавесь, показалась унылой, как пустой барак. Девчата, с которыми я прежде был знаком и которые мне вроде нравились, самым решительным образом разонравились. И каждый раз, когда я попадал на вокзал и смотрел вслед удаляющемуся малиновому огоньку, мне казалось, что это снова уезжает Иляна...

...Вы, пожалуйста, не думайте, будто я, предавшись своим воспоминаниям, бреду по утреннему Кишиневу, как какой-нибудь лунатик, с блуждающим скорбным взглядом, ничего не замечая вокруг. Вот уж нет! Мысли, которые за эти пять лет стали постоянными, привычными и даже в известной степени составляют какую-то часть моей нынешней внутренней сути, не мешают мне думать, и далеко не печально, о чем угодно другом, не заслоняют глаз. Я иду спокойным шагом средне занятого человека, все вижу и все замечаю. Например, как подсыхают на асфальте голубые — от отраженного неба — и золотые — от солнца — лужи; как бойко стреляют в мою сторону глазами две подружки, тут же, за моей спиной, рассмеявшиеся. С еще более возросшим вниманием я смотрю на женщину, продающую на углу из дымящегося ведра вареную кукурузу. И, вспомнив, что не завтракал, поступаю вовсе уж прозаически, буднично: покупаю за пятак обложенный бурыми листьями початок, тут же сдобренный продавщицей щепоткой соли.

В прошлый мой приезд, когда я впервые попробовал полакомиться экзотичным блюдом, я долго искал место побезлюдней: есть на виду у прохожих казалось неудобным. И вскоре убедился, что подобной стеснительностью отличаются только приезжие. Коренные кишиневцы ели кукурузу прямо тут же, на месте,

После плавки. Геннадий Галичанин (справа) и Вениамин Борисенков.

Испытания.

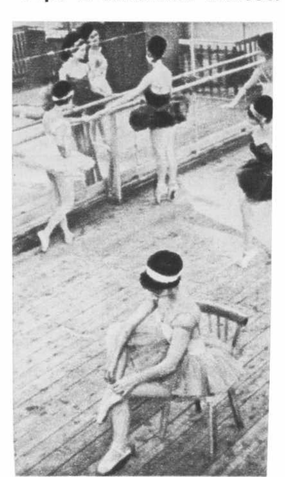
Они будут врачами.

Спешат.

Утро в балетном классе.

Марийкины сны.

с таким деловым, озабоченным видом, словно на несколько минут это занятие становилось самым главным в их жизни. Сейчас я снова убеждаюсь в этом. Вон, стоя у газетной витрины, наслаждается, словно на губной гармошке поигрывая, солидный дядя в пенсне. Перекидывая из ладони в ладонь горячий початок, будто нянча его, спешит молодой монтер, позвякивая на ходу закинутыми за спину стальными «кошками».

Я ставлю у ног чемодан, впиваюсь зубами в горячие сладковатые зерна. Вкусно!..

Такой же кукурузой угостит меня сегодня и Иляна. И еще красным и белым перцем во всех видах — маринованным, фаршированным, жареным,— ибо без перца тут не обходится ни один стол. В завершение она вынесет блюдо огненных, совсем наших, русских пельменей и горько вздохнет:

— Как мама любила!

Ясные вишневые глаза ее тут же затуманятся, и тут же, тревожно взглянув на жену, Думитраш-Димка твердо скажет:

— Иля, на будущий год обязательно поедем. Обещаю это при Косте.

Я знаю, что он сдержит свое обещание: слов на ветер он не бросает. Просто эти годы им пришлось трудновато: Иляна кончала институт, совсем маленьким был черноглазый, в отца, Петря.

Потом, захватив Петрю в детсад, Иляна уедет в институт усовершенствования учителей, где она работает, Думитраш — в горком комсомола, а я часа два-три буду спать. Потому что последние пять часов перед Кишиневом я простоял в коридоре вагона, высунувшись из окна и бросая в летящую темноту одну выкуренную папиросу за другой...

Спать я буду до тех пор, пока не разбудит настойчивый звонок.

— Ну и здоров ты спать! — засмеется влетевший в прихожую Думитраш.— Собирайся, машина внизу.

Секретарь горкома комсомола Думитраш Друцэ повезет меня на новую комсомольскую стройку, потом на какой-нибудь завод, где и в самом деле работают замечательные ребята; потом в заводской столовой самообслуживания мы с ним легонько перекусим, и опять черная горкомовская «Волга» помчит нас на какую-нибудь окраину растущего как на дрожжах города.

А вечером, после обстоятельного обеда и долгой прогулки по чудесному, залитому огнями Кишиневу, мы будем сидеть с Думитрашем у открытого настежь балкона, играть в шахматы, и он, как всегда, вежливо будет обыгрывать меня. Потому что играет он значительно лучше. Склонившись над доской, я буду машинально прислушиваться к легким шагам Иляны, к ее смеху, с которым она что-то объясняет зевающему Петре. Сделав какой-нибудь непростительно глупый, опрометчивый ход, я от досады крякну и в ту же секунду перехвачу сочувственный, пытливый и все понимающий взгляд Думитраша...

Так было в прошлый раз, так будет нынче — все это я знаю наперед и все-таки, взглянув на часы, торопливо поворачиваю назад. Пора!

Теперь я иду шагом очень занятого человека; вспомнив, озабоченно провожу ладонью по щеке и забегаю в первую же парикмахерскую. Выскакиваю из нее благоухающий такой ядовитой цветочной смесью, что меня подмывает на минуту снять голову с плеч, положить на ветерок и подождать, пока ее продует.

Вот наконец и дом с разноцветными, словно парящими в воздухе балкончиками. Занавеска в окне на четвертом этаже — это в кухне — отдернута. В две-три затяжки я высаживаю длинную болгарскую сигарету, предельно спокойно, с трудом удерживая желание перемахнуть несколько ступенек сразу, кружу по лестнице; одним коротким прикосновением нажимаю черную пуговку.

Дверь широко, как у людей, не привыкших запираться, распахивается. Иляна, в сиреневом, не застегнутом на груди халатике, смотрит на меня широко раскрытыми лучистыми глазами, черные брови ее изумленно взлетают.

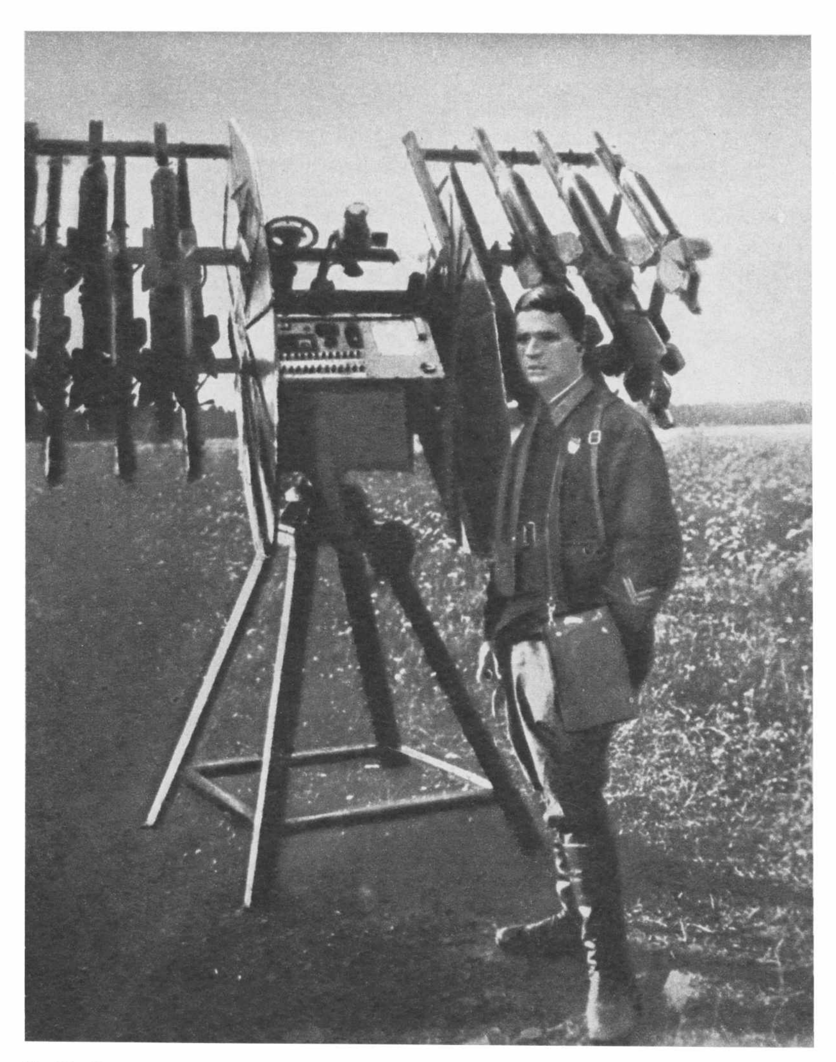
— Костик! Братинька! — вскрикивает она и, взмахнув вылетевшими из рукавов смуглыми руками, прильнув, целует меня в глаза, в губы, в подбородок.— Ой, ненормальный! Почему телеграммы не дал? Почему один? Где же твоя жена Валя?

Сердце у меня бухает, я легонько отстраняю Иляну, хрипловато и бессвязно говорю:

— Ну вот еще, телеграмма!.. Зачем телеграмма? Валя... это... Отпуск не дали. Когда-нибудь...

— Дима! Петря! — не снимая рук с моих плеч, звонко кричит Иляна.— Вставайте! Посмотрите, кто приехал!

В глубине комнаты скрипит кровать, шлепают по полу босые ноги, и, пока они идут, Думитраш-Димка и мой трехлетний племянник Петря, я последнюю минуту, наедине, смотрю на сияющую Иляну. На свою сестру.

Н. И. Баранов у своей установки.

ОРУЖИЕ ЛЕЙТЕНАНТА БАРАНОВА

М. НОВИКОВ,
инженер-подполковник

Два фашистских «Юнкерса-88» выходили на боевой курс. В сетку прицела медленно наплывали окраинные дома заснеженной русской деревни. Неожиданно впереди и чуть слева около бомбардировщиков возникли разрывы. «Юнкерс» завалился на крыло и, оставляя траурный дымный след, врезался в землю. Второй самолет поспешно высыпал бомбы на болото, круто развернулся и стал уходить на запад...

Это случилось 14 ноября 1941 года под деревней Сарожа, недалеко от Тихвина. Действовал здесь не дивизион и даже не батарея зенитных орудий. Деревню, где размещался штаб Северной группы 4-й армии, прикрывали всего две зенитные установки. Но они были реактивные! Огонь из них вели младший лейтенант Баранов и младший сержант Арбузов.

Зенитные реактивные установки в 1941 году? Таких в ту пору не имела ни одна армия мира! Они были разработаны и изготовлены в считанные дни по идее и под непосредственным руководством недавнего слесаря-инструментальщика ленинградского завода «Линотип» Николая Ивановича Баранова.

В первые же дни войны он был назначен командиром взвода зенитных пулеметов 64-го батальона аэродромного обслуживания.

Баранов хорошо понимал более чем скромные возможности своих счетверенных «максимов». Знал он, что в ту пору в войсках, действовавших под Тихвином, было очень мало зенитных орудий — буквально считанные единицы.

Однажды Баранов услышал, что где-то по соседству действует советская авиачасть, вооруженная какими-то «эрэсами»— реактивными снарядами. Знакомый капитан-летчик рассказал: «Еще в финскую у нас были истребители и бомбардировщики с ракетами».

У молодого командира возникла мысль: а что, если использовать авиационные реактивные снаряды для создания зенитной ракетной установки?

Он рассказал об этом командиру батальона, старшему лейтенанту Ингерману. Тот внимательно выслушал и обещал помочь.

Через несколько дней с соседнего аэродрома привезли несколько реактивных снарядов калибра 132 и 82 миллиметра. Прибыли и приспособления для стрельбы с самолетов.

Все свободное время Баранов проводил за изучением нового для него оружия. Он решил создать комбинированную установку для ведения огня как по воздушным, так и по наземным целям. Она должна быть многозарядной. Это ясно.

За короткий срок он разработал эскизы. Первую опытную установку изготовили в полевых авиаремонтных мастерских. Она была рассчитана на двенадцать 82-миллиметровых ракет. Не теряя времени, приступили к испытаниям. Активное участие в них приняли пулеметчики барановского взвода сержант Протосеня, младшие сержанты Асатурян, Николаев, Арбузов — в дальнейшем они стали командирами первых в нашей стране зенитных реактивных установок.

По указанию генерал-майора авиации И. П. Журавлева на полевом авиационном ремонтном заводе начали выпуск реактивных установок по чертежам, разработанным Н. И. Барановым. Работая днем и ночью, изготовили четыре установки для 82-миллиметровых снарядов, по 24 заряда каждая, и две двенадцатизарядных 132-миллиметровых установки.

Прежде чем учить других, надо было во всем разобраться самим. А ведь опыта никакого, инструкций тоже нет никаких! Нашли площадку, гордо назвали ее полигоном. Здесь проводили опытные стрельбы, затем составлялись таблицы для зенитной и наземной стрельбы...

— Однажды ракетой сбил трубу своей землянки,— улыбаясь, вспоминает Баранов.— По неопытности не учел, что из-за малой скорости ракета после схода с направляющей несколько «проседает».

...Дивизион направили для прикрытия одного из полевых аэродромов. В октябре — ноябре 1941 года обстановка под Тихвином для наших войск складывалась тяжелая. Немецко-фашистские войска пытались замкнуть второе, внешнее кольцо блокады Ленинграда.

Несколько раз дивизиону приходилось вести огонь по воздушному врагу. После того, как над Сарожей ракетами сбили бомбардировщик, фашистские самолеты стали обходить этот населенный пункт стороной.

Когда наши войска оставили Тихвин, все шесть реактивных установок под командованием Н. И. Баранова были направлены для поддержки советских наземных войск.

Приказом Ленинградского фронта от 3 мая 1942 года Николай Иванович Баранов был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе говорилось: «Тов. Баранов — молодой, талантливый командир. Он собственноручно разработал чертежи и конструктивное приспособление для стрельбы по наземным и воздушным целям из орудий РС. В боях за город Тихвин тов. Баранов по заданию командования Северной группы 4-й армии неоднократно лично из орудий РС обстреливал тылы противника. Под разрывами вражеских мин и снарядов тов. Баранов подводил автомашину с орудиями РС на возможно близкое расстояние к противнику и вел огонь по скоплениям живой силы и огневым точкам на подступах к городу Тихвину».

О действиях командира реактивных установок после взятия Тихвина в наградном листе указывается: «5.12.41 г. при обороне станции Тешемля, Северной железной дороги, в момент разгрузки эшелона с боеприпасами, тов. Баранов неоднократно в течение дня отбивал атаки немецких самолетов и прямым попаданием снаряда сбил «Ю-88». При перебазировании батальона от ст. Тешемля до станции Тихвин тов. Баранов орудиями РС обеспечивал противовоздушную оборону воинского эшелона. 15 декабря 1941 года при проезде ст. Ефимовская на эшелон были совершены два налета немецких бомбардировщиков, огнем РС самолеты были рассеяны, и сброшенные ими бомбы как эшелону, так и железнодорожной станции вреда не причинили.

С 16 до 25 декабря 1941 года батарея орудий РС охраняла воздушные подступы к ст. Тихвин, огонь батареи неоднократно отбивал попытки немецких самолетов бомбардировать станцию и находящиеся там воинские эшелоны».

Интересно отметить, что командир и комиссар 64-го батальона аэродромного обслуживания представили Баранова к ордену Красного Знамени. Вышестоящие начальники «поскромничали» и написали: к ордену Красной Звезды. Однако в замечании Военного Совета фронта было написано: «Достоин награждения орденом Красного Знамени».

В феврале 1943 года реактивные зенитные установки под командованием лейтенанта Баранова охраняли аэродром вблизи деревни Никольское и станции Жи-

харево на побережье Ладожского озера.

С утра 23 февраля Баранов, как всегда, был на посту — около своих реактивных зенитных установок. Мимо огневых позиций, направляясь на аэродром, прошла группа летчиков. Впереди, оживленно разговаривая, шел невысокий человек лет тридцати, в меховом летном комбинезоне. Баранов узнал одного из первых дважды Героев Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации Г. П. Кравченко. Генерал подошел к зенитчикам, улыбнулся, бросил: «Не замерзли, хлопцы?»

Затем Кравченко поинтересовался дальностью и скорострельностью реактивных установок: «Вещь неплохая, первые ракеты я еще в 1939 году на Халхин-Голе видел. Тогда наши «Ишаки» стреляли ими по японцам».

Вскоре над снежными окопами ракетных установок со свистом пронеслось несколько пар краснозвездных истребителей. Их повел генерал Кравченко на запад, навстречу фашистским машинам, готовившимся к налету на ледовую «Дорогу жизни» через Ладогу.

В стереотрубу Баранову хорошо был виден неравный воздушный бой, который вели наши летчики.

Вот вспыхнул и развалился немецкий истребитель. Стала беспорядочно падать советская машина. От нее отделилась маленькая черная фигурка. Парашют так и не раскрылся. После было установлено, что генерал Кравченко вытянул кольцо, но его тросик оказался перебит осколком...

...«Мессершмитт» фашистского аса, сбившего советскую машину, снижаясь, направился к аэродрому Никольское.

— К бою!— скомандовал Баранов.

Вот уже через прицел видны вспышки пламени орудий и пулеметов вражеской машины. «Пора!» — решает Баранов. Одна за другой с короткими интервалами рванулись ввысь двенадцать ракет. Перед аэродромом встала огненная стена разрывов. Словно натолкнувшись на нее, «мессершмитт» вздрогнул, задымил и, весь в пламени, врезался в зелень леса.

Неожиданно из-за леса, ведя огонь на бреющем полете, выскочил еще один «мессершмитт». Дать второй залп Баранов не успел. Пуля сбила ветрянку взрывателя. Через 15—20 секунд он сработает. Слышно шипение горящего порохового замедлителя. Нажата кнопка запуска. Поздно! Ракета взорвалась в нескольких метрах от установки. Тяжело контуженного Баранова раненный осколком сержант Протосеня отнес на руках в санитарную часть...

По созданному Барановым образцу на многих аэродромах Ленинградского и Волховского фронтов еще в конце 1941 года стали изготовлять зенитные реактивные установки. Количество ракет у них было разное: две, четыре, шесть, восемь, двенадцать. Они сыграли определенную роль в защите наших аэродромов и уничтожили не один фашистский самолет. Особенно пригодились самодельные зенитные установки в первый период войны, когда зачастую не хватало истребителей, было мало зенитных орудий и пулеметов.

Почему они не получили широкого распространения? Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, ведавший как начальник Главного артиллерийского управления вооружением советской артиллерии в годы Великой Отечественной войны, говорит: «О зенитных реактивных установках конструкции Баранова мне ничего не известно. Однако следует заметить, что по точности стрельбы ракеты значительно уступали существовавшим тогда зенитным орудиям».

О большом рассеивании ракет хорошо знали опытные артиллерийские начальники. Видимо, узнав о зенитных реактивных установках, да еще изготовленных в авиационных мастерских, они усомнились в их боевых возможностях.

Как же обстояло дело с зенитными ракетами в других странах?

В США ими в годы войны не занимались: ведь страна не подвергалась воздушным налетам. Не привлекли вначале внимания они и фашистского военного руководства. Зачем? Ведь Геринг неоднократно клялся: «Люфтваффе не допустит ни одного вражеского самолета на территорию великого рейха!»

За разработку таких снарядов гитлеровцы схватились тогда, когда «блицкриг» лопнул и на Германию посыпались тысячи бомб с советских и союзных самолетов. Однако было поздно. Из многих лихорадочно разрабатываемых образцов неуправляемых зенитных снарядов, всех этих «Тайфунов», «Торнадо», «Люфтфаустов», «Фэнов», только последний получил боевое крещение в конце 1944 года.

Надо сказать, что в Англии весной и летом 1937 года прошли испытания 50-миллиметрового реактивного зенитного снаряда, а потом испытывался и более крупный — 76-миллиметровый снаряд. Результаты были не очень утешительны: по точности ракеты уступали новому, 94-миллиметровому зенитному орудию.

Первые английские зенитные установки были однозарядные. По эффективности они значительно уступали зенитным орудиям.

В ноябре 1941 года советская 24-зарядная зенитная реактивная установка уже сбивала фашистские самолеты! Ленинградский слесарь, офицер военного времени Николай Иванович Баранов сразу же пошел по пути многозарядной установки. Именно этим она могла компенсировать недостаточную точность стрельбы!

В считанные дни и недели Баранову удалось создать новое оружие, над конструкцией которого в некоторых странах не один год работали сотни специалистов. Это был настоящий технический подвиг!

«Помощь в создании зенитных ракетных установок,— вспоминает Баранов,— мне оказывало много людей. Без их поддержки мне мало что удалось бы сделать. Особенно много сделали старший лейтенант Ингерман, майор Прокопенко, генерал авиации Журавлев. Много внимания установкам уделял генерал Павлович. Во время боев за Тихвин он лично ставил задачи по поражению наземных целей, помогал составлять расчеты для стрельбы...»

Главная заслуга Николая Ивановича Баранова состоит в том, что ему принадлежит честь создания первых в мире многозарядных реактивных зенитных установок. Они сыграли немаловажную роль при защите аэродромов и других объектов Ленинградского и Волховского фронтов.

После войны Николай Иванович Баранов много лет прослужил в рядах Советской Армии и ушел в запас в звании майора. Работал мастером механического цеха на одном заводе, инженером в конструкторском бюро.

У талантливого новатора было много внедренных рационализаторских предложений, два авторских свидетельства. Над изобретениями Николай Иванович работал буквально до последнего часа своей жизни.

...В дни революционных праздников по Дворцовой площади Ленинграда торжественным маршем проходят грозные боевые ракеты, способные перехватить и уничтожить любую воздушную цель. А ведь их далекими «предками» были зенитные реактивные установки, созданные в суровую годину войны ленинградским слесарем Николаем Ивановичем Барановым!

СОБАКА НА БЕРЕГУ

Этим летом в международном доме отдыха журналистов недалеко от Варны (Болгария) все отдыхающие обратили внимание на странное поведение собаки. Она подолгу вглядывалась в море, и, если на горизонте или у берега появлялась какая-нибудь лодка, парусник или катер, пес медленно входил в воду, внимательно осматривал и обнюхивал всех пришедших с моря.

Не найдя того, кого так преданно встречала, собака медленно выходила на берег. Через короткое время, завидев новую лодку, она повторяла все сначала. И так — целый день до позднего вечера.

На ночь пес куда-то исчезал. А рано утром опять становился на свою бесконечную вахту.

Однажды Кирилл и Василий, которые работали на пляже спасателями, рассказали отдыхающим печальную повесть о Куче (так звали пса).

Хозяин Кучи, один из местных рыбаков, уехал на несколько дней к родственникам на юг Болгарии, оставив своего лохматого друга на их попечении, и обратно в Варну не вернулся. Кто-то из рыбаков слышал: он будто бы заболел и умер. С тех пор Куча ежедневно с восхода солнца и до глубокой ночи несет свою печальную вахту на берегу Черного моря, в том месте, где много лет подряд он встречал своего хозяина, возвращавшегося с моря.

— И будет этот старый пес ходить сюда,— заключил свой рассказ Кирилл,— до самой смерти. Долго не протянет старик: слишком долго стоит он в прохладной морской воде.

Н. БОРОДИН

ВОДЯНОЕ ОДЕЯЛО

Земля едва заметно колыхнулась, будто изнутри слабо ударил молот. Люди ничего не заметили, но чуткие приборы, сейсмографы, уловили этот едва заметный всплеск — признак надвигающегося землетрясения. Немедленно подан сигнал об опасности, никто не будет застигнут врасплох.

Разумеется, чем раньше сейсмографы подадут сигнал тревоги, тем больше времени будет у людей, чтобы подготовиться к бесчинству стихии. Однако увеличение чувствительности приборов наталкивается на непреодолимую трудность. Первые очень слабые толчки трудно отделить от вороха помех, порождаемых дождем, ветром, проходящим поездом и т. п. Сотрудники кафедры физики Земли МГУ попробовали оградить сейсмограф от помех. Каким образом?

...Научно-исследовательское судно «Московский университет» держит курс в открытое море. С борта на дно моря спущен небольшой контейнер. Это специальный сейсмограф. Водяное «одеяло» — надежная защита от помех.

ВИНОВАТ КЛИМАТ

Новые дома быстро старятся. Кто виноват? Строители? Нет, они выполнили свою работу добросовестно. Быть может, сами жильцы дома? Тоже нет. И их не упрекнешь в бесхозяйственности. В чем же дело?

В климате! — сказали в Московском институте строительной физики. На стены и крышу действует солнечная радиация и температурные колебания и т. д. Сотрудники института предложили математический метод, который поможет проектировщикам правильно, с учетом местного климата, выбирать строительные материалы, форму, размеры, цвет зданий.

САТУРН И РАДИАЦИЯ

Сатурн—одна из самых загадочных и малоизученных планет. Ученые полагают, что Сатурн, подобно другой планете — гиганту Юпитеру, имеет радиационные пояса. Бытует одновременно иная точка зрения: кольца Сатурна препятствуют образованию сильного радиационного пояса. Недавно советские астрономы провели радиозондирование планеты. До сих пор из-за большой удаленности Сатурна такие эксперименты были проведены всего два раза. Новые результаты не противоречат уже имеющимся. Да, Сатурн обладает радиационным поясом, хотя не столь сильным, как Юпитер.

НА ШЕСТОМ МАТЕРИКЕ

Недавно сотрудники Арктического и антарктического института провели эксперименты по замеру толщины льда новым методом — радиолокационным. Передвижную лабораторию погрузили на саннотракторный сцеп, и необычный караван тронулся в путь. Первые замеры были проведены на шестом материке между поселком «Мирный» и станцией «Пионерская». Оказалось, что толщина льда на этой трассе порядка 900 метров. Со временем (после соответствующих исследований и доработки аппаратуры) ученые надеются переселить радар на самолет. Тогда можно будет проводить замеры сразу на огромных площадях.

ПОДАРОК

Сергей Миронович Киров на трибуне Дворцовой площади Ленинграда 1 мая 1934 года.

На снимке — Сергей Миронович Киров на первомайской демонстрации. Фотография эта не публиковалась, потому что сделал ее в 1934 году не фоторепортер и не кинооператор, а директор «Красного путиловца» (ныне Кировский завод) Карл Мартович Отс.

Незаурядным был человеком этот эстонский рабочий, коммунист. Устанавливал Советскую власть в Новосокольниках, избирался председателем Псковского губисполкома, трудился на Волховстрое, был директором завода. На «Красный путиловец» Отса перевел Киров во время первой пятилетки. Осваивая тракторное производство, краснопутиловцы испытывали тогда серьезные трудности. А страна требовала повысить выпуск тракторов с 3 тысяч в год до 10 тысяч. Кое-кому казалось, будто это технически невозможно. Выступая в заводском клубе, С. М. Киров убеждал тогда:

— Не знаю, готовы ли вы технически овладеть десятитысячной программой, но коммунистически вы к этому готовы и сможете не только выполнить ее, но и перевыполнить, на то вы и краснопутиловцы...

С конвейера сошло не 10, а 12 тысяч тракторов. А еще через год — 32 тысячи. Кроме тракторов, краснопутиловцы выпускали турбины, драги, паровозы и вагоны, подъемные краны и транспортеры, специальные стали и оборудование для заводов.

Авторитет нового директора был велик. Когда где-либо возникала сложная производственная проблема, Сергей Миронович порой говорил:

— Попросим совета у Отса.

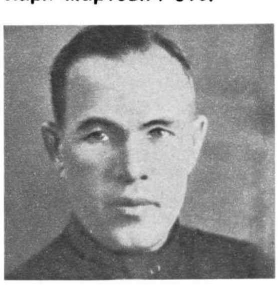
Не меньше Кирова ценил Отса нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. В 1936 году он специальным приказом отметил итоги шестилетнего руководства Карла Мартовича заводом. Приказ заканчивался так: «За умелую и энергичную работу объявляю благодарность тов. Отсу К. М. и предлагаю учредить на Кировском заводе мемориальную доску, на которую занести тов. Отса К. М. как организатора передового предприятия».

Умер Карл Отс в Челябинске, куда был переведен на работу в 1937 году.

Снимок этот мне подарила его жена Мария Терентьевна Отс-Морозова, которая живет в Ленинграде.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Карл Мартович Отс.

ЗДЕСЬ ГОТОВЯТ ШОФЕРОВ

В Москве, на Второй Скотопрогонной улице, высится пятиэтажное здание с вывеской на фасаде: «Учебный комбинат Главмосавтотранса».

Светлые коридоры здания превращены в оранжереи. Чистота, как в больнице. Тишина. Видя наше удивление — все это как-то не вяжется с профессией шофера,— заместитель директора комбината Лазарь Борисович Бейлин сказал:

— Да ведь у нас не простые курсы, а, по сути, целый институт. Шофер — сейчас самая массовая в стране профессия. Назовите мне хоть один населенный пункт, где нет автомобиля! Поэтому подготовка шоферов — важное дело.

Тридцать лет тому назад мы подготовили лишь четыреста водителей, а в прошлом году комбинат выпустил больше восьми тысяч шоферов!

На доске почета — портреты знатных шоферов, выпускников комбината.

Здесь мы узнали об Альберте Шляховском, у которого вспыхнула автомашина, а рядом стояли цистерны с горючим. Альберт вскочил в горящую кабину и вывел свой автомобиль из автобазы, предупредив взрыв.

Другой выпускник комбината, Федор Рябчун, заметил однажды на гористой улице Сердобска, что его напарник с тягачом и прицепами катится назад. Дорогу в это время переходили ребята из детского сада. Рискуя жизнью, Федор развернул свой тягач и поставил его поперек дороги. Бегущие прицепы врезались в машину. Трагедия была предотвращена.

«Почему не свернул с дороги, тогда бы ты и не рисковал?» — спросили его.

«Я не мог думать о собственном спасении,— ответил Федор Рябчун,— нас этому не учили».

В комбинате часто бывают делегации транспортных рабочих Франции, Румынии, Кубы, Югославии, Швеции. Только за последнее время здесь побывало 30 таких делегаций.

— У нас отлично поставлено обучение шоферов, но подобного размаха и оборудования классов нет,— признали представители ФРГ.

Большинство курсантов привлекает романтика профессии. Многие выпускники работают на добыче алмазов в Мирном, на строительстве гидростанции на Енисее, на прокладке газопровода в Тюмени, в лесах Карелии, в степях Казахстана.

— Приятная почта,— говорят преподаватели, показывая объемистую пачку писем от шоферов, учившихся в комбинате. Все они благодарят своих учителей за хорошие знания.

Н. МАКАРОВ

Фото Н. Федченко.

После занятий преподаватель А. Ф. Каморов дает пояснения курсантам.

ЧУДЕСНАЯ ЛАПКА

Вы идете по лесу, ноги утопают в густом слое хвойных иголок, опавших с деревьев. И кому тут придет в голову, что он шагает по сокровищам? А это так. В сосновых иглах хранятся настоящие клады.

Люди издавна знали лечебные свойства хвойных настоев. В наше время доказано, что хвоя содержит почти все витамины. Уже организовано промышленное производство хлорофилло-каротиновой пасты. Из тонны хвойной лапки получается до сорока килограммов этой пасты, которая дает прекрасные результаты при лечении ран, ожогов, грибковых и некоторых других заболеваний.

Хлорофилло-каротиновая паста нашла широкое применение в косметике. Туалетное мыло, зубная паста, крем для бритья — всюду пригодилась чудесная лапка сосны.

Но, пожалуй, самую большую службу хвойная лапка сослужит сельскому хозяйству.

Уже сейчас огромным спросом на селе пользуется хвойно-витаминная мука. Ведь в ней жизненно-важные витамины: С, Е, К, Р. Кроме того, хвоя содержит легко усваиваемые соединения железа, кальция, фосфора, марганца, меди, кобальта.

Только трехпроцентная добавка этой муки к корму животных увеличивает привесы на семь-восемь процентов.

В Киргизии животноводы стали давать хвойно-витаминную муку овцам и ягнятам. Это помогло улучшить рост животных.

Но, может быть, сложно организовать производство этой муки?

Вовсе нет! Институт лесных проблем Латвийской Академии наук успешно разработал довольно простую установку. Ее составные части — механизм для отделения хвои от веток, измельчитель, сушилка, дробилка, топка и вентилятор. А топливом служат те самые ветки, от которых отделили хвою.

Б. САВЕЛЬЕВ

Три шедевра

Эти три, столь непохожие по художественному почерку, направлению и «возрасту» картины, которые видите вы на нашей вкладке, представлены в экспозиции картин из Лувра.

Художники, создавшие эти картины, жили в эпоху, когда в искусстве Франции происходила ломка художественных взглядов. Каждый из них в своей мере и посвоему отразил эту ломку.

Камиль Коро родился в 1796 году и умер после Парижской коммуны. Классицизм, романтизм и импрессионизм нашли отражение в его творчестве. Но признан он был одним из основоположников реалистического пейзажа во Франции. Его пейзажи как бы перекидывали «мост» от классического пейзажа Клода Лоррена к ранним пейзажам художников-импрессионистов. Путь был так велик, что, глядя на ранние работы мастера и последние его произведения, трудно поверить, что созданы они одним автором.

«Если цель живописи — передать впечатление, которое художник испытал перед природой, то пейзаж Коро отвечает этому требованию»,— писал один из критиков того времени, Торе.

Портрет — редкость в творчестве Коро. Но он любил писать модель. «У него всё формы и валер — он перед фигурой как перед пейзажем. Тело, одежду он пишет как землю, как листву, как облака...» — писал современник художника Густав Жеффруа.

Коро прожил долгую жизнь. Он был знаком с Делакруа, выставлялся рядом с Энгром, дружил с Домье и Милле, хорошо знал и почитал «барбизонца» Теодора Руссо. Коро был свидетелем первых успехов Эдуара Мане, давал уроки будущим импрессионистам Камиллу Писсарро и Альфреду Сислею.

Друг лирика Коро беспощадный и добрый Домье с детства много бродил по Парижу и его окраинам. У художника была «божественная память», по свидетельству современников. Домье не делал зарисовок с натуры, они хранились в его воображении. Часто бывал художник на представлениях странствующих комедиантов и бродячих музыкантов. Под веселой маской клоуна умел он разглядеть жизнь, полную трагизма. И вот перед нами — одна из работ Домье цикла, посвященного комедиантам. Герои народной комедии, олицетворяющие лукавый французский ум, Криспен и Скапен обычно в пьесах исполняют роли слуг, участвующих во всевозможных проделках и интригах.

При жизни Домье необычные его произведения пользовались успехом лишь в узком кругу художников, и лишь большая выставка Домье, открывшаяся в 1901 году в Париже, приносит художнику посмертную славу.

Именно в этом году умер Тулуз-Лотрек, острый, едкий мастер. Представитель французского постимпрессионизма, граф, аристократ, калека и умница, он привел живопись в кабаки и притоны Парижа. В его картинах словно смешались печальные, отвратительные маски жизни. И часто сквозь хлесткую иронию угадывается глубокое и тайное сочувствие художника униженным. Ночная жизнь его героев подсказала ему необычный колорит и гротескный строй полотен. Художник разглядел уродливое лицо времени.

Одно время на творчестве Тулуз-Лотрена почти прямо сказалось влияние Дега. Примером тому можно считать картину «Туалет», которую вы видите на нашей вкладке.

«Я старался писать правду, а не идеал...» — этот принцип, о котором он заявил еще в 17 лет, Тулуз-Лотрек пронес через все творчество.

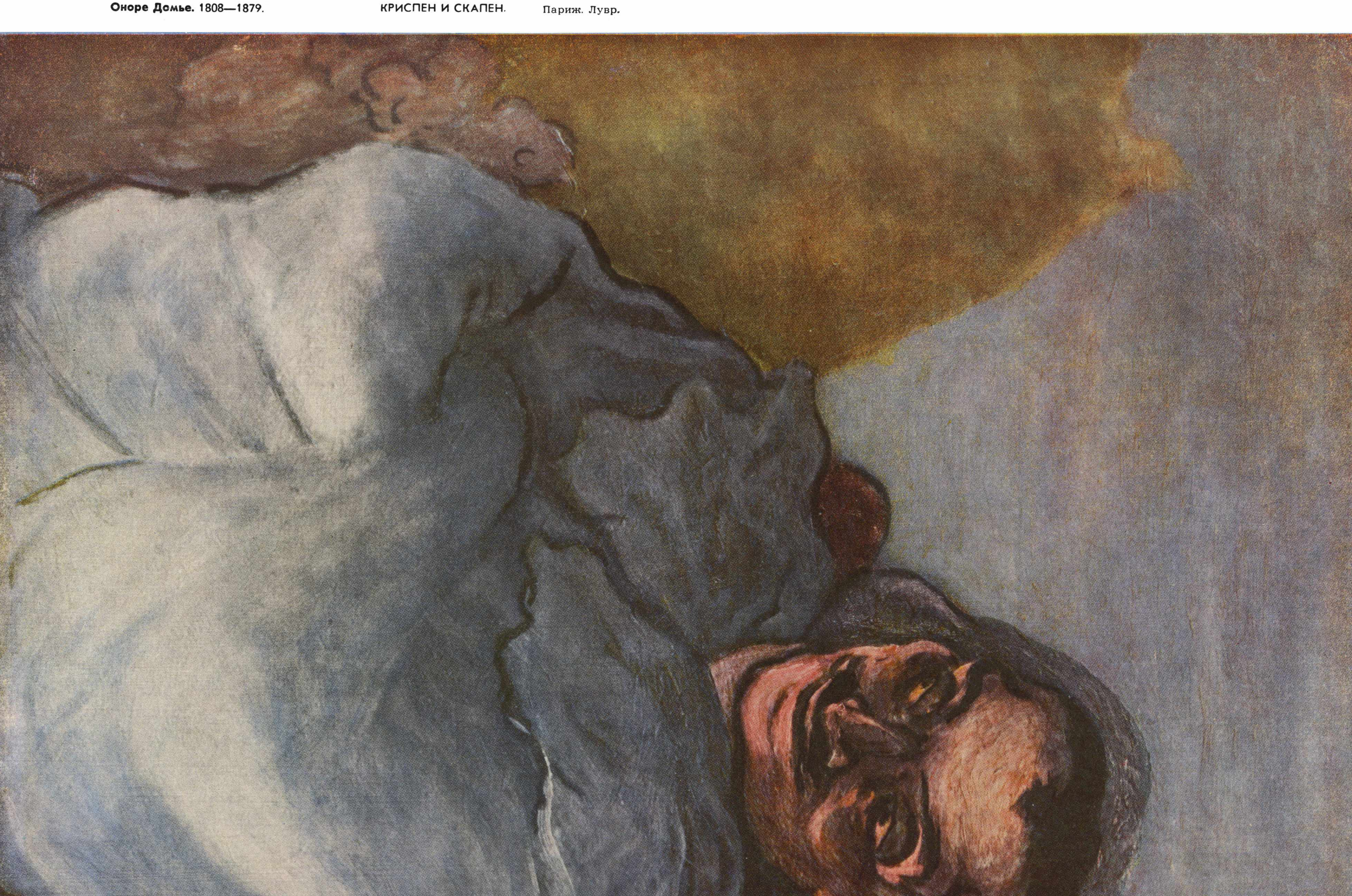
Жан-Батист-Камиль Коро.

1796—1875.

ДАМА В ГОЛУБОМ.

Париж. Лувр.

Оноре Домье. 1808—1879. КРИСПЕН И СКАПЕН. Париж. Лувр.

Анри де Тулуз-Лотрек-Монфа. 1864—1901. ТУАЛЕТ. Париж. Лувр.

Н. ТОЛЧЕНОВА

СУДЬБА ПРАЧКИ ЖЕРВЕЗЫ

Почему же она сейчас так волнует и трогает наше сердце, эта судьба?!. Откуда взялась новая жизнь у давно забытой всеми прачки Жервезы, чье горестное существование как-то мельком, не очень заметно проходит мимо, когда читаешь у Золя его знаменитые романы-обвинения, романы — свидетельства против буржуазного мира?.. Имя Жервезы если и вспоминаешь, то лишь как имя женщины, давшей миру скандально известную Нана, которая, в свою очередь, стала жертвой неправедного общества и его же возмездием.

Вот они встали, ожили, заговорили, все эти образы «Западни». И как ожили! Как заговорили!..

Спектакль «Западня», показанный вахтанговцами по пьесе М. Левиной и Е. Федорова, поражает одновременно силой человечности, сопереживания, рождаемого в зрительном зале, и одновременно пафосом обличения законов зла — пафосом гнева.

Весть о событийном спектакле облетает Москву мгновенно. Попасть на «Западню» оказывается почти невозможным. Однако же, попав на этот спектакль, вы становитесь свидетелем большого успеха театра — успеха режиссера и актеров.

— Я буквально заболел этой пьесой... Думал о ней день и ночь,— признается Евгений Рубенович Симонов, поставивший «Западню» в Театре имени Евг. Вахтангова.

Е. Симонов, сын крупнейшего режиссера и актера-вахтанговца Р. Н. Симонова, что называется, с молоком матери впитал театральный воздух вахтанговской сцены. В наши дни, когда почти каждый театр воссоздает, или создает сызнова, или хотя бы старается создать видимость своего собственного «почерка», своей манеры, своего стиля — короче, хочет вновь выработать приметы «необщего выражения» своего лица,— умение возродить и утвердить на новой жизненной основе особые вахтанговские приметы — задача чрезвычайного творческого значения.

Вот почему — во всяком случае, я так думаю — Е. Р. Симонов и решил ставить «Западню» у вахтанговцев.

И я думаю также, что он не ошибся.

Находкой режиссера было назначение на главную роль прачки Жервезы, героини спектакля, Ларисы Пашковой.

Как-то думалось иначе об этой актрисе — скорее бытовой, скорее характерной, скорее комедийной, чем драматической и даже трагической, а ведь такою Л. Пашкова показывает себя в «Западне».

Роль Жервезы, играемая необычайно одухотворенно, набирает у Л. Пашковой все новые и новые драматические глубины с того самого первого момента, как только луч прожектора выхватывает из ночного мрака фигуру молодой белокурой женщины, безнадежно поникшей у окна. Без слез, без упреков ждет Жервеза своего беспутного Лантье, прощая ему, как прощают людям все зло, свершенное по отношению к ней.

Жизнь, прослеженная режиссером и актрисой буквально в помойной яме, среди тех отбросов, куда буржуазное общество сваливает изношенного, сломанного человека,— жизнь прачки Жервезы, чья душевная красота особенно возрастает еще и оттого, что сама-то она начисто не сознает своей красоты и доброты,— не то что сыграна, а с глубочайшим волнением прожита на сцене. Прожита изнутри, с огромным богатством психологических деталей и вместе с тем с удивительными сценическими взлетами, позволяющими нам проникнуть во внутренний мир Жервезы, ощутить ее отзывчивое сердце, ее любовь к людям, проникнуться ее желанием жить ради детей, ради семьи, ради добра для всех окружающих...

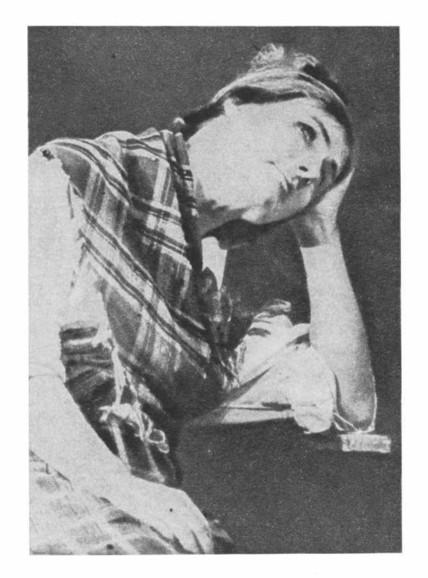
Но так прожить жизнь ей не дано.

Кончится спектакль — и вы уйдете домой, займетесь делами своей собственной жизни. Но еще долго-долго будете видеть Жервезу-Пашкову, такую бесконечно разную.

Вот она яростно схватилась вдруг со своей соперницей, соблазнительно-пикантной Виржини... Потом вспомните Жервезу, словно притихшую от счастья, в сцене своей свадьбы: наконец-то решилась Жервеза стать женой кровельщика Купо; и как же ей хочется, чтобы у детей Лантье появился наконец защитник, отец...

А может быть, вы еще отчетливей, еще ярче вспомните Жервезу, когда она, рыдая на коленях возле разбившегося Купо, все гладит и гладит воздух возле головы Купо, не решаясь дотронуться до полуживого мужа; он был таким добрым и хорошим с нею, и теперь ни за что не согласится она отдать его в больницу, в руки чужих людей,— ведь дома-то Купо будет лучше, у Жервезы есть сбережения, пусть же они пойдут на излечение Купо... Выздоровев, Купо оставшиеся гроши пропьет с горя в кабачке «Западня»...

Или сцена Жервезы с торжествующей Виржини... Та победила: лавочка Жервезы перешла к Виржини, так же, как перешел к ней и распутник Лантье. Жервеза, которой теперь не на что купить кусок хлеба, будет мыть полы в их магазине... Резко звучат приказы Виржини, а Жервеза суетится перед ней, беспомощно прихрамывая...

Жервеза — Л. Пашкова.

В. Этуш-Купо в сцене свадьбы.

Фото И. Галанюка.

И, наконец, я думаю, навсегда останется с вами образ Жервезы, когда она, измученная вконец, словно закаменевшая, бродит по улицам города после смерти Купо с одной только монотонной, тупо повторяемой фразой: «Послушайте, господин!.. Послушайте, господин!.. Послушайте, господин...»

Респектабельные господа все до единого проходят мимо. Кому теперь нужна такая Жервеза! Это ветошь, отброс общества-западни.

...Некоторые критики считают, что Жервеза, сыгранная в спектакле по Станиславскому, и ее окружение, сыгранное по Вахтангову, образовали в спектакле две стихии — различные и даже как бы несовместимые. Как, например, вода и масло...

Ну что ж, может быть, это так и есть.

Вопрос в том, возможно ли вот такое поразительное сочетание, допустимо ли оно?

И ответ на этот вопрос дает сам спектакль.

Да, конечно, блистательная пара Лорилле, родственников Купо,— Н. Русинова и В. Осенев — это острые, по-настоящему вахтанговские театральные образы, так же, как смазливый проходимец Лантье, сыгранный В. Дугиным, как Виржини — А. Петерсон, как привратница Бош — Д. Андреевой, как хозяйка прачечной мадам Факонье — В. Львовой, как хозяин кабачка «Западня» папаша Коломб — Г. Мерлинского, и многие, многие другие. Не безликий фон, но и не только однозначные символы, маски.

Они сами — живое, яркое и убедительное порождение бесчеловечного мира, результат бесчеловечных законов этого мира...

Девчонка Нана, которую играет студентка Щукинского училища Л. Корнева, закономерно становится уже в детские годы олицетворением порока; в маленькой, но остро решенной роли проглядывает с неизбежностью волчья логика буржуазной жизни, логика законов Западни.

Итак, Станиславский — в решении Л. Пашковой и Вахтангов — во всех остальных решениях. Ну, а как быть с Купо, кровельщиком? Не есть ли он некий «мостик», по воле постановщика органично соединяющий эти две, будто бы несоединимые театральные стихии?

Очевидно, именно таким «мостиком» увидел Е. Симонов актера В. Этуша. И вновь не ошибся.

В сложнейшей творческой манере создан этот образ, то открыто театральный, несдерживаемо-страстный, то внутренне напряженный, глубоко психологический, когда Купо-Этуш молчит и только страдающие глаза говорят о чувствах, о боли человека.

Купо, сыгранный В. Этушем,— столь же бесспорная и столь же радостная победа в премьере вахтанговцев, как Жервеза — Л. Пашкова.

Впрочем, что касается «бесспорности», то разве можно решать эти театральные споры окончательно, приложив некую «мерку» к тому, что создали актеры и режиссура?..

Мне кажется, можно, если создано главное. Создано единственно необходимое на театре — образ человека. И — через человека — образ общества, породившего столь жестокие судьбы людские...

Вот это и становится победой.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» ДЛЯ... ВЗРОСЛЫХ

Самый юный среди своих собратьев, он войдет к вам в дом новогодним сюрпризом в первых числах января будущего года и представится: ежемесячник «Детская литература». Год рождения 1966-й.

Войдет в дом, конечно, при известных условиях, если вы вовремя подпишетесь на него. Иначе знакомиться с новым журналом Союза писателей РСФСР и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати вам придется в киосках «Союзпечати». Но так или иначе, а ваша встреча с новым журналом непременно состоится.

Каким же он будет, ежемесячник «Детская литература»?

Прежде чем ответить на это, скажем, кому он адресован,— взрослым. «Детская литература» будет журналом о детской литературе для взрослых: педагогов, работников культуры, библиотекарей, вожатых, родителей — всех тех, кто озабочен воспитанием, целенаправленным культурным и духовным развитием юного поколения строителей коммунизма.

Писателю, критику, ученому, педагогу, деятелю кино, театра, радио, телевидения будет предоставлено первое слово на страницах журнала.

Наш журнал — их трибуна для длительного диалога с читателями о том, какая она есть и какой должна быть, литература для детей, что делают и что могут сделать в целях идейного воспитания юных кино, театр, радио и телевидение. Диалог предусматривает участие в споре, беседе двух сторон. Что ж, и второй стороне — читательской — будет также предоставлено слово. Пусть выскажется и читатель: поспорит с писателем, критиком, деятелем культуры и искусства или согласится с ними, одобрит их мнение, подскажет иное, свое решение проблемы.

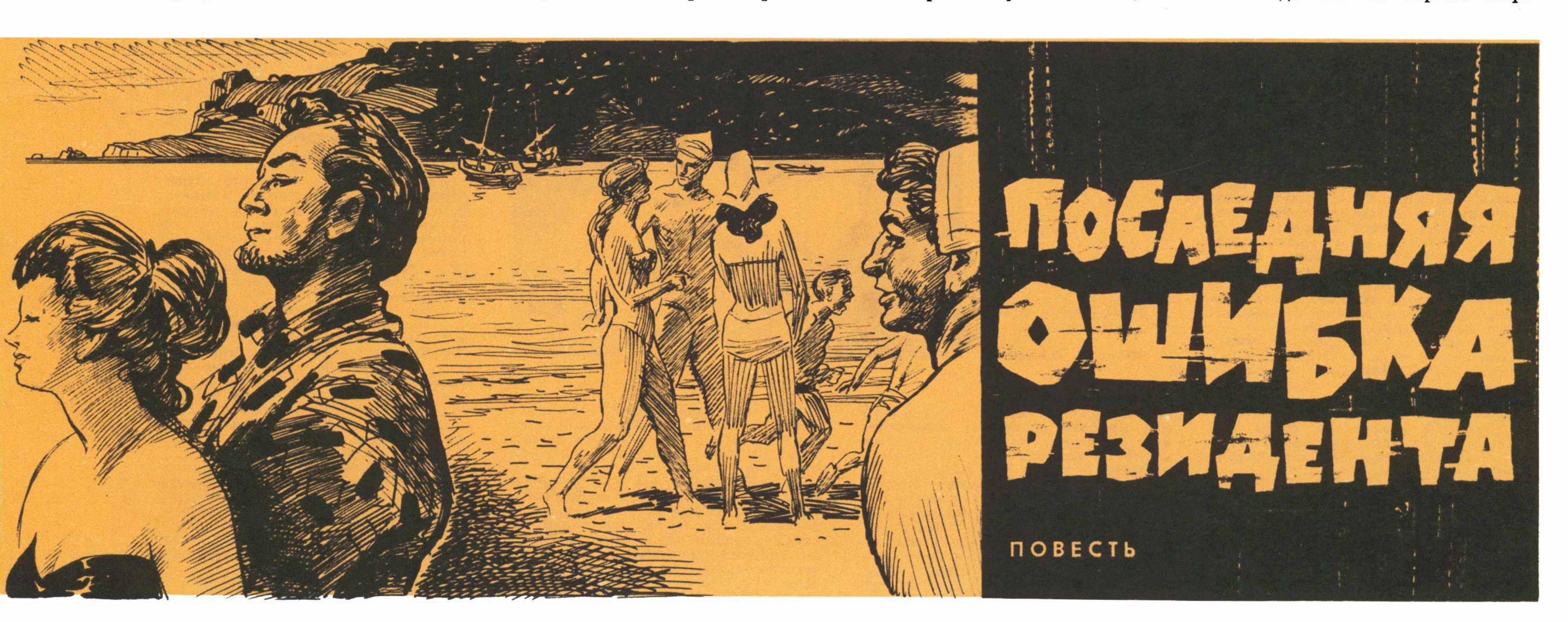
Но критика и библиография, утверждение или опровержение тех или иных взглядов на произведение искусства для детей далеко не исчерпывают содержание ни первого, ни последующих номеров журнала. Ежемесячник «прорубит» широкое окно в мир зарубежной детской литературы. Поведет читателей в романтический поиск неопубликованного и забытого. Откроет новые имена писателей, чье творчество для детей заслуживает доброго внимания. Заглянет за прилавок книжного магазина, в библиотеку, на урок литературы, в детский сад, в киностудию, в семью, на сцену и за кулисы, в радиостудию, издательство и типографию, где золотые руки чародеев — типографов — помогают писателям и художникам создавать дивные книжки для детей.

Первый номер журнала уже ушел в типографию. Минет остаток дней старого года, и он придет к вам, товарищи читатели. Раскрыв его, вы встретите знакомые имена писателей: Корнея Чуковского, Константина Симонова, Леонида Соболева, Льва Кассиля, Сергея Михалкова, Сергея Баруздина, Анатолия Алексина, Николая Носова... И не только писателей, но и видных деятелей науки и культуры. О том, что они расскажут вам, какими мыслями поделятся с вами, рассказывать не будем. Узнаете, прочитав журнал. Итак, до встречи в новом году!

В. ГОЛЫШКИН, ответственный секретарь редакции журнала «Детская литература»

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

«ИДЕМТЕ ГУЛЯТЬ» И ПАША-ЛОДОЧНИК

Курортный дух беспечности и легкомыслия неистребим и всепроникающ. Даже самые выдающиеся и закостенелые из тех, кого в просторечии принято уважительно называть солидными и положительными, на курорте не боятся позволить себе такие вещи, из-за которых, узнай об этом кто-нибудь на работе или по месту жительства, они краснели бы до слез даже во сне,— например, играть в камушки на берегу, в салочки на поляне или в «третий лишний» на спортплощадке. Или, того хуже, в испорченный телефон.

Местечко, куда привела Павла путевка, было пропитано курортным духом. Белая полоса песчаного пляжа бежала меж изумрудным морем и густо-зеленым лесом, подступавшим к самой воде. Песок мелкий и чистый, просеянный ветром, промытый соленой волной.

Дом отдыха имел только один каменный корпус — центральный, где на первом этаже разместились столовая и клуб. Большинство отдыхающих располагалось в четырехкомнатных деревянных коттеджах, разбросанных в беспорядке среди леса. В лесу обитало множество белок, которые почти не боялись людей.

Народ тут собрался со всех концов страны, были даже с Сахалина, но каждый вновь приезжающий уже на второй день здоровался с давно приехавшими, как со старыми приятелями. Вода была еще холодна для купания — пятнадцать-шестнадцать градусов, но солнце грело жарко, и после завтрака все отправлялись на пляж. Лежали на песочке, подставляя солнцу по очереди то грудь, то спину. Становились в широкий круг и пасовали друг другу волейбольный мяч, вскрикивая, когда кто-нибудь с силой гасил. Владельцы разноцветных надувных матрацев и лодок, презрев оставшихся на берегу, покачивались на ленивой, меланхоличной волне. Преферансисты, подложив под расчерченную для записи бумагу большой плоский камень и прижав ее сверху малыми камнями, травили себя сигаретами и отрешались от моря, неба и земли, лишь время от времени нервно переругиваясь с окружавшими их болельщиками, которые, как известно, отлично умеют подсказывать, но совсем не умеют играть.

Как на каждом пляже, здесь тоже было два-три мужественных купальщика и две-три еще более мужественные купальщицы, которые плавали в любую погоду при любой температуре, восхищая тем простых смертных.

После обеда, вопреки здравому смыслу и совету врача, полученному еще дома, одни играли в волейбол на площадке, другие гуляли по берегу моря или в лесу.

После ужина танцевали на веранде, смотрели кино, иногда по призыву энергичного культработника, по очереди завязывая платком глаза и беря в руки увесистую палку, били горшки, но плохо. Наличных запасов горшков культработнику должно было хватить при таких темпах лет на десять.

Пары отправлялись к морю — слушать прибой, как они объясняли. Часов около десяти их обычно вспугивали пограничники, ходившие дозором по берегу.

В общем, курорт как курорт. Только две особенности отличали его от многих других курортов страны: во-первых, здесь в нескольких километрах проходила сухопутная государственная граница, и, во-вторых, море пригоршнями выбрасывало на берег янтарь, так что в любое время дня и вечера можно было увидеть, как любители древней застывшей смолы с прутиками в руках бродят по колено в воде.

Павел не имел ни малейшего намерения в чем-нибудь отставать от своих, как здесь выражались, сопляжников. Он играл в волейбол, загорал, купался и катался на своей лодке. Правда, она была не такая яркая и шикарная, как у прочих лодко- и матрацевладельцев, посматривавших на него с чувством собственного превосходства, но зато могла свободно поднять четверых и весла слушалась с полуслова. Одно было хлопотно: воздуха в свои резиновые цистерны-борта она принимала столько, что надувать ее велосипедным насосом — все равно что кисточкой для бритья подметать футбольное поле. В конце концов подметешь, но сколько потребуется времени! Поэтому Павел искал и нашел выход: стал перед спуском к морю заворачивать в гараж дома отдыха, там быстро надувал лодку автомобильным насосом и нес ее на берег готовенькую.

С первого дня он начал приглядываться к мужчинам, похожим на обрисованного Куртисом. Высоких, со светлыми волосами и серыми глазами среди отдыхающих было несколько человек, и Павел старался угадать, который же из них должен будет не сегодня-завтра заговорить с ним о халве. Он ждал, что этот момент наступит очень скоро. Но прошло сегодня, прошло завтра, а никто к нему не обращался.

На третий день своего отдыха Павел увидел на пляже Риту. Заметил ее издалека. Она сняла платье, оставшись в серо-голубом купальнике, и легла на песок невдалеке от компании женщин, уже заметно поджарившихся на солнце. Женщинам — старожилкам пляжа хватило силы воли сдерживать любопытство не долее, чем пять минут, ибо купальник на Рите был не менее хорош, чем ее прическа. Вскоре новенькая оказалась в центре внимания. Графически это можно было изобразить в виде светлого пятна, плотно окруженного темными пятнами.

Павел насажал полную лодку мальчишек и девчонок, которых много на каждом пляже, и поплыл подальше от берега. Море было спокойное, гладкое, будто на воду положили и туго натянули прозрачную пленку.

Вернувшись, Павел увидел, что не одни женщины быстро обратили внимание на Риту. Около нее в ленивых, но полных достоинства позах стояли двое рослых, атлетически сложенных пловцов в кокетливых шапочках — соискатели, как называл таких Павел. Усмехнувшись, он подумал, что, наверное, как всегда в подобных ситуациях, ленивость поз и небрежность, с которой цедятся слова, прямо пропорциональны заинтересованности.

Юнцы ушли дальше по берегу походкой развинченной, как у мастеров спортивной ходьбы. Но их место тут же занял более собранный человек, постарше и как раз такой внешности, как описал Куртис. Молчать здесь Рите не дадут и скучать в одиночестве — тоже. Тем лучше, с ней можно заговорить, не возбуждая ничьих подозрений. Он ведь тоже может быть соискателем...

День проходил за днем, а халвой никто не интересовался. Павел уже начинал подумывать, что Зароков изменил планы. Или Круг следит за ним, приглядывается? Возможно. Но в его положении оставалось только ждать и отдыхать.

За неделю Павел познакомился с доброй половиной дома отдыха, в том числе и с Ритой. Этому во многом способствовала лодка. Видя, что он парень общительный, сопляжники не стеснялись: женщины просили по-

Продолжение. См. «Огонек», №№ 38—42.

катать их, мужчины брали лодку и сами катались. Но после критиковали алюминиевое весло: очень руки мажет, не отмоешь. Кто-то шутя советовал Павлу открыть прокатный пункт,— мол, можно денег на обратную дорогу заработать.

Так как на пляжах всем дают прозвища, то дали и Павлу. Его звали Паша-лодочник.

21 июня после завтрака он, как всегда, накачал возле гаража лодку, взвалил ее на голову и зашагал к морю. Его догнали бежавшие налегке девушки.

— Поможем Паше-лодочнику! — брошен был клич.

Девушки отобрали у Павла его нетяжелую ношу и побежали вперед.

— Весло возьмите! — крикнул он.

Одна вернулась, взяла весло.

Когда он дошел до пляжа, девушки уже были в купальных костюмах. Окружив лежавшую на песке лодку, они спорили, кому первой кататься. С ними был невысокий, коренастый мужчина лет сорока на вид, похожий сложением на штангиста. Павел видел его на пляже и в столовой с первого дня, но не останавливал на нем внимания. Знал только, как все, что девушки прозвали его «Идемте гулять»,— вероятно, часто приглашал на прогулки. Сейчас коренастый выступал в качестве арбитра между девушками. Наконец они его послушались. Он отобрал трех, бросил лодку на воду, все сели, и «Идемте гулять» неумело заработал веслом.

Павел подсел к игравшим в «кинга» женщинам.

Промелькнул час, другой. Солнце вошло в зенит. «Идемте гулять» все катался, несколько раз сменив за это время пассажирок. Павлу тоже наконец захотелось уплыть в море, подальше от берега: там прохладнее, не так печет. Выждав, когда «Идемте гулять» подгреб к берегу, чтобы высадить очередную партию, Павел крикнул ему:

— Алло, капитан! Нельзя ли теперь хозяину?

— Прости, Паша! — отозвался тот.— Что же раньше не сказал?

Павел вошел в холодную воду. Мурашки побежали по ногам.

— Давай,— протянул он руку за веслом.

Но «Идемте гулять» предложил:

— Садись пассажиром. Ты всех возишь, давай теперь я тебя покатаю.

Павел согласился. Но не успел он устроиться, к ним подскочила дородная женщина в голубой резиновой шапочке — одна из тех, кто на зависть другим купался при любой температуре. Ухватив лодку рукой, она сказала свойским тоном:

— Ой, мальчики, возьмите меня! Отвезите подальше — я там спрыгну.

«Идемте гулять» сердито возразил:

— Как так «спрыгну»? Лодку перевернете. В вас наверняка пудов пять есть.

Но упитанная пловчиха не обиделась.

— Может, пять, а может, больше. А вообще не вы хозяин. Как, Паша?

Лодка вправду была верткая, неостойчивая, но Павлу не хотелось обижать эту жизнерадостную даму, к тому же ему не нравилась неожиданно грубая выходка «Идемте гулять».

— Ладно, что с вами сделаешь,— сказал он, подвигаясь ближе к корме, где сидел «Идемте гулять».

Пловчиха села впереди, перевесив их обоих.

«Идемте гулять» за два часа освоился с веслом, и они быстро ушли от берега метров на триста. Пловчиха с удивительной для ее комплекции ловкостью перекочевала из лодки в воду, сказала: «Привет, мальчики!» — и редкими саженками поплыла к берегу.

— Ну и моржиха! — сказал «Идемте гулять». Скорей всего потому, что нечего было больше сказать.

— А вам что, лодки жалко стало? — спросил Павел.

— Да ладно, черт с ней, Паша,— примирительно заговорил «Идемте гулять».— Даже лучше получилось.

Павел обернулся к нему в недоумении. Оказывается, у него есть о чем сказать.

— Что лучше получилось? Вы о чем?

— Я хотел поговорить о банке с халвой.

У Павла вытянулось лицо. Вот так Дембович! «Высокий, худой, волосы светлые». Все наоборот. И Павел подумал, как предусмотрителен и дальновиден был полковник Марков, отказавшись тогда, при встрече на даче, показать Павлу фотопортрет Круга, чтобы Павел как-нибудь не выдал себя перед Кругом, что знает его.

— Интересно...— сказал он.

«Идемте гулять» перестал грести.

— Как же насчет халвы?

— Когда отдать?

— Можно хоть сегодня. Но это не все... Нам надо пройтись по берегу, посмотреть. Я уже ходил два раза. Тебе тоже полезно...

— Я человек послушный. Как скажете, так и будет.

— Давай на «ты». Сегодня после обеда пойдем гулять в лес. Вдоль берега. Пригласим девчонок. Пойдем к границе. Там все время в горку, с высоты линию берега видно хорошо. Смотри и запоминай.

— Там же, наверно, пограничники?

— Пограничники и здесь бывают. Мы пройдем километра полтора. В одном месте увидишь наблюдательный пункт. Больше нет. Он днем пустой. Наверно, запасной. Или ночью там сидят.

— Для чего все это, можешь сказать?

— Объясню в свое время... Хотел спросить: знаешь, как меня зовут?

— Девчонки прозвали «Идемте гулять». А по паспорту как, не ведаю.

— Леонид. Мы с тобой должны быть дружными.

— Не против,— сказал Павел.

— В столовке подойди ко мне, договоримся. Сейчас довольно.— И он направил лодку к берегу.

Пообедав, Павел подошел к столику в углу, где сидел Леонид, доканчивавший второе блюдо.

— Ну так что, Леня? — бодро спросил он.— Идем гулять?

Девчонки, сидевшие за соседним столом, фыркнули, и одна из них сказала:

— О! Даже Пашу-лодочника вовлек в пенсионеры. Пропал человек!

Павел погрозил им пальцем.

— Вот вы смеетесь, а зря. Знаете, что такое озон? Вот идемте с нами...

Слово за слово, и Павел их уговорил. А по пути к ним присоединился еще кое-кто, и получилась компания человек в пятнадцать.

Шли гурьбой, оглашая лес смехом, пугая белок громкими возгласами.

Павел, подхватывая чужие шутки, не забывал, зачем пошел: внимательно изучал линию берега.

Сначала тянулись открытые песчаные пляжи. Они были безлюдны. Санатории и дома отдыха кончились.

Потом он увидел короткий и широкий мыс, тупым клином врезавшийся в море. Формой и цветом он напоминал бетонные быки мостов, о которые крошатся в ледоход льдины, только на нем сверху, как мохнатая шапка, топорщился сухой кустарник.

За мысом показалась укромная бухточка, которая с той, дальней стороны окаймлялась песчаной косой, длинной и узкой.

Дойдя до косы, решили повернуть. На обратном пути Леонид дал Павлу знак, чтобы он отстал. А потом отстал и сам.

— Чуешь, какая бухточка? — сказал он, взяв Павла за руку.

— Уютно.

— Походи раза два-три и вечерком как-нибудь. Погуляй по бережку. Только не в одиночку. Посмотри, как ближе сверху спускаться. Я уже смотрел и еще схожу. Вместе нам лучше туда не гулять.

— Сделаю. Но, может, ты все же скажешь, какую кашу завариваешь?

Леониду было понятно нетерпение Павла, он не видел в этом ничего настораживающего.

— Скоро узнаешь. Зачем заранее волноваться?

После ужина Леонид подошел к Павлу, прогуливавшемуся перед центральным корпусом.

— Ну и наломал я сегодня руки! — сказал он.— Неудобное какое-то весло.

— С непривычки,— объяснил Павел.

— Все-таки не то весло. И потом смотри...— Он показал Павлу ладони. Припухшие подушки пальцев лоснились, как рельсы.— Мажется. Пойдем в душ, а?

Павел отказался.

— Я пойду помоюсь. Холодной воде это не поддается.

Он пошел в свой коттедж.

Павел уселся на скамейке. По пути в душевую Леонид должен был пройти мимо. Через пять минут он появился со скатанным в трубку полотенцем под мышкой.

— Сидишь?

— А что делать?

— На танцы шел бы.

— Еще не начинали.

Дождавшись, пока Леонид скрылся в душевой, он отправился искать Риту. Нашел ее на площадке, где располагались столы для пинг-понга. Игра велась «на высадку», Рита ждала очереди. Павел уговорил ее походить немного. Предупредив игроков, что вернется, чтобы ее очередь не пропала, Рита взяла Павла под руку, и они пошли по аллейке.

Павел отдал Рите нарисованную им схему бухты, виденной днем. Они условились, что с завтрашнего дня Рита, сказавшись больной, будет по вечерам сидеть дома, в палате,— она жила в самом ближнем от центрального корпуса коттедже, если идти в сторону, противоположную морю. Днем она должна быть или на пляже, или дома. Одним словом, чтобы он в любую минуту мог ее найти...

Дождавшись темноты, Рита исчезла с территории дома отдыха. Вернулась она после полуночи.

Миновал еще один день, потом второй, а Леонид не выказывал желания вновь заговорить. Павел дважды ходил к бухте с той смешливой девушкой, которая острила тогда в столовой по поводу прогулок. Они облазили бухточку, прошлись по длинной косе. Был полный штиль, и зеркало бухты не имело ни единой морщинки. Павел подумал, что даже и при сильном волнении здесь большой волны не будет.

Утром 27 июня Леонид подошел к Павлу на пляже, когда он был один у лодки.

— Покатаемся,— не попросил, а скорее приказал он.— Поговорить надо.

В море Леонид наконец изложил Павлу задачу, объявил, что это произойдет сегодня в час ночи. Они выработали подробный план действий и вернулись на берег.

Павлу было трудно поговорить с Ритой незаметно: Леонид не спускал с него глаз,— но он все-таки сумел, шляясь по пляжу, пройти мимо нее и сказать: «Сегодня в час ночи».

Перед обедом Рита позвонила из кабинета директора дома отдыха в город.

СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ

В десять часов вечера они встретились в лесу. Было еще довольно светло, но закатный свет быстро меркнул. Ночь обещала быть теплой.

Леонид Круг оделся по-походному: черные сатиновые шаровары, бордовая рубаха, на ногах баскетбольные кеды. Фляга с водой и земля, пересыпанная в целлофановый пакетик, были за пазухой. Резинка шаровар не удержала бы флягу, поэтому он опоясался узким брючным ремнем.

Павлу пришлось одеться еще легче: ведь ему не в дальний путь, ему возвращаться надо. Человеку, катающемуся ночью в резиновой лодке, лучше не надевать костюм с галстуком. На нем была синяя рубаха с короткими рукавами — подарок Куртиса, черные шорты и тапочки на резиновой подошве. На плече он нес толстый, увесистый сверток — лодку, в руке был автомобильный насос, который после обеда по настоянию

Леонида он стащил из гаража. Леонид сам как следует его смазал, чтобы не скрипел. У Леонида было весло.

Вышли пораньше с расчетом. Могло случиться, что они наткнутся на пограничников, прежде чем достигнут облюбованной Кругом расщелины в высоком берегу бухты. Тогда они скажут, что заблудились, вернутся к дому отдыха и начнут все сначала. Ходу до бухты, если даже сделать большой крюк, минут двадцать пять — тридцать.

Леонид взял направление прочь от берега. Он шагал впереди совсем бесшумно. Павел шел на вытянутую руку сзади след в след.

Стемнело. Но все же ночь была светлая. Утешало лишь то, что на лес спускался туман.

похрустывали под тяжелыми сапогами. И опять тишина. Море не шелохнется.

Леонид притянул к себе Павла, зашептал:

— Ой, плохо! Все плохо.

— Отменить нельзя? — шепотом спросил Павел.

— Мы ж не ленту крутим — на каком кадре оборвать захотел, там и оборвал.

«Киномеханик ты проклятый!» — хотелось сказать Павлу.

Они стояли, касаясь друг друга плечом, и Павел чувствовал, что легкая, едва уловимая дрожь, охватившая Леонида Круга, передается и ему.

Павел не испытывал ненависти к Кругу. Только спокойное, ровное презрение. Сейчас не время было копаться в душе. Он старался представить себе то, что должно

Устали плечи, устали ноги. Уши устали слушать тиканье часов — Павел раньше и не предполагал, что обыкновенные наручные часы могут тикать так громко и нудно.

— Пора, — шепнул Круг.

Павел поднес циферблат к глазам. Без двадцати час. Ну что ж, пора... Он потянулся, чтобы выгнать из мышц оцепенение.

Приподняли лодку, боком выдвинули ее из расщелины, стараясь не царапать о стенки. Круг первым вышел на покатый склон. Комочки сухой глинистой земли покатились вниз. Он застыл.

Но ничто не нарушало безмолвия в туманном лесу. Они спустились к воде.

Круг сел впереди. Павел с кормы занес одну ногу, другой оттолкнулся и в тот же момент опустился на упругое дно лодки.

Он своей половинкой весла греб с право-

В кронах деревьев шла своя жизнь. То вдруг коротко прошуршит листва, словно кто бросил камень. То тревожно заверещит какая-то птичка, будто испуганная спросонья.

Минут через пятнадцать Леонид под острым углом повернул в сторону моря.

Туман становился плотнее. Но когда они достигли кромки обрыва, нависшего над берегом, и, раздвинув кусты, посмотрели на море, Круг шепнул Павлу в самое ухо: «Плохо». Над морем тумана — ни клочка. Черный овал лодки на темно-сером фоне воды сверху будет заметен. Но что делать? Погоду не предусмотришь...

Удачно, без шума, забрались в расщелину. Она была очень узкая, уже размаха двух рук, но глубоко врезалась в покатый склон обрыва. Вероятно, весенние ручьи промыли эту щель. Ветви кустов, росших наверху, сплелись и образовали плотную крышу.

Не мешкая, начали надувать лодку. Леонид развернул ее, взялся за один борт, приподнял его выше головы. Другой борт свисал на дно расщелины. Павел приладил шланг насоса к соску лодки и стал качать. Потом они поменялись.

В начале двенадцатого часа, когда лодка была уже надута и они молча стояли, глядя на море, наверху прошел пограничный патруль. Пограничников было двое, они не разговаривали и двигались тихо, но ветки

произойти через полтора часа, и мысленно провести себя по всем этапам скоротечного действия, разъяв его на секунды и мгновения. Поэтому он был спокойнее Круга. Он даже ощущал, что комары жгут нещадно лицо, шею, голые ноги...

Справа, в самом углу видимой им части моря, слабо светлело зарево морского порта. Казалось, оно шевелится.

Круг часто смотрел на часы, поднося их к самым глазам. Но от этого время быстрее не двигалось.

Около двенадцати снова прошли пограничники, теперь в обратном направлении.

Где-то далеко в море, в восточной стороне, замерцал белый блик. Он переместился слева направо, потом справа налево, высветив линию горизонта, и погас. Наверно, корабль шарил прожектором.

Потом послышался отдаленный глухой рокот — то ли в воздухе, то ли в море.

Круг посмотрел на циферблат — было всего пять минут первого. Еще рано.

Рокот удалялся и скоро сошел на нет.

— Как думаешь, на каком расстоянии мы его увидим? — прошептал Круг.

Глаза хорошо привыкли к темноте. Павел считал, что надежная видимость у них с Кругом не меньше километра. Но расстояния на море обманчивы, особенно ночью и если смотришь с высоты. Так он и сказал.

Вероятно, Круг старался высчитать наиболее подходящий момент, когда им надо сесть в лодку.

го борта, Круг — с левого. Работали без всплеска.

Понадобилось пять минут, чтобы выгрести на середину бухты. Остановились.

— Подгребем носом, — зашептал, обернувшись, Круг. — Как только подойдем к катеру, сразу греби назад, к берегу.

— Ты говорил, что-то должны передать?

— Багаж тяжелым не будет. Сбросят в лодку.

Неожиданно на востоке за толстым мысом родился тихий, ровный звук — будто жужжит маленький настольный вентилятор.

Круг предостерегающе поднял руку.

— Разве оттуда должны?.. — шепнул Павел.

— Подожди.

Круг весь напрягся, вслушиваясь. Похоже было, что звук приближается. Слух, измотанный долгим, напряженным ожиданием, отказывался определить, далеко это или совсем близко.

Но тут они явственно услышали другой звук — сочный, хрустящий. Словно тугая струя из открытого до предела крана бьет в раковину. Только очень быстроходный корабль может так звонко резать острым носом воду.

И вдруг прямо перед ними метрах в пятидесяти возник узкий силуэт маленького судна. Сбавив ход и чуть отвернув, катер прошел мимо, держа их по правому борту, заложил крутой вираж, качнув лодку на своей волне, повернул носом в открытое

море и, поравнявшись с ними, застопорил метрах в двадцати. Казалось, он ходил без мотора: никакого шума. Короткий, низко сидящий, с плоской, зализанной рубкой, серого мышиного цвета. На открытой корме стоял человек.

— Живо! — едва не в полный голос выдохнул Круг.

Но прежде чем они опустили весла в воду, с катера спросили по-русски:

— Кто вы?

— Экватор.

— Мы Аляска. Быстро!

Круг греб сильнее, лодку заносило вправо, к носу катера.

За толстым мысом взревела сирена.

— А, черт!

И в тот момент, когда до катера оставалось каких-нибудь пятнадцать метров, пронзительный прожекторный луч ударил со стороны толстого мыса и воткнулся в борт катера, отпечатав на нем четкую тень двух сидевших в лодке.

Человек, стоявший на корме, кинулся к рубке.

Круг бросил весло в воду, встал, с трудом сохраняя равновесие...

— Давай же! — заорал он отчаянно, протянув руки вперед.

Павел сделал один гребок, другой. Низкая, выступающая над водой не больше чем на полметра корма катера была совсем рядом. Металлические поручни ярко блестели в безжалостном свете прожектора. Круг весь подался вперед. Павлу казалось, что он не вытерпит, кинется в воду.

Снова оглушительно громко взревела сирена. Луч прожектора, бивший Павлу в спину, сделался теплее: судно, на котором был включен прожектор, приближалось.

Усиленный мощным динамиком, разнесся над бухтой басовитый голос:

— Эй, на катере! Стопорь машину!

Глухое эхо отдалось в туманном лесу, звонко отскочило обратно на воду, звук гремел и шарахался из стороны в сторону. Все выглядело и звучало странно и фантастично. Особенно голос. Как будто это происходило в узком гулком тоннеле — может быть, оттого, что катер и лодка беспомощно барахтались в ослепительно светлой трубе прожекторного луча. Все остальное, за пределами его фосфоресцирующих границ, казалось черно и беззвучно.

Вдруг со стороны прожектора застрочил пулемет. Длиннейшая очередь. Пули вспороли воздух над катером. Круг, уже протянувший руки к поручням, дернулся, вскрикнул и упал в воду. Лодка перевернулась.

Ухо Павла не слышало, чтобы в пулеметную очередь вплелся одиночный выстрел, но ему показалось, что пуля, попавшая в Круга, прилетела с другой стороны, с берега.

Павел, вынырнув, увидел, что рядом, на расстоянии двух вытянутых рук, бултыхается Леонид Круг. Голова его то появлялась над водой, то скрывалась.

Сделав сильный гребок, он схватил Круга под мышку правой рукой, лег на левый бок и поплыл к катеру. Ухватившись за поручни, подтянулся, на секунду оставив Круга, затем лег животом на поручни, перегнулся за борт и протянул ему руки. Круг цепко обхватил их чуть ниже локтей. И так же, ниже локтей, держал его Павел.

— Давай! — закричал Круг.

Катер вздрогнул и рванулся вперед. Павел рывком потянул Круга вверх. Тот вспрыгнул коленями на острый край борта, застонал и перевалился через поручни на палубу кормы.

Они вырвались из прожекторного луча, потом он снова нашел их. Еще одна длинная очередь прошила небо над катером. Вероятно, пограничное судно преследовало их, но скорость у катера была бешеная.

Прожектор погас — он был уже бессилен.

Мотор катера работал тихо, но Павел всем телом ощущал его мощь: палуба под ногами вибрировала и, казалось, гудела.

Из рубки выскочил человек. Он был в каком-то полуматросском-полурыбацком одеянии.

— Ложись! — приказал он Павлу, а сам опустился на корточки.

Павел повиновался, лег рядом со стонавшим Кругом и сказал по привычке шепотом:

— Теперь ушли.

— Кто из вас Леонид? — спросил матрос.

— Я Леонид, — подавив стон, отвечал Круг.

Матрос постучал лежавшего вниз лицом Павла пальцем по затылку.

— Бери посылку — и за борт. Еще недалеко, можно доплыть.

— Вы с ума сошли!.. Поедет с нами... — простонал Круг.

Павел сделал попытку встать.

— Нет... нет... — запротестовал Круг.

Матрос, махнув рукой, ушел в рубку. Видно, вся команда катера состояла из двоих — капитана и этого человека.

Превозмогая стоны, Круг сказал:

— Старик не получит посылку. Но кто знал, что так все... О, черт!

Он опять застонал.

— Куда тебя? — спросил Павел.

— Ноги. Вот тут. — Круг, лежавший ничком, показал рукой на бедро.

— Надо перевязку сделать, — сказал Павел и, приподнявшись, крикнул в рубку: — Алло!

Матрос открыл дверцу, спросил, не выходя:

— Что надо?

— Бинт, йод есть?

— Нет. До берега.

— А далеко это?

— Как дойдем, так и будем. — И закрыл дверцу.

Павел снял синюю рубаху с короткими рукавами — под нею была еще белая майка. Стянул майку, разорвал ее на широкие ленты, связал их.

— Ну-ка, давай.

Он повернул Круга вверх лицом, расстегнул ремень, вынул у него из-за пазухи флягу и пакет с землей. Потом сдернул шаровары до колен. Осматривать раны было лишним — плохо видно.

— Обе? — спросил Павел.

— Кажется, да.

Видно, левую ногу ударило сильнее, потому что Круг, пока Павел ее бинтовал, скрипел зубами. Пуля прошла навылет через левое бедро и застряла в правом бедре, потому что выходного отверстия не было.

Когда Павел кое-как перевязал Круга, тот сказал:

— Спасибо тебе, лодочник. Если бы не ты, кормить бы мне рыбу... Век не забуду! Спасибо.

Круг впал в забытье. Катер, дрожа, рвался вперед. Сочный, хрустящий звук сопровождал его бешеный бег — словно тугая струя из открытого до предела крана бьет в раковину... Павел задремал.

...С того момента, как прожекторный луч вспыхнул на пограничном судне, и до того, как Павел и Круг очутились на борту катера, прошли считанные секунды. Но если бы сказать это Павлу, он бы никак не поверил.

* * *

О ночном происшествии в бухте обитатели «Соснового воздуха» толком ничего не знали. Кто-то утверждал, что ночью была стрельба на границе. А может, просто померещилось. Во-первых, расстояние все-таки порядочное — полтора километра, да и лес заглушает звуки, а во-вторых, сон у отдыхающих крепок, как у новорожденных младенцев.

Неожиданное исчезновение «Идемте гулять» и Паши-лодочника вызвало переполох. Возникали самые невероятные предположения. Основной пищей для фантазии служил тот факт, что они исчезли, оставив все свои вещи и чемоданы.

Наиболее распространенной оказалась версия, что они удрали морем за границу, так как исчезла и лодка. И недаром Павел Корнеев получил свое прозвище: значит, он просто тренировался. И к тому же еще один факт: в гараже пропал насос, которым всегда пользовался этот Паша-лодочник.

На третий день пограничники принесли лодку и отдали ее физинструктору дома отдыха.

Значит, они утонули, решили обитатели «Соснового воздуха» и пригорюнились.

Но, как известно, курортный дух беспечности и легкомыслия неистребим, и все забылось очень скоро.

Рита уехала из «Соснового воздуха» раньше срока.

Продолжение следует.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Прошу разъяснить, как принимается подписка на приложения к «Огоньку»: только полностью или также частично, на произведения какого-либо одного писателя? У нас в Азове «Союзпечать» принимает подписку только на сочинения всех четырех писателей сразу». Так пишет в редакцию А. Камышенцева из Азова, Ростовской области.

А вот строки из других писем: «У нас в селе да и в районном отделении «Союзпечати» не знают, сколько стоят сочинения С. Аксакова, Я. Гашека, Брет Гарта, А. Конан Дойла. Д. Лобанов (с. Абзаново, Зианчуринский район, Башкирская АССР)». «Каким образом выписать восемь томов А. Конан Дойла? Дело в том, что я обращался в местное отделение «Союзпечати», но там пожали плечами и сказали: «Мы не в курсе». А. Тимошенко (с. Барано-Оренбургское, Приморский край)».

Письма с подобными вопросами прислали в редакцию Г. Рубцов из Клетской, Волгоградской области, А. Шинков из Кохмы, Ивановской области, И. Капатов из города Горького, Ю. Салыков из Иркутска, А. Старовойтов из Новгородской области и многие другие.

Все это свидетельствует о том, что некоторые работники «Союзпечати», контор и отделений связи на местах не знают порядка проведения подписки на приложения к «Огоньку».

Надеемся, что Главное управление по распространению печати Министерства связи СССР примет срочные меры.

* * *

Дорогие читатели! Отвечаем на ваши вопросы о подписке. Можно оформить подписку на журнал «Огонек» на любой срок и на все его литературные приложения (24 тома собраний сочинений и 52 книжки современных авторов).

Кроме того, по вашему желанию можно выписать журнал «Огонек» и одно из литературных приложений (либо 24 тома, либо 52 книжки «Библиотечки «Огонек»).

Или: журнал с сочинениями только одного писателя (скажем, С. Аксакова).

Можно выписать приложения (полностью или сочинения какого-либо одного из четырех писателей) без журнала «Огонек».

Подробное содержание литературных приложений опубликовано в «Огоньке» № 40. На приложения (полностью или частично) вы сможете подписаться до 25 ноября. После этой даты подписка на приложения приниматься не будет.

Что касается «Огонька», то подписаться на него вы сможете и после 25 ноября (но тогда вам будут доставлять журнал лишь с февраля 1966 года).

Цена годовой подписки на «Огонек» — 15 рублей; стоимость каждого из 24 томов собрания сочинений — 90 копеек; стоимость 52 книжек «Библиотечки «Огонек» — 3 рубля в год.

В редакцию пришло письмо с Дальнего Востока. Его автор, немолодой человек, майор, рассказывал о споре, возникшем в среде его сослуживцев во время просмотра нашего журнала. Речь шла о странице мод, но темой дискуссии были не столько модели, сколько те, кто их демонстрировал, — манекенщицы. Достойное ли это занятие для молодой женщины, серьезная ли профессия и профессия ли вообще? Редакцию он просил быть арбитром.

Это было лестно, но несколько преждевременно, ибо, как известно, для того, чтобы высказать мнение, надо его иметь. Ну, а для этого...

Для этого мы и пошли туда, где сосредоточены все проблемы моды,— в Общесоюзный Дом моделей.

Была ранняя осень, у больших витрин Дома моделей, словно по сигналу «стоп!», замирали даже самые деловые женщины: как не узнать, какие сюрпризы готовит мода в предстоящем сезоне?

Об этом привычно начала разговор художественный руководитель Дома Людмила Федоровна Турчиновская и очень обрадовалась, узнав цель нашего прихода.

— Наконец-то заинтересовались этой трудной профессией. Ведь у них очень тяжелая работа. Публика видит манекенщиц только во время демонстрации моделей, и, чем лучше они это делают, тем легче кажется их труд. На самом деле совсем не так. Походку, осанку, жест, движение, манеры, даже мимику — все нужно тщательно отработать и делать это не только красиво, легко, а создавая определенный образ. Часто поэтому при наборе манекенщиц, когда перед нами проходит до тысячи девушек, мы с трудом отбираем одну-двух; фигуры хорошие, а индивидуальности нет: одна старается

кенщицах. Это вовсе не какие-нибудь утонченные красавицы, а обыкновенные, прехорошенькие девушки, очень простые, очень естественные. И не удивительно! Советские граждане!» (Рене Ружерон. «Юманите». Париж.)

Другой французский корреспондент, Полина Пеллени, отдавая должное элегантности советских манекенщиц — «они выглядели даже более парижанками, чем наши...»,— изумляется, узнав о том, что каждая из них имеет или овладевает второй профессией. «Эти молодые женщины в жизни обыкновенные люди. Почему же они считают возможным заниматься этой деятельностью?»

Мы попросили манекенщиц ответить на это, а кстати, рассказать нам и о своих вторых профессиях.

Регина Збарская окончила экономический факультет Государственного института кинематографии и тут же начала участвовать в кинопроизводстве... только не в качестве экономиста: красивую девушку пригласили сниматься.

— Но я была угловатая, неуклюжая, невыразительная, себя стеснялась и понимала, что в лучшем случае всю жизнь буду сниматься в эпизодах. А работа манекенщицы — хорошая школа! Я научилась двигаться, владеть своим телом, носить костюм, приобрела вкус — словом, каждой девушке было бы полезно пройти такую школу. Конечно, у нас очень большая физическая нагрузка — целый день на ногах; с утра примерки, потом показы; но это и тренировка хорошая. Посмотрите на манекенщиц с 20-летним стажем, а у нас есть такие, им больше 30 лет не дашь: стройные, ловкие, подобранные, и это становится привычкой на всю жизнь и не дает стареть.

А Лену Изоргину привлекает в этой профессии творческое начало. Вместе с художником участвовать в создании модели, задумывать не только фасон, но и образ женщины, которой подойдет это платье, а затем его воплощать... Заманчиво!

ПОСЛАН СОВЕТСК

быть похожей на Марину Влади, другая — на Татьяну Самойлову, третья — на манекенщиц из французских журналов. А нам нужны не манекены, а живые человеческие лица, характерные для облика советской женщины.

Наши манекенщицы никому не подражают, они естественны и грациозны, держатся просто, но с достоинством, органичны и элегантны. Наверное, поэтому и нравятся всем. Вот посмотрите, сколько о них писали повсюду.— И Людмила Федоровна достает кипу иностранных журналов.

Польша, Чехословакия, Англия, Франция, Бразилия, Каир, США, Норвегия, Италия, ГДР, Румыния... Где только не гастролировала советская мода! Прочесть все эти газеты под стать только полиглоту. На помощь приходят манекенщицы: большинство из них изучают иностранные языки. Регина Збарская без переводчика выступала по лондонскому телевидению и радио.

Нас, конечно, интересуют прежде всего газеты Франции — законодательницы мод.

«...Посланницы советской моды!.. Ничто не может быть дальше от обычного представления о мане-

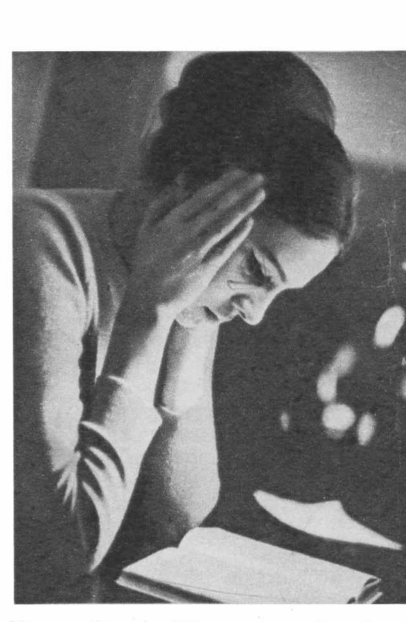
По образованию Лена театральный художник, это если говорить о прошлом, о дипломе, который уже есть, а в будущем — она искусствовед, занимается на вечернем отделении Государственного института театрального искусства и мечтает преподавать историю театра.

Когда в Париже открывалась в 1961 году советская торгово-промышленная выставка, «Юманите-диманш» посвятила этому событию целую полосу. «СССР в Париже»,— гласил заголовок. А далее фотографии: «ТУ-104», атомный ледокол «Ленин», ракета «Восток» и приветливая, улыбающаяся, гостеприимная хозяюшка приглашает зайти в павильон — Мила Романовская.

«День русской манекенщицы» — назывался фотоочерк о ней в «Пари-матч». В Лондоне у Милы просили автографы, в Финляндии старушки эмигрантки подходили, плакали, расспрашивали о родине; в Генуе...

Любое платье кажется красивым, когда показывает его Лена Изоргина.

Мысли Наташи Кондрашиной сейчас очень далеко от проблем моды: в университете сессия.

«Ах, какой красивый парад манекенщиц»,— писали о них французские газеты.

показывает, но и создает модели; готовится Лиля поступать в Текстильный институт, кроме того, как кандидат в члены КПСС, ведет большую общественную работу.
Не до поездок и Наташе Кондрашиной. Она демонстрирует модели только в Москве, да и не удивительно, ведь Наташа почти юрист,

Как хорошо, когда мама дома! Утро в семействе Баскаковых.

...НИЦЫ ...ОЙ МОДЫ

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. УМНОВА.

учится на V курсе Московского государственного университета, и любовь к русским вышивкам, русской литературе, живописи и истории она сочетает с увлечением занятиями судебной экспертизой.
Вот и выходит: права бразильская женщина, которая в книге отзывов спрашивает: «Правда ли, чтобы стать у вас манекенщицей, нужно иметь университетский диплом?»
...Резкий звонок прервал нашу беседу: в Доме моделей начинался очередной просмотр, и манекенщицы побежали за кулисы. Как всегда, места зрителей были полны. Зажглись огни рампы, на помост вышли те, кто взял на себя миссию учить высокому искусству элегантности.

Так зарождается мода. Художественный руководитель ОДМ Л. Ф. Турчиновская накалывает на Миле Романовской новую модель.

Чем же вызывает симпатии эта круглолицая, цветущая блондинка, пышущая здоровьем и жизнерадостностью? Скорее всего тем, что весь ее облик для большинства зрителей наиболее полно олицетворяет современную советскую женщину.
Да, так оно и есть. Мила работает, учится, занимается хозяйством, растит ребенка...
Аленка Романовская еще маленькая, и мама ее мнения пока еще не спрашивает, когда отправляется в очередную поездку. А Коле Баскакову уже 4 года, и он хочет, чтобы мама была с ним ежедневно, впрочем, этого хочет и мама, и зачастую Лиля Баскакова отказывается от самых заманчивых поездок. Но в Москве, кроме воспитания сына, у нее много других дел. Она окончила курсы моделирования, и теперь не только

Что в центре внимания супругов Збарских! Эскиз декораций нового фильма художника Л. Збарского или новый костюм, который предстоит показать Регине!

СОРОК ЛЕГЕНДАРНЫХ КИЛОМЕТРОВ

Александр Иванович Самуйлик с дочерью Зоей.
Фото Е. Макарчука.

В пахучем лесном воздухе кружили первые снежинки. Тонкий ледок сковал лужицы. Похожий на Чапаева человек спустился в землянку, присел на дубовый чурбан и, скручивая «козью ножку», сказал:

— Под вечер наступаем.

Друзья обступили командира партизанской группы Александра Ивановича Самуйлика, стали обсуждать детали предстоящего рейда... На этот раз командир задумал такое, что дух захватывало от нетерпения...

На участке Любешов—Камень-Каширский (это в Волынской области) время от времени ходил поезд, на котором гитлеровцы вывозили награбленное добро. Вот и решили захватить этот мародерский состав. Недалеко от Любешова устроили засаду. Ждали сутки, вторые... Валил мокрый снег, продрогли. Но нельзя ни развести огня, ни обогреться. Успех во внезапности.

В середине второго дня послышался шум паровоза—и началось. Все как по сценарию. Поезд остановили красным флажком. Замешательство в вагонах. Потом на землю высыпали фрицы в зеленых куртках, и с обеих сторон их окатили партизанским свинцовым душем. Около дюжины гитлеровцев осталось лежать на земле. Остальные подняли руки.

Партизаны перерезали телефонные провода, прибили на вагонах заготовленные заранее полотнища: «Бейте гитлеровцев везде и всюду!» На паровозе укрепили красный флаг.

В почтовом вагоне среди вороха писем обнаружили важные донесения. Четырнадцать остальных вагонов были набиты мешками с пшеницей и рожью, тысячами кур и гусей, ящиками с яйцами.

Как и было задумано, партизаны повели состав на север. И начался тот беспримерный в истории минувшей войны рейс по захваченной врагом территории.

Александр Иванович приказал ребятам: «Увидишь человека — бросай ему мешок зерна, увидишь подводу — выкидывай пять, около деревни — полтораста». Так и делали. Как на чудо, выбегали люди посмотреть на медленно ползущий поезд с развевающимся красным флагом.

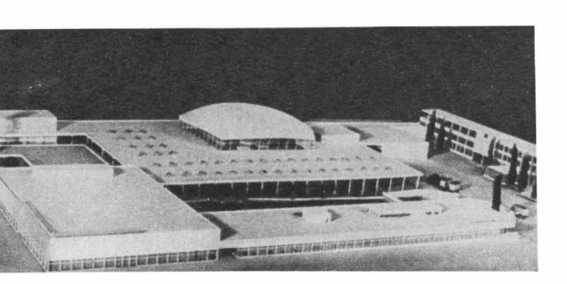
Состав прошел мимо украинских полустанков. На небольшой станции Колено сделали часовую остановку. Выгрузили почти весь хлеб, выпустили птицу. На станции узнали, что в соседней деревне Мохро стоит гарнизон, усиленный кавалерией. Выжимая из локомотива все, что можно, поезд понесся к Мохро. Остолбенев, смотрели гитлеровцы на поезд. А партизаны дали залп и, проскочив мимо родной деревни Александра Ивановича, поехали дальше.

Возле деревни Вулька выгрузили оставшееся продовольствие, сняли красный флаг и с помощью крестьян подожгли эшелон. Яркое пламя охватило состав. В предвечерней синеве мчался горящий поезд к реке Пине. Мост был взорван. С грохотом свалился эшелон в реку. Так закончился сорокакилометровый подвиг.

Белорусским Чапаем прозвали партизаны Александра Самуйлика. И не только за внешнее сходство с легендарным комдивом, но и за такую же, как у Чапаева, безудержную смелость и лихость. Отрядом Самуйлика в течение года «пущено под откос 140 вражеских эшелонов, разбито 40 автомашин, убито свыше 1 000 гитлеровцев». В отряде Александра Ивановича был клуб и художественная самодеятельность, работала лесная школа, столовая, свой госпиталь. За боевые заслуги Родина отметила своего преданного и бесстрашного сына орденом Ленина, четырьмя боевыми медалями.

А в мирные дни к ним прибавился и трудовой орден — «Знак Почета». Сейчас Александр Иванович — инспектор-парторганизатор парткома Каменецкого производственного управления Брестской области, всеми уважаемый в округе человек.

В. ФРЕЙДИН

Макет Белгородского рынка.

ЭСТЕТИКА КОЛХОЗНОГО РЫНКА

Красивые, современной архитектуры постройки. Бетон, стекло, пластики... В центре ансамбля — просторное здание. Его словно бы окаймляют легкие навесы. Это центр будущего белгородского рынка, проект которого разработан группой архитекторов и инженеров «Гипроторга».

Специальные подъездные пути, обширные склады, гостиница — все предусмотрено в проекте, который скоро начнет осуществляться.

Белгородский рынок — это лишь одна из новостроек колхозной торговли. Два рыночных комбината появились в Днепропетровске. Центральный рынок города имеет 1 400 торговых мест. Только на Украине сейчас сооружается 14 новых рынков.

К. КОСТИН

ТАНЦУЕТ МЕКСИКА

Чтобы создать программу этого балета, нужны были талант, знания и энтузиазм. Всем этим обладает танцовщица Амалия Эрнандес — организатор, генеральный директор и хореограф «Балета фольклорико де Мехико», побывавшего недавно в Советском Союзе.

«Фольклор» и «балет» — эти слова не случайны в названии ансамбля. В них ключ к творчеству Амалии Эрнандес. Сценические композиции она создает на основе танцевального фольклора своей страны, как бы «скрещивая» его с классическим танцем. Поэтому в программе наряду с танцорами участвуют и музыканты и большая хоровая группа. Словом, на сцене возникают картинки из жизни мексиканского народа.

Начинается программа таинственно, под странные звуки каких-то неведомых музыкальных инструментов, которые оказываются звучащими раковинами. Сцена заполняется причудливыми существами, словно сошедшими с каменных барельефов ацтеков — далеких предков мексиканцев. Это «Танец богов».

Очень красивы танцы провинции Мичоакан. Одна за другой, прыгая с ноги на ногу, бегут танцовщицы, позванивая бубенчиками в такт каждому прыжку. Их широкие и яркие юбки развеваются, открывая изящные босые ноги, и кажется, будто большие бабочки летают по сцене.

В женском мексиканском танце огромное значение имеет костюм, особенно юбки: длинные, широкие, украшенные оборками; управлять ими — огромное искусство. Во время исполнения сюиты танцев штата Веракрус балерины плывут по сцене, а за ними, подобно крыльям, реют белые юбки; остановившись, девушки отбивают каблучками четкую дробь, а их юбки, направленные искусными руками, то мягко плещутся, то взлетают, как бы отражая переменчивость женского настроения.

Надо сказать, костюмы художника Даша великолепны. Созданные на основе народной одежды, стилизованные в такой же мере, как и хореография Амалии Эрнандес, элегантные по крою, они поразительны в сочетании красок и, что самое важное, удобны в танце.

В программе участвует несколько национальных оркестров; они не только аккомпанируют танцорам и хору, но выступают и самостоятельно, виртуозно играя на разнообразных инструментах и подпевая в импровизационной, почти частушечной манере.

Музыкальное сопровождение многообразно и самобытно: мелодии индейского происхождения сочетаются в нем с европейскими.

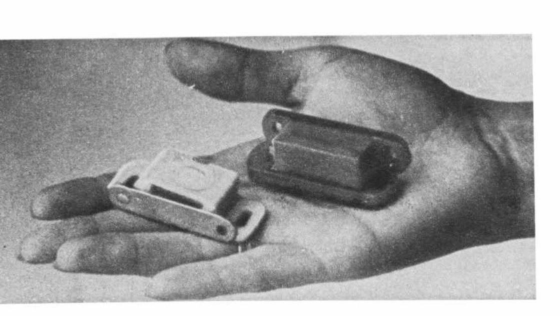
Трудно даже перечислить музыкальные инструменты, впервые увиденные и услышанные нами во время гастролей мексиканцев. Смотреть на них было так же интересно, как и слушать. Вот, например, маримба—огромный двухметровый деревянный ксилофон, на котором одновременно играют пять музыкантов. Или же группа экзотических индейских инструментов, сделанных из панциря черепахи, бамбука, уже упоминавшихся раковин, тыкв. Когда они звучат, кажется, что оживают голоса каких-то невиданных зверей и птиц...

Рассказать обо всем, что было показано мексиканской труппой, невозможно. Наибольшим успехом у московской публики пользовался «Танец оленя». В нем не было ни броских постановочных эффектов, ни пышных костюмов. Зрителей пленили выразительность и техническое совершенство актера Хорхе Тильера: казалось, они видят гордого оленя, преследуемого, сраженного, но борющегося до последнего дыхания.

И талантливому коллективу «Балета фольклорико де Мехико», конечно, следует развивать именно эту линию своего творчества. Она ведет к искусству больших тем, широких обобщений, способному отразить все многообразие народной жизни.

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

ЗАМОК БЕЗ КЛЮЧА

Инженеры из Сарапула изобрели оригинальную конструкцию магнитного замка. Достаточно к полке шкафа привернуть двумя шурупами магнит, а к дверце — специальную пластинку, и она прочно закроется. Новый замок меньше спичечной коробки, весит всего 33 грамма, а служить он станет не менее 10 лет.

В Сарапуле уже налажено серийное производство магнитных замков. Сборкой их занимаются ученики школы № 13 в собственных производственных мастерских.

Е. СУХИХ, инженер

Сарапул.

ПРАБАБУШКА НАШИХ АПТЕК

Эстонские реставраторы выполнили интересную работу.

Одна из узких средневековых улиц, веером сходящихся к Ратушной площади Таллина, называется Аптечной. А вот и аптека, давшая название улице. На ней вывеска: змея обвивает чашу. По утверждению фармакологов, эта аптека, существующая с 1422 года, самая старая в нашей стране. Начиная с 1583 года и до момента ее передачи в ведение Таллинского магистрата в 1911 году аптека была родовым владением нескольких поколений медиков рода Бурхардов, жителей Таллина. Сейчас здание реставрировано.

В прихожей, рядом с фамильным гербом Бурхардов, можно прочесть краткую историю аптеки. Из истории следует, что широко известный представитель пятого поколения Бурхардов вызывался в С.-Петербург к ложу смертельно больного царя Петра I.

А. МИХАЛКОВ
Фото автора.

Эта мрачная фигура — добрый бог, который «сотворил человека».

Фото Я. Бочнинина.

На закате в мексиканских поселках далеко слышны звуки маримбы.

Под звон бубенцов танцуют девушки провинции Мичоакан.

В штате Веракрус любят пышные наряды.

Их приглашают всюду, где царит веселье.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ВНИМАНИЕ! ШКОЛЬНИКИ...»

Прозвучал и замер за стенами тысяч и тысяч классов школьный звонок, сидят за партами попраздничному нарядные, торжественно - взволнованные дети,— начался первый урок нового учебного года. Много важных, полезных знаний получат наши дети, расширят свой кругозор, сделают еще один шаг навстречу большой самостоятельной жизни. Но вот вопрос: какими покинут они эти самые классы в конце года — окрепшими, закаленными, бодрыми или уставшими, ослабленными?

— Вопрос этот отнюдь не праздный,— говорили участники июньского заседания Клуба здоровья «Огонька». Вопрос поставлен самой жизнью. Во многих школах все еще не ликвидирована серьезная перегрузка учащихся, нерационально организован отдых детей, особенно во время перемен. Досадными недочетами страдают уроки физкультуры и т. п. Обо всем этом говорили в Клубе здоровья «Огонька», отчет о заседании которого был опубликован в № 23 — «Внимание! Школьники...».

Наш корреспондент беседовал с заместителем министра просвещения РСФСР Любовью Кузьминичной Петровой и попросил ее рассказать читателям о том, какие меры принимаются органами народного образования в этой связи.

— Выступления ученых на заседании Клуба здоровья «Огонька»,— сказала Л. К. Петрова,— в августе были рассмотрены на коллегии Министерства просвещения РСФСР. Мы единодушно признали выступление журнала правильным и своевременным. Министерство серьезно озабочено существенными недочетами в гигиеническом воспитании детей и санитарном состоянии ряда школ. Нас тревожит учебная перегрузка, прежде всего в старших классах,— короче говоря, все то, что может отрицательно сказаться на здоровье учащихся.

Что мы практически предпринимаем? Прежде всего о перегрузке учащихся. Раньше, чем что-либо сокращать в программах, надо точно установить, каким объемом знаний и навыков должен обладать выпускник школы, чтобы он мог успешно работать на современном предприятии или учиться в вузе. Ответить на этот вопрос должна объединенная комиссия двух авторитетных организаций: Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. Понятно, что перегрузки не могут быть ликвидированы лишь уменьшением количества учебных часов (хотя и на это надо будет, вероятно, пойти). Огромные резервы заложены в улучшении самого процесса обучения, в повышении культуры труда и педагогического мастерства сотен тысяч учителей. Министерством разработан план последовательного повышения квалификации педагогических кадров.

Совершенно правы товарищи, которые на заседании Клуба здоровья призывали ввести в первых классах 35-минутные уроки. Мера эта гигиенически вполне оправдана, и Министерство просвещения РСФСР дало указание отделам народного образования.

Вообще опыт убеждает, что здоровье учащихся зависит от деловой совместной работы на местах педагогов и врачей. Сошлюсь на примеры. Есть в Москве школа-интернат № 76, где преподавание тесно увязывается с требованиями гигиены. Удается это потому, что «обе стороны» настойчиво учатся — раз в неделю врачи постигают «секреты» педагогической методики, а раз в неделю учителя приобщаются к «таинствам» медицины. В выигрыше — дети.

На здоровье детей в определенной мере сказываются условия, в которых они занимаются. К сожалению, еще не все школы нашей республики размещены в хороших зданиях, не все школы электрифицированы, имеют совершенное отопление и канализацию. Много школьных помещений нуждается в значительном улучшении гигиенического режима. Для этого тоже надо объединить усилия педагогов, врачей, родителей, местных организаций.

Я предвижу все же вопрос: ну, а Министерство просвещения РСФСР, какова его роль? Нами составлен комплексный план улучшения охраны здоровья учащихся и их гигиенического воспитания. Создан специальный координационный совет по санитарно-гигиеническим вопросам, в котором представлены все управления и отделы министерства. Для изучения конкретных условий и практической помощи школам в Башкирскую АССР, Краснодарский и Хабаровский края, Ивановскую, Курскую, Куйбышевскую, Белгородскую и ряд других областей выезжали комплексные бригады работников министерств просвещения, здравоохранения республики, ЦК Общества Красного Креста РСФСР и республиканского Дома санитарного просвещения. Утверждены новые санитарные правила содержания общеобразовательных школ и школ-интернатов, даны указания об улучшении физического воспитания учащихся.

Мы поддерживаем требование медиков улучшить гигиеническую подготовку будущих учителей. Что касается уже работающих педагогов, то на всех курсах повышения квалификации, всевозможных симпозиумах увеличен удельный вес гигиенических дисциплин.

«НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ»

Так назывался опубликованный в № 25 «Огонька» за этот год фоторепортаж о жуликах, промышлявших в мастерской головных уборов орса Московско-Рязанского отделения железной дороги.

Недавно состоялся суд над преступниками. Б. И. Шнайдерман осужден на 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества. М. А. Гицис приговорен к 4 годам с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима, также с конфискацией имущества. Осуждены и их сообщники.

В фоторепортаже говорилось и о неблаговидной роли начальника Московско-Рязанского отделения Московской железной дороги А. Е. Гнатюка, который покровительствовал деятельности стяжателей, совершал с ними загородные ночные вояжи, не брезговал брать подарки из ворованного меха.

Редакция получила письмо из партийного комитета предприятий железнодорожного, автомобильного и водного транспорта Москвы. В нем, в частности, сказано: «Начальнику Московско-Рязанского отделения железной дороги члену КПСС тов. Гнатюку А. Е. за притупление партийной бдительности, выразившееся в установлении приятельских отношений со случайными людьми, и за недостаточный контроль за работой предприятий орса объявлен выговор с занесением в учетную карточку». Приказом начальника Московской железной дороги А. Е. Гнатюк отстранен от занимаемой должности.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

С СУРОВОЙ И НЕЖНОЙ ЛЮБОВЬЮ

«Из всех воинских званий самым священным было, есть и будет звание бойца Советской Армии» — так начал Вадим Кожевников один из своих рассказов, написанный двадцать лет назад. Именно о них, о солдатах, людях «воинской, строгой и священной профессии», рассказывает почти весь раздел «Дорогами войны», которым открывается книга «Мера твердости». Под маленькими — подчас в полторы-две странички — рассказами стоят даты: 1942, 1943, 1944...

Буквально из огня боев выхвачены эти сюжеты, прямо с передовой шагнули в книгу герои рассказов. И как бы итогом всего, о чем здесь повествуется, звучит концовка рассказа «Я вижу»: «Разве не человек наш украшает землю, наш сказочный, необыкновенный человек!»

Слова эти можно было бы отнести ко всей книге в целом, потому что вся она пронизана любовью к этому — сказочному и необыкновенному — обыкновенному советскому человеку, завоевавшему победу в великой войне, обживающему и покоряющему своей, человеческой воле дикий таежный край, строящему газопровод на Севере и плотину в далеком Асуане. Вот один такой человек стоит на палубе ледокола и смотрит на огни... «Когда он приехал сюда, города не было, а теперь он есть. И в нем живут и трудятся, очень разные люди, и ни один из них не похож на другого. Но все они вместе построили своими руками этот город, завод, шахты, порт. Построили там, где никогда прежде не ступала нога человека. Герои они? Да, герои. Но когда Семынин думал о себе,— ведь он тоже строил этот город! — он чувствовал, что слово «герой» никак не подходит к нему... И сейчас ему было жаль уезжать отсюда, где он стал лучше, чем был, так и не успев заметить, когда и как это произошло».

Высокая мера требовательности к себе, преодоление собственных слабостей, чистота и цельность чувств и помыслов — вот что прежде всего отличает многих и многих героев Вадима Кожевникова. Их нельзя не полюбить той же суровой и нежной любовью, которою дышат страницы этой книги, отразившей жизнь страны, простые и героические будни последних трех десятилетий.

Н. ЦВЕТКОВА

Вадим Кожевников. Мера твердости. Рассказы. «Советский писатель». Москва. 1965.

НЕСПЕШНЫЙ РАЗГОВОР

Вопреки той очевидной истине, что всякую книгу нужно читать с начала, я бы посоветовал тем, кому попадется в руки сборник Владимира Померанцева «Неспешный разговор», начать читать его с середины — с маленькой повести «Оборотень».

...События, участником которых стал молодой юрист, приехавший в глухую сибирскую деревушку Сохатовку расследовать дело о самосудах, поистине трагичны. Вместо того, чтобы собирать факты, следователю пришлось «заняться изучением нравов», и это едва не стоило ему жизни.

Нравы сохатовцев «оказались такими диковинными, что самосудом здесь посчитали бы привлечение к ответу за самосуд». Эти «лесные люди» живут по страшным законам, которые диктует им их же самими придуманная религия, дикая и жестокая. А идет, между прочим, тысяча девятьсот тридцатый год, тринадцатый год Советской власти!.

На первом плане в повести — анализ характеров героев. Особенно глубоко исследован образ Мемченого — «самого виноватого и самого несчастного» человека в Сохатовке, «оборотня».

Написанная емко и сильно, повесть «Оборотень» — яркий рассказ о том, что может сделать с человеком религия, и одновременно ответ на вопрос, что нужно делать с ней самой.

По темам и проблематике к «Оборотню» близко примыкают рассказы цикла «Потехи» и маленькие повести «Проглядела» и «Сложный больной». Их также отличает глубина психологических характеристик, хотя они и менее драматичны. Власть и сила толпы, ослепленной расовой ненавистью, желание легкой жизни и полное отсутствие убеждений, циничная жестокость, прикрываемая вывеской «частной инициативы»,— это все из того же «неотжитого».

Интересно задуман и отлично написан цикл рассказов «Между страстями и долгом». Его герой, маленький мальчик Мишка, выписан очень убедительно, в рассказах много верных и метких наблюдений над жизнью маленького гражданина, много теплоты и искренности.

А теперь вернемся к началу — к четырем рассказам, составляющим цикл «Вокруг истины». К сожалению, они менее удачны и, пожалуй, не нужно было открывать этими рассказами интересный сборник.

Валерий МАКИЕВ

В. Померанцев. Неспешный разговор. Повести и рассказы. «Советский писатель». Москва. 1965.

Вадим Михайлов вырывает победу на самом финише у Рейна Тэлпа (крайний справа).

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Вот и пройдена последняя прямая. Позади сверхмарафонская дистанция — полгода в движении, в борьбе. Да, наши сильнейшие легкоатлеты провели поистине большой сезон. Сколько за плечами соревнований, рекордов, побед! Сколько встреч со знаменитыми на весь мир соперниками и на своих стадионах и за рубежом... Да, сейчас, пожалуй, можно смело утверждать, что наши легкоатлеты не ударили, как говорится, лицом в грязь. Ведь для того, чтобы тягаться на равных с американцами, спокойно побеждать английских и многих других соперников, надо прыгать высоко, метать далеко, бегать... Вот тут-то, дорогой читатель, мы и запнулись на гладком месте. Да, казалось бы, что для побед надо и бегать быстро. Но этого нет, бегать быстро мы еще не научились...

Однако на гладком месте мы споткнулись еще и по другой причине. Ведь все, что написано выше, является строками, уже опубликованными в «Огоньке» четыре года тому назад (см. журнал «Огонек» № 47 за 1961 год. В. Викторов и В. Петрусенко «Почему мы плохо бегаем?»). И все же, здраво взвесив все «за» и «против», я решил начать свой новый репортаж именно с этих слов, которые, несмотря на прошедшие годы, точно отражают положение в нашей сегодняшней легкой атлетике.

Четыре года тому назад, присутствуя на чемпионате страны в Тбилиси, мы решили сосредоточить свое внимание на беговых видах легкой атлетики, входящих в международные программы соревнований. И сейчас, побывав на первенстве СССР в Алма-Ате, опять столкнулись с теми же вопросами: почему нет у нас беговых Брумелей? Почему мы попрежнему плохо бегаем?

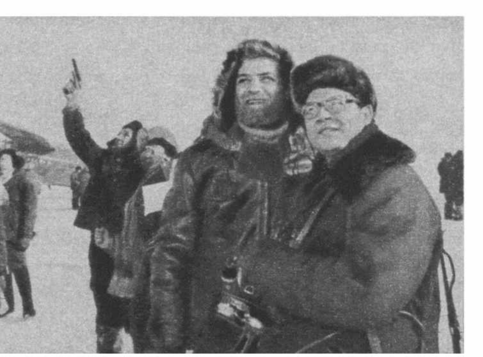
И вот снова, как и четыре года назад в Тбилиси, я ищу ответа на эти вопросы. Ведь бег — это самый важный раздел легкой атлетики: из 24 видов, составляющих программу для мужчин, 13 — беговых.

Произошли ли в беге какие-нибудь перемены за четыре года? Да, произошли. Если четыре года назад внимание тренеров и спортсменов не акцентировалось на неудачах в беге, то теперь на эти неудачи направлено широкое общественное внимание. Старший тренер сборной команды СССР Г. Коробков в своей статье, напечатанной в № 40 журнала «Огонек», главное внимание уделил причинам отставания в беге. Этим пристальным интересом к бегу отличалось и нынешнее первенство страны в Алма-Ате.

Достаточно было перелистать программу чемпионата, чтобы убедиться в этом. Первенство открылось сразу же финалом одного из интереснейших видов бега — на дистанцию 100 метров,— и тема бега очень умело была проведена через все четыре дня соревнования мужчин. Так, на второй день чемпионата были включены подряд четыре беговых финала, один интереснее другого, и завершилось первенство эстафетным бегом 4 × 400 метров.

А алма-атинская дорожка! Сколько внимания, сколько усилий было вложено в нее! Хозяева стадиона с помощью федерации легкой атлетики СССР сделали все, чтобы спортсмены получили

Кадры из фильма «Над нами Южный Крест».

ЮНЫМ РОМАНТИКАМ

Эта новая картина Киевской студии имени А. П. Довженко имеет свой точный адрес: мир юных романтиков. Снималась она в разных, бесконечно далеких друг от друга местах — на берегу Черного моря и в Воркуте, на острове Диксон и в Антарктиде. Эта широчайшая география как бы охватила жизнь и мечтания главного героя фильма — старого полярного летчика Павла Ивановича Федосеенко.

Популярный мастер кино народный артист СССР Борис Андреев выразительно и просто играет роль этого бывалого человека, у которого может постареть сердце, но не станет старше от тяжести годов юношески взволнованная мечта.

Двое мальчишек, голубятник Федька Бойко (Саша Барсов) и серьезный «очкарик» Володька Сазонов (Андрей Веселовский), живут в одном городе с летчиком-ветераном. Конечно, находят друг друга романтики двух поколений, крепко дружат. Ребята приходят каждый день к больному, и с каждым днем все больше завладевает ими романтика дальних странствий, открытий, борьбы с суровостью необжитых просторов.

Во многих местах побывал за долгую свою жизнь Павел Иванович. Но вот в Антарктиде не привелось ему быть!

Умирает старый летчик. Но взволнованное сердце странника дальних дорог словно продолжает биться. Бьется оно в груди мальчишек, ставших взрослыми. Они встречаются в Антарктиде, куда пришли советские люди во имя науки.

Фильм «Над нами Южный Крест» создан молодыми кинематографистами. Авторы сценария — Игорь Болгарин и Сергей Наумов. Режиссеры-постановщики — Игорь Болгарин и Вадим Ильенко. Операторы — Вадим Ильенко и Юрий Разумов.

Юная киноаудитория, да и взрослые тоже, с интересом посмотрят новый фильм о романтиках.

БОРОДАТАЯ ДЕВУШКА

Фельетон

Девушка, вчерашний подросток, поступила в колледж и уехала туда учиться. На летние каникулы она вернулась домой с... бородой. Не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. Нежный овал девичьего лица оттеняла пижонская бородка.

Смешно? Пожалуй, нет. Правдоподобно? Едва ли.

Другой случай с той же девушкой. В три часа ночи ее отца разбудил телефон. Дочь звонила из полиции, просила отца приехать за ней и внести деньги, чтобы ее отпустили под залог.

Смешно? Нет. Правдоподобно? Вполне, если учесть, что дело происходит в Соединенных Штатах, где власти не брезгуют подрабатать и на аресте.

Оба эти случая, поданные в юмористическом плане, мы взяли из статьи, опубликованной в журнале «Ридерс дайджест» (тираж 26 миллионов, издается на 14 языках). В чем же дело? К чему такая шумная популяризация столь низкосортного юмора?

А ларчик открывается просто. В статейке как бы между прочим, со

беговой круг самого лучшего качества.

Но дорожка дорожкой, а главные перемены в беге, происшедшие за эти четыре года, вызваны, конечно, повышением мастерства тренеров и их питомцев. Из 13 финалов бега, разыгранных на алма-атинской дорожке, только в двух (барьерный бег на 110 метров и марафон) результаты оказались худшими, чем четыре года назад в Тбилиси. А на дистанции 400 метров с барьерами был установлен новый всесоюзный рекорд высокого класса.

Но кто оказался автором этого результата, который является лучшим в сезоне 1965 года во всем мире? Василий Анисимов, победитель в беге на 400 метров с барьерами на чемпионате страны 1961 года. Кто оспаривал золотые медали в беге на 100 метров? Эдвин Озолин и Николай Политико — призеры чемпионата страны 1961 года в Тбилиси. В Алма-Ате они лишь поменялись местами: Политико получил золотую медаль, а Озолин — бронзовую. Все тот же Вадим Архипчук завоевал первенство на 400 метров. Все тот же Анатолий Михайлов был первым в беге на 110 метров, и все тот же Петр Болотников с присущим ему блеском вел борьбу за первое место в беге на 5 и 10 тысяч метров. Правда, на сей раз ему не удалось дважды подняться на высшую ступень пьедестала почета, как четыре года назад, но разве второе и третье места не огромный успех для нашего славного ветерана?

Как медленно, с каким скрипом растет спортивная молодежь! И как это тревожно теперь, когда формируется новая олимпийская команда для выступления на XIX играх в Мехико! И вот еще одна примечательная деталь нынешнего чемпионата страны: главное внимание тренерского совета сборной команды СССР было обращено на сей раз не на победителей и часто даже не на призеров, а на тех, кто стоял за ними,— на молодых бегунов, хоть как-то проявивших себя в борьбе. В Тбилиси такого интереса к молодежи мы не наблюдали, а в Алма-Ате после окончания текущего дня чемпионата тренерский совет тут же собирался под трибунами и тщательно обсуждал возможности каждого претендента на место в сборной команде страны...

Но как мало оказывалось таких претендентов! Тренер сборной команды по спринту Леонид Бартенев, значительно повысивший класс своих питомцев, создавший эстафетную команду, не раз побеждавшую американцев, не обнаружил, например, ни одного молодого спринтера, который был бы ему неизвестен! Тренер сборной команды по барьерному бегу Петр Буланчик с трудом отобрал несколько человек, а Владимир Куц, тренирующий средневиков и стайеров, не нашел на алма-атинской дорожке ни одного бегуна, который имел бы шансы стать наследником Петра Болотникова и Леонида Иванова.

Ведущим тренерам не хватает способных учеников, и что же в этом удивительного, если легкая атлетика и прежде всего бег попрежнему не получают широкого развития в школе. Бегом надо начинать заниматься с 12—14 лет и особенно в спринте, а из четырех лучших наших бегунов на короткую дистанцию, образующих эстафетную команду, только один Озолин вышел на беговую дорожку в 12 лет. Николай Политико стал увлекаться спринтом, когда ему было больше 20 лет, Амин Туяков — в 18, а Борис Савчук — в семнадцать. Что же в таком случае можно ждать от бегунов, выступающих на средних дистанциях, если эти дистанции до последнего времени почти не культивировались среди школьников?

На стадионе в Алма-Ате мы встретились на трибуне с тренерами, с которыми еще беседовали в Тбилиси. Увы, по их утверждению, за это время в школьной легкой атлетике никаких перемен не произошло. В. Атаманов, тренер Эдвина Озолина, так и заявил нам, что в ленинградских школах перемен к лучшему нет. По-прежнему городской отдел народного образования не интересуется работой преподавателей физического воспитания, повышением их квалификации. А ведь в Ленинграде с легкой атлетикой в школе дело обстоит значительно лучше, чем в других городах! Ф. Суслов, готовящий бегунов на 800 и 1 500 метров, также признал, что на этих дистанциях не произошло каких-либо сдвигов к лучшему. И здесь уже дело не только в подготовке молодежи, но и в уровне ведущих наших спортсменов. Достаточно сказать, что в беге на 1 500 метров всесоюзный рекорд за эти четыре года был улучшен всего на одну десятую секунды.

Что же происходило в беге на средние дистанции на чемпионате страны в Алма-Ате? Финалы бега на 800 и 1 500 метров выдвинули новые имена. Но на первой дистанции победу одержал 28-летний инженер из Ленинграда Вадим Михайлов, проявивший огромное волевое упорство и победивший на самом финише одного из самых многообещающих молодых бегунов, Рейна Тэлпа, а на второй дистанции победу одержал 20-летний ленинградец, ученик известного бегуна и тренера Ивана Пожидаева Олег Райко. Но увы, результаты, показанные победителями, и тактика бега, которую они продемонстрировали, не многим отличаются от того, что мы видели и четыре года тому назад в Тбилиси, и после этого в Ташкенте, и в прошлом году в Киеве. Утешаться надо лишь одним: наконец-то выходят на первые рубежи такие подающие надежды бегуны, как Тэлп и Райко. Будем же надеяться, что вместе с известными уже бегунами — Валерием Булышевым, Василием Савинковым и другими — они добьются наконец перелома.

Очень интересно было наблюдать за тем, как развивались события в борьбе сильнейших стайеров страны. На дистанции 5 тысяч метров смело взял на себя роль лидера Анатолий Безделов, на дистанции 10 тысяч метров смело боролся с лучшими бегунами молодой Л. Микитенко. Но пока Леонид Иванов не имеет своей «тени», бегуна, который на равных вел бы с ним борьбу, как в свое время вел эту борьбу с Куцем Петр Болотников.

И, наконец, Вячеслав Скоморохов! Главная сенсация алма-атинского чемпионата. Он занял второе место в беге на 110 метров с барьерами за Анатолием Михайловым и завоевал золотую медаль в барьерном беге на 200 метров (этот бег не входит в международную программу, но регулярно разыгрывается на чемпионатах страны).

По утверждению знатоков, Вячеслав Скоморохов скоро будет представлять главную угрозу Василию Анисимову на дистанции 400 метров с барьерами.

Кто же он, этот бегун? Откуда он появился? Ведь лишь в прошлом году мы впервые услышали о нем. Ему 25 лет. Он начал заниматься бегом у школьного учителя Всеволода Игнатьевича Бробаренко. В 1959 году пробежал 110 метров с барьерами за 18 секунд, через два года выполнил норму мастера спорта (14,3 секунды), а затем установил рекорд Украины — 13,9 секунды.

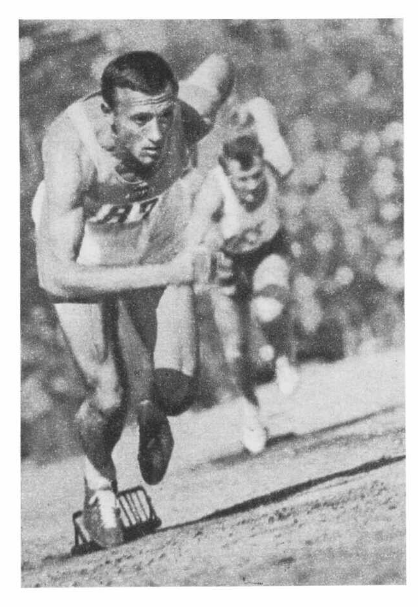
Вот сухая справка, но сколько таится за этими скупыми цифрами! Повезло способному пареньку: попал он в школе в заботливые руки. Сумел скромный учитель проявить способности своего питомца, закалить его волю, научить его большому, упорному труду. И вот Петр Буланчик, в свое время сильнейший барьерист страны, получил в руки ученика, который всего за один год работы с ним встал в строй сильнейших барьеристов. Сколько же такой способной, талантливой молодежи не доходит до большого спорта, потому что не встречает на своем пути заботливых и умелых преподавателей!

Бегуны должны выходить на старты в школьные годы, именно тогда, а не позже — вот главный вывод, который можно сделать после алма-атинского чемпионата. Как можно больше способной молодежи надо привлекать к такому замечательному спорту, как бег, и только тогда во всех 13 видах беговой программы наступят наконец долгожданные сдвиги.

По поводу числа «13» мнения расходятся. Одни считают это число несчастливым, другие уверены, что оно приносит счастье. Но ясно одно: в спорте удачу, счастье приносит лишь упорный труд, настойчивая тренировка. Начинаться этот труд должен на школьных стадионах, и тогда у нас появятся беговые Брумели и не придется задавать каждый раз все тот же сакраментальный вопрос: почему мы плохо бегаем?

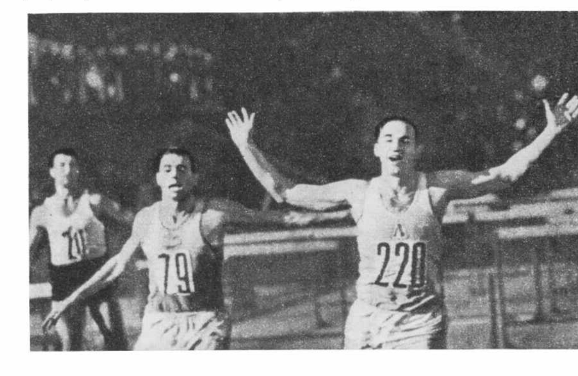

Молодой чемпион СССР на дистанции 1 500 метров — Олег Райко.

Василий Анисимов — чемпион страны в беге на 400 метров с барьерами.

Анатолий Михайлов (справа) и Вячеслав Скоморохов на финише барьерного бега на 110 метров.

смешком сообщается, что девушка отпустила бороду в знак протеста: она выступает против атомной бомбы. И в полицию она попала за участие в демонстрации против ядерных испытаний. Вот и пришлось папаше за свои кровные денежки выручать из беды несмышленыша.

Историю эту журнал подгадал, как говорится, ко времени. Вот уже несколько месяцев по всей Америке проходят студенческие выступления против агрессивной внешней политики США, против войны во Вьетнаме. Новая волна таких массовых демонстраций прокатилась по всей стране буквально на днях, в середине октября. Властям не удается сломить молодежь силой. Почему бы в таком случае не попробовать высмеять непокорных юнцов! Ведь говорят, что смех порой убивает.

Но журнал не ограничивается тем, что подводит сатирическую мину под студенческое движение. Он коварно взывает к добрым юным сердцам: «Пожалейте ваших родителей!»

«Американская молодежь,— говорится в статейке,— устраивает сидячие забастовки у Белого дома в поддержку американских негров и вьетнамских крестьян. Молодежь выступает за Фиделя Кастро и отдает лучшие годы своей жизни несчастным в Африке и Латинской Америке. А в Калифорнийском университете студенты выступают даже в защиту своих прав. И есть только одна побитая собака, которой молодежь не симпатизирует,— это американский родитель».

Вот как ловко повернули! На лучшие чувства давят, на жалость к отцу и матери. Не случайно на страницы журнала попала не только бородатая девушка, но и ее отец. Кстати, фамилия их Джаспер. В семье еще двое сыновей-студентов. Журнал сообщает, что за обучение всех троих мистеру Джасперу приходится ежегодно платить 13 тысяч долларов (!). Эта цифра дает основание журналу упрекнуть юных Джасперов в черной неблагодарности по отношению к отцу, который в поте лица своего зарабатывает такие огромные деньги на их обучение. Он, видите ли, работает на них, а они, неблагодарные, в каких-то там студенческих беспорядках участвуют! И мало этого. Они еще уговаривают отца присоединиться к их движению, внести деньги в фонд борьбы против ядерного оружия. Вот какие бессовестные дети! Такое их поведение дает журналу повод посочувствовать американским родителям: «Год за годом этих бедняг обманывают, делают из них посмешище, мучают их и относятся к ним с традиционным презрением».

А вот и примеры, которые должны доказать приведенное выше положение: «Сыновья объявили старшим Джасперам, что те духовно мертвы. «Посмотрите на себя,— сказали они родителям,— вы никогда не читаете книг, вы только сидите часами у телевизора. Вы пережиток умирающего общества». Один из сыновей говорит, что он хочет жить в лучшем мире, чем его отец. А сейчас, продолжает юноша, американское общество представляет собой «крысиные гонки», и даже если ты выиграешь их, то все равно останешься крысой».

Журнал осуждает молодых Джасперов, пытается высмеять их, но зато с явным одобрением цитирует их отца: «Я лучше заработаю еще одну язву желудка, но увеличу свою страховку». Вот идеал «крысиных гонок»! Недаром эти слова старшего Джаспера заключают всю статью. Журнал предлагает молодым верную цель: копи деньги на страховку! Вот вам и панацея от всех бед. Вот вам и разрешение всех волнующих молодежь Америки проблем.

В. НИКОЛАЕВ

Маршал Советского Союза С. М. Буденный и писатель Евгений Петров на борту лидера «Ташкент». 1942 год.

Фото А. Межуева.

НЕУЛОВИМЫЙ

Уходим из Новороссийска. В радиорубке скрипит, мигает контрольной лампочкой морзянка. Ростислав Лукин, начальник рации танкера «Будапешт», передает радиограмму.

Слава отрывается от ключа и подает капитану Николаю Александровичу Батанову очередную радиограмму. Славе двадцать пять лет. Капитану Батанову тридцать пять. Большинству из команды от восемнадцати до двадцати. Совсем молодые люди.

Сейчас сделаем поворот от Суджукской косы в открытое море к берегам Крыма, а я спущусь в каюту и еще раз посмотрю на фотографии, которым тоже двадцать с небольшим лет. Они были сняты на борту лидера «Ташкент» 26 июня 1942 года — это последний рейс корабля в осажденный Севастополь. Он шел тем же курсом, что и мы, и его вели такие же черноморские моряки, только на двадцать лет старше.

«Ташкент» должен был с боями прорваться в Севастополь. Бои неминуемы, потому что на любом курсе маленький корабль был бы все равно обнаружен. Так оно и случилось. Стремительный выход из Цемесской бухты. Поворот от Суджукской косы. Длинная, постепенно исчезающая полоска кавказского берега. В небе появляется вражеский разведчик. А через час — тринадцать «хейнкелей».

Немцы бомбили точно. Но всякий раз командир корабля В. Н. Ерошенко опережал врага — отворачивал, маневрировал.

Бой продолжался три часа. С наступлением сумерек воздушные атаки прекратились. Но все ждали торпедных. И на траверзе Балаклавы корабль стремительно вышел

ШАЛЯПИН В УТЕШНОМ

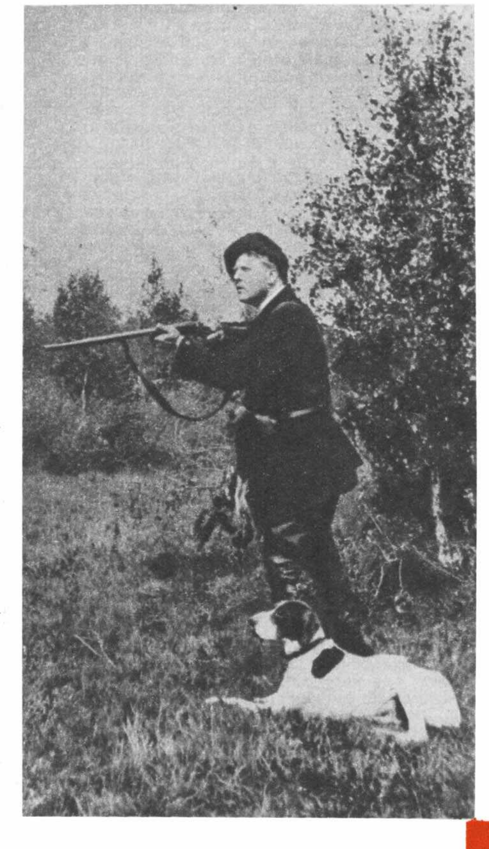
Эти снимки, на которых запечатлен Ф. И. Шаляпин, хранятся в Харькове у Нины Мефодиевны Кузнецовой. По ее словам, Федор Иванович снят на Волге, в усадьбе Утешное, в августе 1910 года. Как же попали снимки певца к Н. М. Кузнецовой?

Однажды летом мать Нины Мефодиевны, Ксения Александровна Шулепникова, познакомилась на волжском пароходе с Ф. И. Шаляпиным, который пообещал приехать на следующий год в Утешное. Певец исполнил обещание. В Утешном он часто ходил на охоту, вместе с крестьянами работал на сенокосе, пел им русские народные песни.

В те дни и сфотографировал Ф. И. Шаляпина отец Нины Мефодиевны, М. И. Кузнецов.

В. ГИТЕЛЬМАХЕР,
филолог

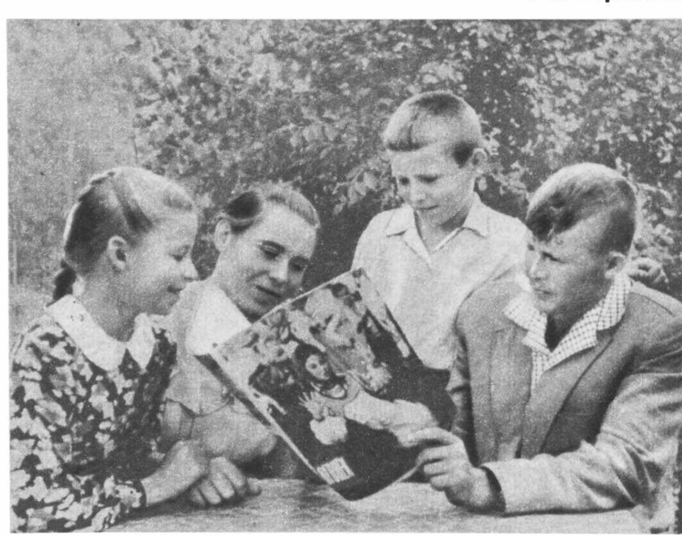
Харьков.

ИВАНКУ—ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ..

Семья И. И. Лапы. Фото Б. Борисова.

СТО КНИЖЕК-МАЛЮТОК

В Будапеште у директора университетской типографии Юлиуса Янко имеется интересная библиотека: она помещается в одной коробке. Здесь собрано более ста книг на разных языках мира. Самая дорогая для собирателя книга — миниатюрный томик М. Горького, где напечатаны «Песня о буревестнике» и «Песня о соколе».

Книга размером 34 × 46 мм напечатана черным и красным шрифтами, переплетена в зеленую кожу. В ней 52 страницы, ее тираж — 100 экземпляров.

Ю. СТРИГУНОВ

Ленинград.

из-под торпедного удара. Потом были минные поля.

Ночной Севастополь. Камышовая бухта. Молниеносная двухчасовая разгрузка и погрузка. Ерошенко взял на борт свыше двух тысяч человек: раненых, женщин, детей, стариков. За время короткой летней ночи нужно было как можно дальше пройти назад к Новороссийску, так как рассвет означал снова бои.

Теперь враг бросил против лидера уже не одну, а несколько стай самолетов-пикировщиков.

«Ташкент» маневрировал, стараясь в то же время продвигаться к Новороссийску. Было сбито два вражеских самолета. Но и корабль уже получил несколько пробоин от близких разрывов. Вода стала заливать трюмы. «Ташкент» постепенно терял ход. Но пришла помощь. Над раненым кораблем закружились «ястребки», вылетевшие с далеких кавказских аэродромов. Они отогнали «юнкерсы». К лидеру подошли наши торпедные катера, и пассажиров перегрузили на подошедшие спасательные суда.

«Ташкент» вошел в Цемесскую бухту и встал на свое обычное место.

Это была последняя стоянка лидера. Через несколько дней его разбомбили у причала немецкие «юнкерсы».

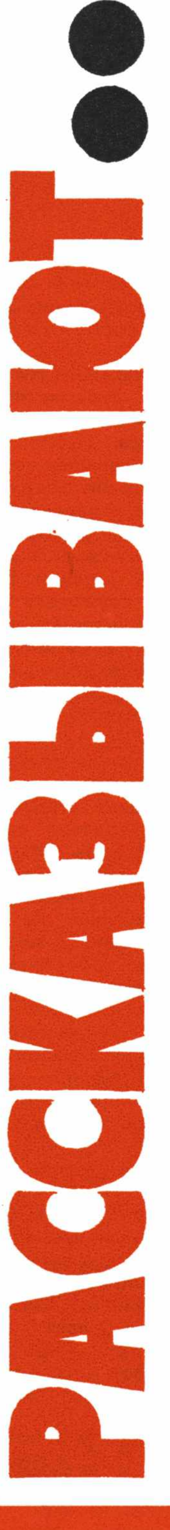
Враги звали его «неуловимый», этот «длинный голубоватый корабль»,— так писал о нем в последнем, неоконченном очерке писатель Евгений Петров. Он тоже ходил на лидере в тот последний рейс корабля под Севастополь.

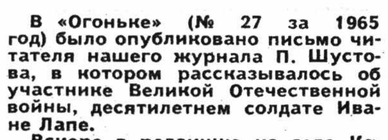
Время неумолимо. От корабля остался только колокол. Он стоит на высокой подставке в Новороссийском городском музее, холодный желтоватый кусок металла, к которому прикасались многие и многие руки, иные из них навсегда остыли. Металл переживает людей.

После войны стальные плиты корабля прорезал синий огонь автогена. И для него началась новая жизнь. Кто знает, где сейчас, в каких машинах, кораблях, деталях живет сталь лидера!

Начинаем новый мирный рейс. Лаг отсчитывает мили. Их будет много. И моряки пройдут их, чтобы снова вернуться к этим берегам, сделать поворот от Суджукской косы, увидеть город и бухту, постоять в тихом молчании у новороссийских курантов на могиле героев, поставить чемодан в гостинице «Черноморская» у столика администратора — и снова (в который раз!) приметить в вестибюле, на третьей ступеньке, выложенное кем-то из камня светлое слово «мир».

А. РЯБИКИН

В «Огоньке» (№ 27 за 1965 год) было опубликовано письмо читателя нашего журнала П. Шустова, в котором рассказывалось об участнике Великой Отечественной войны, десятилетнем солдате Иване Лапе.

Вскоре в редакцию из села Котельва, Полтавской области, пришло письмо. Авторы его, П. Крячко и В. Котляр, сообщили: «Жив Иванка! Сейчас Иванку — тридцать шесть!» Работает он шофером райобъединения «Сельхозтехники». Вот как это обнаружилось...

«В летнем кинотеатре шло собрание шоферов Котелевского района,— пишут авторы письма.— Обсуждали неотложные дела... Неожиданно слово взял первый секретарь райкома партии Н. А. Дубина. В его руках был свежий номер «Огонька».

— Письмо тут напечатано,— сказал он.— Называется «Солдату было десять...» Я его вам прочитаю. Тут и фото есть. Крайний слева — котелевец Иван Лапа. Говорят, он тут, среди нас...

Притих зал. И вдруг все, словно по команде, обернулись к одному человеку. Лица его не было видно: он спрятал его в своих больших, жестких ладонях. Негоже солдату показывать слезы людям, если они набежали даже от радости...

Отнял шофер ладони от лица и поднялся.

— Иван Иванович Лапа,— отрекомендовался собранию он так же, как в 1943-м лейтенанту Шустову.

Раздались аплодисменты... А тут еще управляющий «Сельхозтехники» С. Е. Збинский сообщил, что занял Иван Иванович первое место среди водителей райобъединения...

А вечером его окружили друзья. Пришлось рассказывать, как попал на фронт, как воевал...

— Медаль «За отвагу» за что получил? — интересовался кто-то.

— У Шустова описан тот эпизод. Только, по-моему, неточно,— говорит Иван Иванович.— Когда я сообщил, где спрятались фашисты, то наши бойцы вытащили двенадцать человек, а не три.

После демобилизации вернулся домой, в родную Котельву. Учился на штукатура, потом — на шофера. Работал в Донбассе и там встретил девушку, которую ввел в дом хозяйкой. Дети растут. Раиса — пятиклассница, Сережа — в четвертом. Самому отцу сейчас тридцать шесть лет. Никому он не рассказывал о своих боевых делах, разве что сыну иногда. И то больше не о себе, а о Павле Ивановиче...

ИСТОРИЯ ОДНОГО АВТОГРАФА

У Лидии Васильевны Карбышевой хранится фотография ее мужа — Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева. На фотографии надпись: «На память Сергею. Д. Карбышев 22. XI-14 VII форт».

Кто же этот Сергей, которому принадлежит дарственный автограф?

Летом 1914 года на румынский фронт отправился генерал ветслужбы Сергей Васильевич Ваганов. Через некоторое время по служебным делам он заехал на несколько дней в Брест. Здесь С. В. Ваганов познакомился с молодым комендантом VII форта капитаном Д. Карбышевым. Они подружились. Очевидно, причиной тому были одинаковые политические взгляды.

Еще в студенческие годы С. В. Ваганов был членом одного из подпольных кружков на Украине, за что был арестован как «вольнодумец». Встреча с единомышленником всегда приятна. Сергей Васильевич Ваганов и Дмитрий Михайлович Карбышев видели несправедливость русского царизма, переживали как личную трагедию расправу над участниками революции 1905 года, прекрасно понимали антинародную сущность мировой войны. Они верили, что час возмездия наступит.

В день отъезда из Бреста 62-летний генерал пришел проститься с комендантом форта. На прощание Д. М. Карбышев достал свою фотокарточку и, оставив на ней свой автограф, вручил С. В. Ваганову.

Революция 1917 года застала их в разных местах. Больше они не встречались. Сергей Васильевич Ваганов умер в 1932 году. Как погиб генерал Д. М. Карбышев, знает каждый. Если бы он был жив, сейчас ему исполнилось бы 85 лет.

Б. НЯЙКО,
студент МГУ

ГДЕ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА?

В течение трех лет собираю я материал о жизни и деятельности забытого русского художника-просветителя С. Н. Уварова.

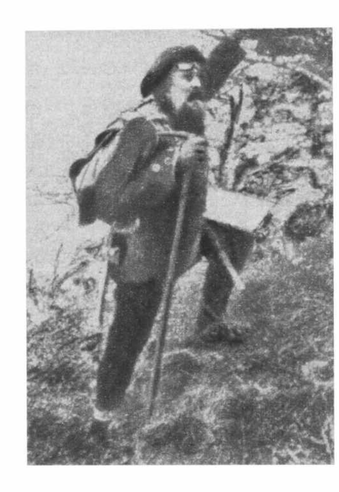
С. Н. Уваров родился в 1849 году в Москве в семье рабочего. Учился в школе, затем в ремесленном училище; работал в вагонных мастерских Московско-Казанской железной дороги. Примерно год занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но в 1867 году был исключен: не смог уплатить за учебу. Недолго был учеником у одного художника (предполагают, что у Крамского, который пытался устроить его в Петербургскую академию художеств).

На протяжении 50 лет Уваров занимался просветительской деятельностью среди крестьян. Он обошел Европейскую и Азиатскую Россию, Кавказ и Крым, в селах и деревнях устраивал передвижные выставки своих картин, написанных в этих же переходах. В городах читал лекции: «Красота и искусство и их воспитательное значение в народе». Уварова хорошо знал известный художник В. Е. Маковский, выставивший его портрет на выставке в Петербурге. Я нашел статью современника Уварова, где говорится, что за развитие эстетического вкуса в народе художник имел награды, что «огромное количество газет свидетельствует о его выставках и лекциях».

К сожалению, мне не удалось разыскать картины Уварова, но они где-то есть. Несомненно, живы и люди, знавшие его. Надеюсь, что они откликнутся.

На снимке: С. Н. Уваров.

В. ПРИПУТНЕВ

ВАЛЯ С ОСТРОВА КОЛГУЕВ

Есть на далеком острове Колгуев, в Баренцовом море, поселок оленеводов Бугрино. В этом поселке в семье Ледковых родилась дочь. Назвали ее Валентиной — в честь первой космонавтки Валентины Терешковой.

Р. БАТМАНОВА,
врач

Нарьян-Мар.

ЛАС-ВЕГАССКАЯ КАРУСЕЛЬ

Игорные залы не имеют окон, их заливают ярким светом лампы дневного света: посетители не должны ощущать смены дня и ночи, ибо это может отвлечь их от игры.

Лас-Вегас... Об этом американском городе — мировой столице азарта, оставившей далеко позади своих европейских собратьев Монако и Ниццу, сложены легенды. Мощная рекламная машина, обильно смазанная многомиллионными долларовыми субсидиями, на всех континентах славит прелести лас-вегасских отелей. Не счесть чудесных сказок о «счастливцах», которые приезжали сюда нищими, а пройдя сквозь чистилища местных казино, становились обладателями толстых чековых книжек.

Впрочем, «чудес» в Лас-Вегасе и впрямь немало. В небольшом по площади городе 288 игорных заведений. 289-е функционирует в городской тюрьме. Ее директор уверяет, что игра в рулетку и блэк-джек — самый прогрессивный метод перевоспитания грабителей и убийц. Скольких преступников вернула к честной жизни рулетка, директор-новатор почему-то не сообщает. Зато судебная статистика недвусмысленно отвечает на другой вопрос: Лас-Вегас бьет все американские рекорды по цифрам преступности.

Нуждам промышленности азарта и обслуживающих ее смежных отраслей подчинена вся жизнь Лас-Вегаса. На людных перекрестках, в магазинах, кинотеатрах, аптеках поблескивают никелем слот-машины. Это уже элемент настоящей игорной индустрии. Слот — отверстие в игорной машине-автомате. В него бросается монетка, после чего нажатием рычага игрок испытывает счастье. Иногда, очень редко, машина выбрасывает выигрыш, но чаще всего монета не возвращается. А ведь Лас-Вегас пропускает за год до 12 миллионов человек! Если каждый оставит слот-машине по доллару, то уже составится золотая груда.

Опустошать карманы гостей столицы империи рулетки помогает и поставленная на широкую ногу индустрия секса. Публичных домов здесь не меньше, чем игорных. Местный закон предусматривает лишь одно ограничение: рынки секса должны размещаться в радиусе не меньше чем 400 метров от школ и церквей. Недавно лас-вегасские служители культа заявили протест властям по поводу явного нарушения этого закона. Реакция была довольно быстрой: перенесли... школу, неподалеку от стен которой вырос публичный дом!..

Но все же главная достопримечательность Лас-Вегаса в другом: этот действительно необычный город целиком является собственностью... гангстеров. Американские журналисты Эд Рейд и Овид Демарис посвятили несколько лет изучению «джунглей» Лас-Вегаса. В результате появился настоящий путеводитель по лабиринтам американского преступного мира, тысячами нитей связанного с самыми высокими государственно-монополистическими сферами. Журнал «Сатердей ревью» так суммировал свои впечатления: «Остается удивляться, что оба автора еще живы».

О чем же рассказали Рейд и Демарис?

До 1945 года Лас-Вегас был захолустным провинциальным городком. Начало его золотого века связано с «пришествием» некоего Бенджамина Сигеля по кличке Багси. Свою карьеру этот ас преступного мира с внешностью киногероя начинал в Нью-Йорке, где основал «синдикат убийц». Со временем он стал членом большого совета американской гангстерской империи «Коза ностра».

Оказавшись в 40-х годах в Лас-Вегасе по каким-то своим бандитским делам, Сигель заинтересовался местными игорными домами. Это были мелкие, «кустарные» предприятия, почти неизвестные за пределами штата. Красавчик Багси смекнул, что здесь можно сделать отличный бизнес, если поставить дело на широкую ногу. Ведь в штате Невада закон официально разрешает азартные игры.

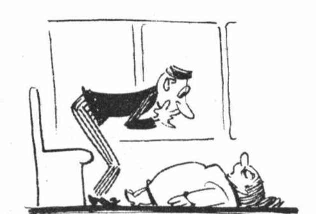
Заручившись согласием коллег по «Коза ностра», Багси взялся за работу. Миллион долларов из своих средств и 3 миллиона долларов, одолженных им у ряда виднейших американских гангстеров, он вложил в строительство самого шикарного в мире казино с гостиницей, ночным клубом, баром, бассейном и экзотическим садом. Весь этот комплекс получил лирическое название «Фламинго».

Увидев, что предприятие Сигеля начало приносить огромные прибыли, и другие решили «строиться» в Лас-Вегасе. Но появление соперников не входило в планы лас-вегасского «колумба», каковым считал себя Сигель. Используя местные связи, он стал чинить препятствия вчерашним друзьям.

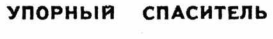
Для решения судьбы строптивого собрата собрался большой совет «Коза ностра». Бандиты потребовали, чтобы Багси немедленно вернул долг. Наличности у Сигеля не оказалось, и через несколько недель его нашли мертвым в собственном кабинете.

Для принятия дел осиротевшего «Фламинго» гангстеры выделили из своей среды известного чикагского бандита Гэса Гринбаума. Подобно Багси, он всю жизнь занимался самым банальным бандитизмом: грабил, насиловал, убивал. Теперь, на склоне жизни, он с удовольствием занялся «административной» работой. При нем казино продолжало процветать, и никто не удивился, когда Гэса «избрали» мэром района, где высились ультрасовременные здания казино. Их к этому времени в Лас-Вегасе расплодилось хоть пруд пруди. Один за другим в небо вздымались небоскребы казино-

ЗАБАВНЫЕ

УПОРНЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Механик автомобильной фабрики в Париже Этьен Легард заметил в Сене барахтающегося человека. Недолго думая, Этьен прыгнул в воду и начал тащить утопающего на берег. А так как тот отчаянно сопротивлялся, пришлось его нокаутировать. На берегу выяснилось, что спасенный не самоубийца, а служащий зоологического отделения Парижского университета. Он искал в воде особую разновидность раков.

ОПАСНЫЕ ПЛАТЬЯ

Известный парижский модельер Мишель Телин удивил мир и своих коллег, выпустив сорок новых моделей «самых дорогих платьев». Так, вместе с парижскими ювелирами Ван Клифом и Опрелом он изготовил вечернее платье из зеленого шелка, на которое нашил жемчугов и бриллиантов на сумму 15 миллионов франков.

Во время работы портных охраняло несколько полицейских. Кордоном сыщиков была окружена и манекенщица Мария Арно, которая в течение десяти минут демонстрировала это сверхплатье. Газеты задают вопросы: кто купит это платье?

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ СТОРОЖ

Английский город Бирмингем может гордиться самым добросовестным сторожем своего городского парка. Кенет Ален каждый вечер звонком извещает посетителей о закрытии сада, после чего старательно запирает ворота «Лайтвуд-парка» — их четыре. При этом ему нисколько не мешает тот факт, что у парка нет никакой ограды.

КОРОТКО И В СОВРЕМЕННОМ ДУХЕ

Одна нью-йоркская газета объявила конкурс на самый короткий рассказ на современную тему. Первую премию получил автор таких строк: «В автобусе один молодой человек уступил место старушке. От удивления та упала в обморок. Придя в себя, она поблагодарила юношу. Тогда тот потерял сознание».

ПОЗЕЛЕНЕВШИЕ БЛОНДИНКИ

Большое волнение охватило блондинок городка Пренсвиля в штате Орегон (США), когда они вдруг обнаружили, что их волосы позеленели. Как выяснилось, такая метаморфоза наступила от действия дезинфицирующего средства, растворенного в воде городского купального бассейна.

отелей «Тропикана», «Ривьера», «Хижина пустыни» и многих других. Их владельцами были гангстерские семейства из Чикаго, Нью-Йорка, Буффало, Детройта. Постепенно их представители прибрали к рукам весь город. В конце своей книги Рейд и Демарис публикуют полный список всех лас-вегасских казино с указанием имен их крупнейших пайщиков. Этот список с полным основанием может служить справочником «Кто есть кто?» американской империи убийств.

Ну, а как же власти штата, полиция, наконец, официальный Вашингтон? Куда смотрят они? В основном в карманы гангстеров. Рейд и Демарис приводят случаи потрясающей политической коррупции, которые объясняют тот, казалось бы, невероятный факт, что акционеры-преступники по сей день хозяйничают в грязном бизнесе Лас-Вегаса.

«Пионером» на ниве политической коррупции в Неваде был небезызвестный сенатор Пат Маккарэн. Тот самый, что состряпал закон, под флагом которого американская реакция до сих пор преследует все прогрессивное в Соединенных Штатах. Это о нем владелец игорных домов Норман Билтц говорил с нескрываемым восхищением: «Он самый великий сенатор, какого когда-либо имела Невада». С легкой руки Билтца «великий» сделался акционером крупнейшего лас-вегасского казино «Сандебэд-отель». Вместе с ним пайщиком этого храма азарта стал вице-губернатор штата Клиффорд Джонс. Не обошли своим вниманием гангстеры и губернатора Гранта Сойера. Для него всегда широко открыты двери казино-отелей, в которых губернатор не прочь поразвлечься. И кроме того, он, как «отец штата», никогда не забывает, что налоги с игорного бизнеса — основной источник пополнения местной казны. «Для нас всех это просто индустрия,— с деланным простодушием заявил он,— отличная от всех других лишь своим технологическим процессом».

За маккарэнами, джонсами, сойерами бандиты чувствуют себя, как за каменной стеной. Когда комиссия сенатора Кефовера, занимавшаяся расследованием «организованной преступности», представила в сенат список тех, кто заправляет игорным бизнесом, Маккарэн приложил все усилия, чтобы сорвать обсуждение этого вопроса. Его союзником в этом был... Барри Голдуотер.

Да, семейство Голдуотеров тесно связано с преступным миром, хозяйничающим в Лас-Вегасе. Брат бывшего сенатора Роберт — с давних пор завсегдатай лас-вегасских казино, обладатель «золотой карточки», которую вручают самым почетным клиентам. Да и сам Барри охотно посещал злачные места города-притона. Благо, что управляющим «Фламинго», где он обычно останавливался, был его старый приятель Гэс Гринбаум. Этот идиллический «роман» прервался, когда Гэса прикончили его дружки. За гробом покойного бандита, начинавшего карьеру под руководством знаменитого Аль Капоне, шел в числе других почетных гостей будущий кандидат в президенты Барри Голдуотер.

Еще более интимный характер носила дружба лидера «бешеных» с другим деятелем преступного мира по имени Вилли Байофф. Они даже познакомились домами. За две недели до того, как гангстеры, припомнившие Байоффу какие-то старые обиды, подложили в его автомашину пластиковую бомбу, Голдуотер доставил супругов Байофф на своем личном самолете из Лас-Вегаса в Феникс.

Соблюдая утвердившиеся в Америке принципы двухпартийности, от республиканцев не отстают и демократы. Уже упоминавшийся Клиффорд Джонс был боссом отделения демократической партии в Неваде. От него ниточка протянулась к Бобби Бэйкеру, бывшему секретарю демократического большинства в сенате, ближайшему другу и помощнику вице-президента Джонсона.

Под сенью столь высоких покровителей местные представители закона вообще не считают нужным скрывать свои симпатии и привязанности. Когда шерифа лас-вегасской полиции Р. Лэмба спросили, почему в городе не ведется борьба с гангстерами, сей достойный представитель власти ответил: «Именно этим людям наш город выражает свою признательность. Без них не было бы Лас-Вегаса. Не следует этого забывать».

А. БУТЛИЦКИЙ

Посмотрите, как лихо отплясывает твист в одном из казино губернатор Невады Грант Сойер.

Посетители этого игорного зала имеют не столь респектабельный вид, как завсегдатаи «Фламинго», «Ривьеры» и других фешенебельных казино. Об их общественном положении можно судить по номерам, четко выведенным на спине. Тем не менее директор тюрьмы Джек Фольяни уверен, что его питомцам рулетка и блэк-джек не более противопоказаны, чем всем остальным американцам.

МЕЛОЧИ

СУЕВЕРНЫЕ ПАССАЖИРЫ

Французский трансатлантический пассажирский лайнер «Франс» недавно вышел из Гавра в Нью-Йорк на день раньше расписания. Причина — суеверие многих пассажиров, побоявшихся пускаться в путь 13 августа, да еще к тому же в пятницу.

ОШИБКА ПОЛИЦЕЙСКОГО

Разыскивая сбежавшего из клиники душевнобольного, один молодой полицейский в английском городе Карлайле задержал на улице прохожего, который внушал подозрение своей потрепанной одеждой. В полицейском участке выяснилось, что ревностный страж порядка арестовал мэра города, отправлявшегося в старом платье на охоту.

ЕЩЕ ОДИН РЕКОРД

Сотрудник сиднейской радиостанции Фред Дарбин добился рекорда еще в одной «спортивной дисциплине». На состоявшемся недавно состязании он чистил зубы непрерывно в течение сорока одного часа, приведя в негодность одиннадцать зубных щеток.

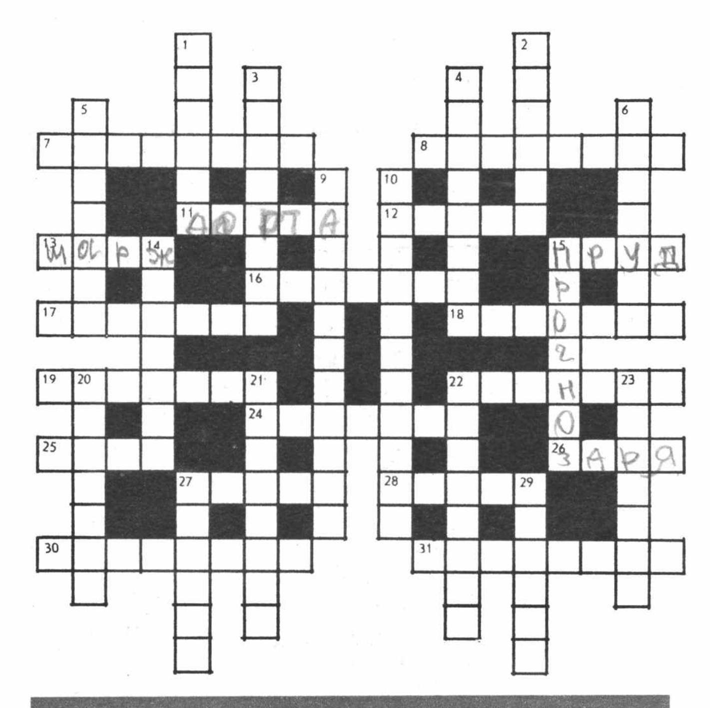
ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Итальянец Эмилио Нодарис из Генуи с радостью помчался на машине в полицию, получив извещение о том, что нашелся украденный у него чемодан. Каково же было огорчение Эмилио, когда, выйдя из участка на улицу, он обнаружил, что его автомобиль угнали.

С БАРАБАННЫМ БОЕМ ПРОТИВ ЛЫСИНЫ

В Копенгагене объявился «чудотворец» Арне Хансен, который придумал новый способ борьбы с облысением. Он утверждает, что вибрация воздуха, сопровождающая удары в барабан, укрепляет корни волос. Еще не выяснено, так ли это, но, видимо, у этого врачевателя нашлось много последователей: полиция города получила уже десятки заявлений от граждан с просьбой избавить их от барабанного боя в ночные часы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Приток Амура. 8. Газетно-журнальный жанр. 11. Главная артерия. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Сатирическое или юмористическое изображение. 15. Искусственный водоем. 16. Журнал, издававшийся в Петербурге с участием И. А. Крылова. 17. Металлический музыкальный инструмент. 18. Химический элемент. 19. Птица. 22. Раздел кибернетики. 24. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 25. Рыцарские доспехи. 26. Советская немагнитная шхуна. 27. Человек, носящий одинаковое с кем-либо имя. 28. Сок хвойных растений. 30. Баллада В. А. Жуковского. 31. Учреждение связи.

По вертикали:

1. Осетровая рыба. 2. Звезда в созвездии Персея. 3. Злаковое растение. 4. Украшение из драгоценных камней. 5. Остров в Индонезии. 6. Грузинский народный танец. 9. Советская писательница. 10. Порт в Кольском заливе. 14. Озеро в Целинном крае. 15. Предсказание погоды. 20. Балерина, народная артистка СССР. 21. Река в Южной Америке. 22. Прибор для измерения атмосферного давления. 23. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 27. Столица союзной республики. 29. Бесцветная горючая жидкость.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

5. Чехословакия. 7. Низами. 9. Парник. 10. Нансен. 12. Аренга. 16. Парапет. 18. Шапорин. 20. Мелодекламация. 21. Известь. 24. Трактат. 27. Наждак. 29. Золото. 30. Омметр. 31. Закром. 32. Скороговорка.

По вертикали:

1. Стоянка. 2. Афалина. 3. Печенье. 4. Киренга. 6. Ваза. 8. Сено. 11. Маркиза. 13. Ряженка. 14. Гагарка. 15. Ликенай. 17. Пресс. 19. Плица. 22. Енот. 23. Троянка. 25. Ремарка. 26. Кета. 27. Ноздрев. 28. Компост.

На первой странице обложки: Ударники коммунистического труда шахты имени Губкина в Белгородской области Геннадий Дерюбин, машинист бурового станка, и бригадир Вячеслав Темников.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02089. Подписано к печати 20/X 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2710. Тираж 1 850 000. Изд. № 1890.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СМЕХ с похмелья

Д. ЗОЛОТОВ

Фельетон

Перед дежурным по вытрезвителю стоял протрезвевший «клиент». Он уже держался на собственных дрожащих ногах, имевших тенденцию поскорее перешагнуть порог...

Дежурный явно не спешил. Перед ним лежала опись вещей. Под их перечнем значилось: «сдал» и «получил».

— Попрошу расписаться два раза,— сказал дежурный.— Вчера вы не владели письмом, как, впрочем, и речью. Придется задним числом расписаться в сдаче, а сегодняшним — в получении.

Гражданин стал торопливо расписываться.

— Хочу подчеркнуть,— сказал дежурный,— что вам возвращаются все до единой вещицы, «составляющие личную собственность», как сказано в инструкции...

С этими словами милиционер поставил на стол непочатую бутылку водки.

Гражданин онемел от неожиданности.

— До марта месяца сего года,— грустно продолжал дежурный,— алкоголь не возвращали, а уничтожали с участием свидетелей-дружинников и владельца. Но свидетели бывают не всегда. И теперь мы возвращаем не только полные бутылки, но и недопитые. Не говоря уж о закуске. Вот, например, второго июня у нас побывал Евгений Иванович П., столяр. Судя по всему, пол-литра он целиком не осилил. В бутылке осталось около половины. При выписке Евгений Иванович получил свои двести — грамм в грамм! И, выйдя за дверь, смог сразу опохмелиться...

Пациент, чувствовавший во время этой речи легкое головокружение, стал приходить в себя. В его глазах появился лихорадочный блеск. Он протянул руку к бутылке...

— Одну минуточку,— сказал дежурный,— прежде чем вы возьмете эту законно принадлежащую вам отраву, я обязан сделать, согласно новой инструкции, неофициальное, дружеское предложение: уничтожьте ее добровольно...

— То есть как?

— Вылейте. Разбейте... Но только добровольно. Без нашего, так сказать, противозаконного принуждения...

Развеселившийся алкоголик облизнул пересохшие губы и нахально присвистнул:

— А ты сам-то трезвый? Где это видано, чтобы по своей воле уничтожать ее, родимую? Тем более, что и закон этого не разрешает! Такую инструкцию грех не обмыть!..

— Воля ваша,— сухо ответил дежурный и указал на дверь.

А в дверях уже маячил другой «клиент», ведомый двумя милиционерами. В руке у него сияла бутылка шампанского.

— П-па-прашу поставить в холодильник! — заикаясь, потребовал он.— С-страсть люблю опохмеляться холодным шампанским!

Кое-как разместив пришельца, дежурный на некоторое время оказался свободным от оперативных дел. Он занялся другими формами борьбы с пьянством.

Среди этих форм главной являются шесть «фирменных» сообщений-повесток, которые рассылаются по месту работы пьяниц и алкоголиков. Текст их стандартен: «Доводим до сведения, что «...» .... 196 г. работник вашего предприятия (учреждения) .... (имярек) ...., будучи в сильно опьяненном состоянии, был доставлен в медвытрезвитель. Просим вас принять со своей стороны меры общественного воздействия и о результатах сообщить...»

Нестандартны лишь картинки, которыми украшены бланки,— пьяная женщина, пьяный мужчина, пьяный шофер у разбитой машины, многофигурная композиция из пьяных и т. д. Задача дежурного не перепутать «формы» и не послать пьянице-индивидуалисту бланк с картинкой групповой пьянки...

Идея борьбы с алкоголизмом с помощью художественно-канцелярских стандартов встретила живой отклик на некоторых новосибирских предприятиях. Ее охотно приняли на вооружение.

В отделе кадров металлургического завода имени Кузьмина был разработан и размножен (пока на пишущей машинке) такой стандарт:

«Начальнику вытрезвителя... (номер или район)... Отдел кадров Новосибирского металлургического завода имени Кузьмина сообщает, что работник нашего завода тов.... (имярек) ......, побывавший в вытрезвителе «...» ... 196 г., обсуждался среди коллектива, за что.....»

Говорят, что этот стандартный бланк в ближайшем будущем тоже будет снабжен художественно исполненной картиной «обсуждения среди коллектива»...

Что касается самих мер к пьяницам, то на стандартных и нестандартных ответах преобладают такие акции, как «на вид», «порицание», «ограничиться обсуждением» и т. д. Эти ужасные строгости привели к тому, что с начала года в новосибирских вытрезвителях побывало не меньше пациентов, чем за то же время в минувшем году.

Чтобы получить «строгий выговор» даже не по административной или партийной линии, а просто «от собрания цеха», сотрудникам инструментального завода надо побывать в вытрезвителе не меньше двух, а то и трех раз. На стрелочном заводе «рабочие и ИТР сурово осудили» выпивоху-грузчика. Чтобы он, не дай бог, не обиделся, профсоюзная организация «для проведения с ним воспитательной работы закрепила за ним товароведа тов. Р.». Он должен теперь быть нянькой у пьяницы. Будущему эскулапу, студенту 5-го курса медицинского института, допившемуся до вытрезвителя, студенческий совет с превеликим трудом «вынес общественное порицание». Хотя в его лице надо видеть в недалеком будущем лекаря от многих болезней, в том числе и от алкоголизма. Хорош лекарь!..

В вытрезвителе пациент пациенту рознь. Бывают такие, что, единожды сюда попавши по несчастному случаю, закаиваются на всю жизнь. Но немало и других, для которых это учреждение — дом родной.

В вытрезвителе Центрального района 35 кроватей, а в активе — около сорока постоянных постителей. Против каждой фамилии в графе «Сколько раз доставлялся» стоят цифры — 5, 8, 11, наконец, просто «много раз». Почти все они бездельничают, ведут жизнь от рюмки до рюмки, вовлекают в пьянку молодежь.

Среди неработающих выпивох встречается еще одна разновидность — пьяницы-пенсионеры. Заслуженный отдых они понимают как заслуженное пьянство.

Едва стемнеет, они усаживаются на скамейках и, завлекая молодежь, бьют «козла», мечут «дурачка», дергают «очко». Весь доход от игр реализуется на этом же столе...

С такими «пенсионерами» милиция вообще замучилась. Писать на них в собес? Бесполезно. За пьянство пенсии не лишают...

А почему, собственно говоря, не лишают? Откуда такой либерализм и всепрощение «за прошлые заслуги»? Почему не выселяют из городов лентяйствующих завсегдатаев вытрезвительных камер?

Какие бы это были убедительные иллюстрации к лекциям «Много пить — добру не быть».

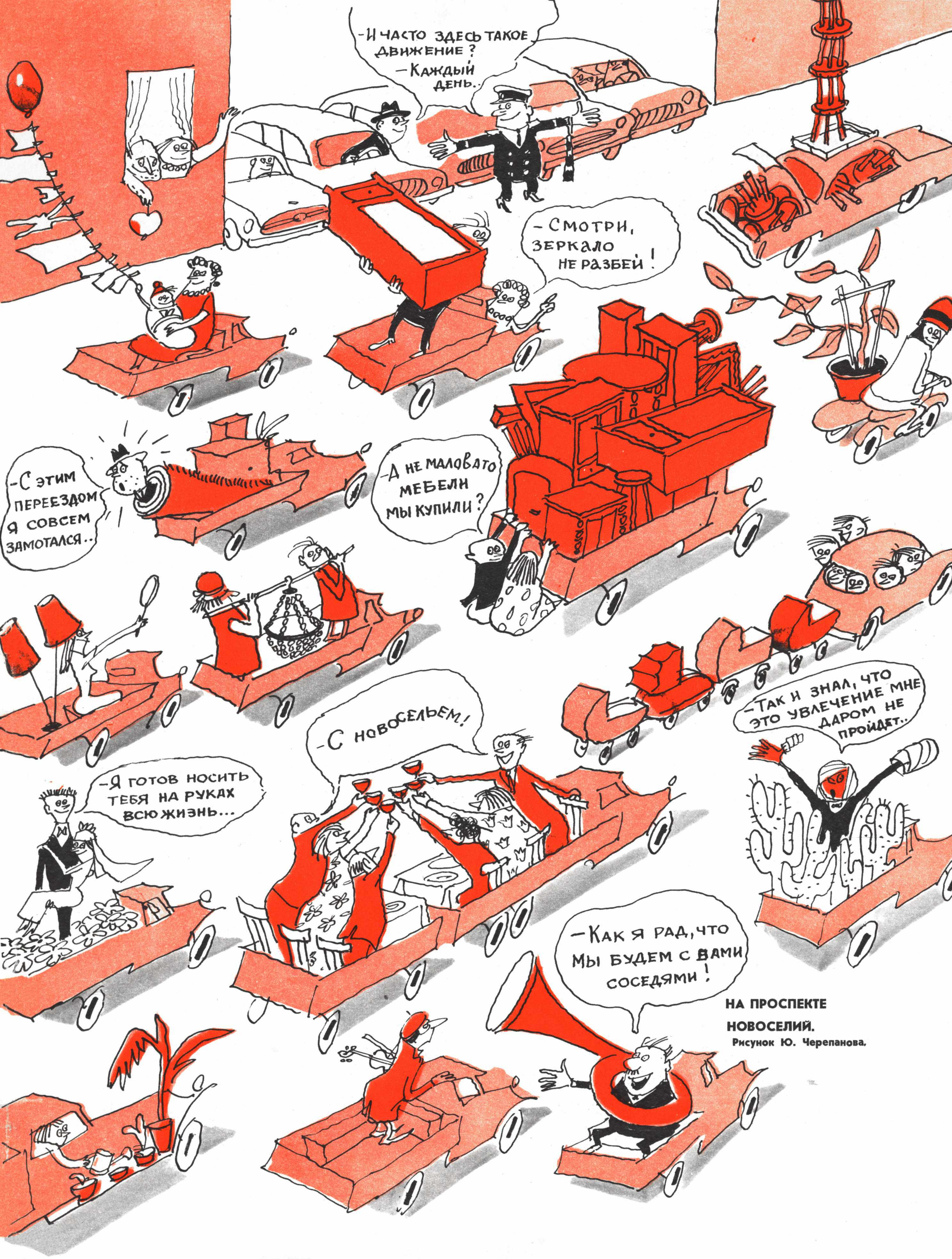
Речь идет не о рюмке водки при встрече с фронтовым другом, не о бокале шампанского на именинах. Речь о пьющих до одурения, до тяжелого, порой страшного похмелья. Уважаемый поэт Расул Гамзатов справедливо написал прямо на винном роге:

> В час пира нам веселье,
> Нам слезы в час похмелья...

Какие уж тут могут быть слезы, если даже в вытрезвителях возвращают недопитую водку, а на производстве прикрепляют для компании профсоюзного активиста...

Смех один!

г. Новосибирск.

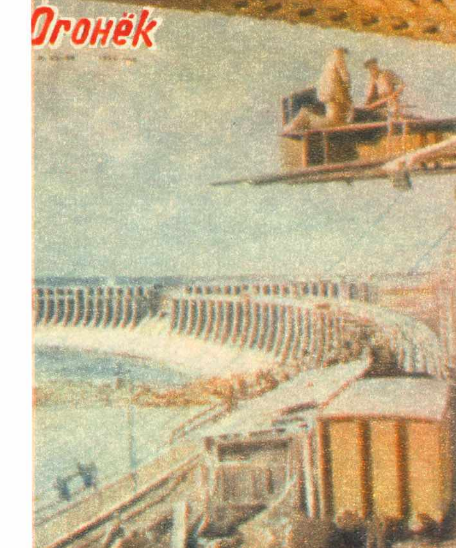

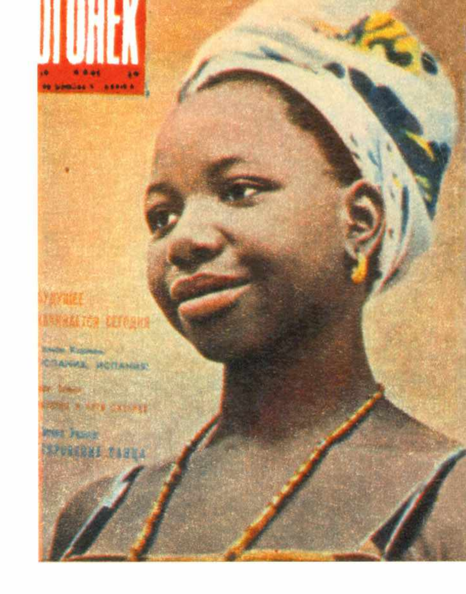
НА ПРОСПЕКТЕ НОВОСЕЛИЙ.

Рисунок Ю. Черепанова.

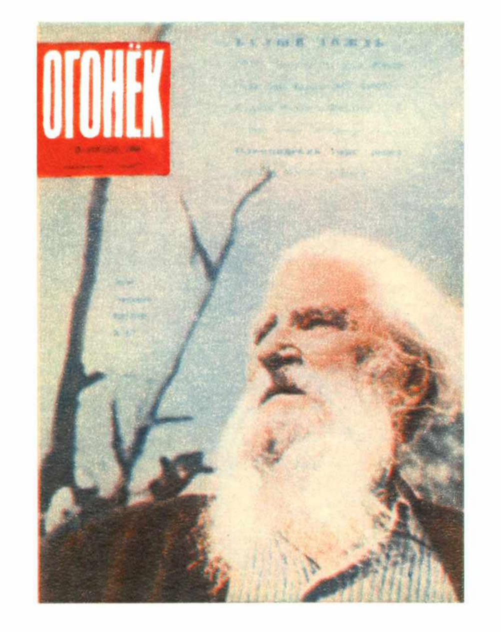

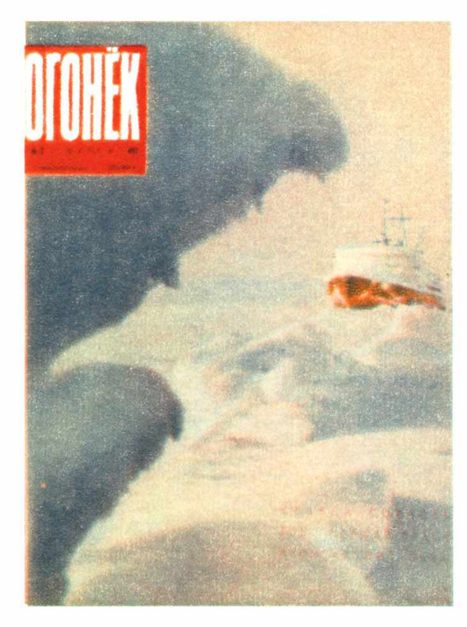

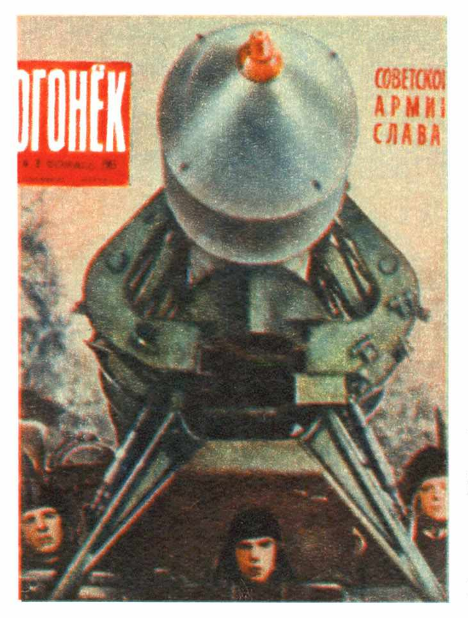

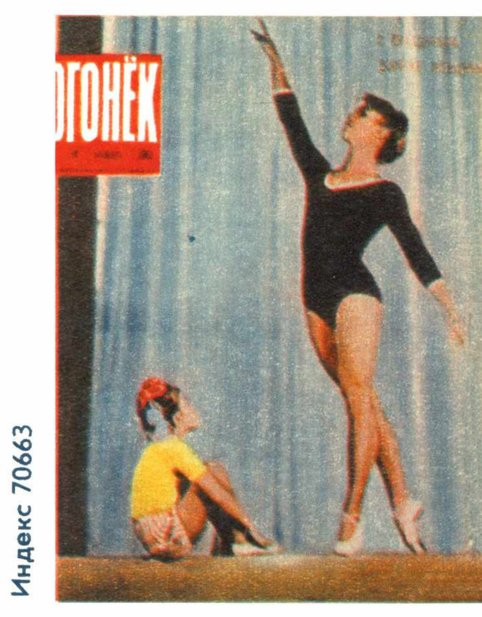

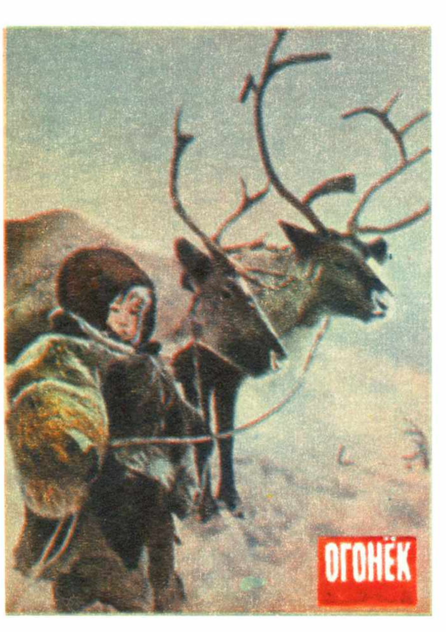

Цена номера 30 коп. Индекс 70663